

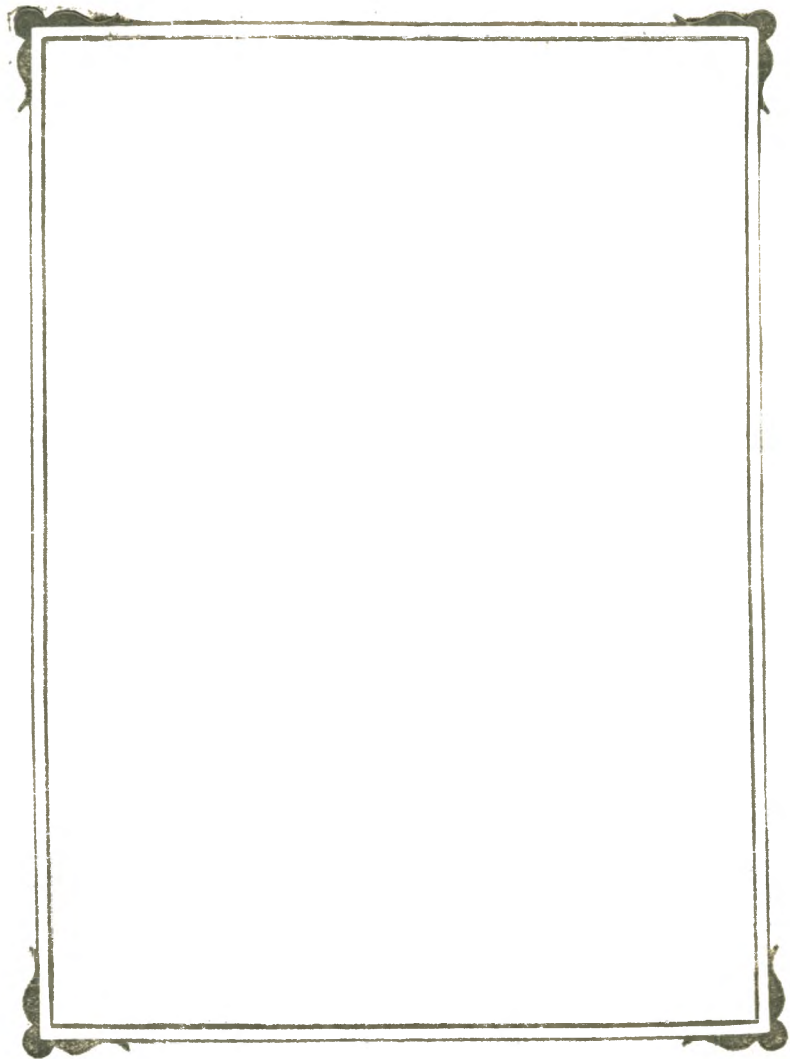
ЖИЗНЬ  
ОТМЕЧАТЕЛЬНЫХ  
ЛЮДЕЙ

В. КАЛЬМА

ДЖОН БРАУН

\*

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ





ЖИЗНЬ  
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ  
ЛЮДЕЙ



ДЖОН БРАУН

# ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ



## СЕРИЯ БИОГРАФИЙ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

АКАД. В. Л. КОМАРОВА, МИХ. ЛКФШИЦА (ОТВ. РЕДАКТОР),  
АКАД. Е. В. ТАРЛЕ, АКАД. А. Н. ТОЛСТОГО, Ю. Н. ТЫНЯНОВА,  
Е. Ф. УСИЕВИЧ, А. А. ФАДЕЕВА, АКАД. А. Е. ФЕРСМАНА,  
ПРОФ. П. Ф. ЮДИНА.



ВЫПУСК

# 6

[162]



МОСКВА МСМХЛ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Н. КАЛЬМА

# ДЖОН БРАУН

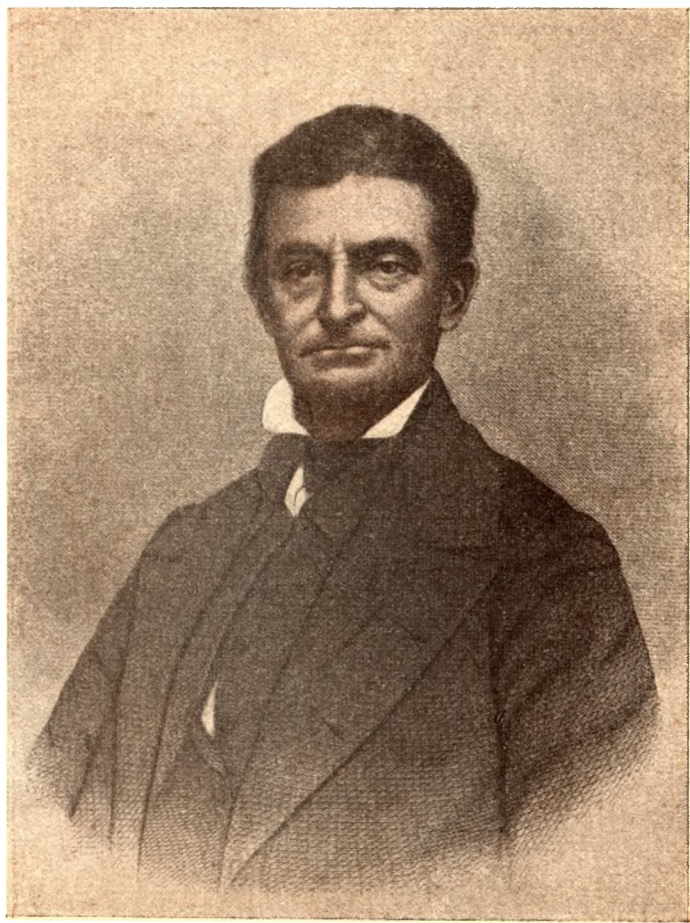
8

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ  
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ


1940











## ЗАОКЕАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА



1800 году в хижине мелкого американского фермера Брауна родился сын. Мальчика назвали Джоном. Спустя полстолетия Джон Браун сыграл выдающуюся роль в истории Америки. К 1800 годам Соединенные штаты окончательно оформились как самостоятельная политическая единица.

К этому времени были достроены главные здания в новой столице Соединенных штатов — Вашингтоне. Президент перенес туда свою резиденцию из Филадельфии, и вслед за ним в новый город переехали все правительственные учреждения Штатов.

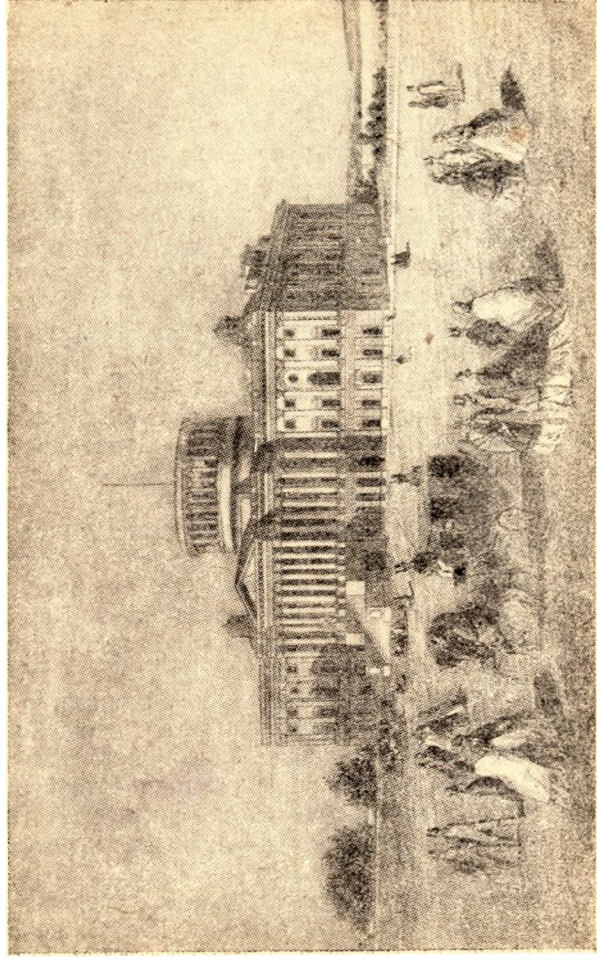
Здания новой столицы были выстроены в пышном и холодном классическом стиле. Мрамор, бронза, богатые лепные украшения — все должно было показать иностранцу, что молодая республика ведет свое независимое политическое существование.

Родина Джона Брауна добилась независимости путем длительной борьбы. До 1776 года Северная Америка представляла собой ряд колоний, принадлежавших различным европейским странам.

В колонизации Северной Америки в XVII и XVIII веках принимали участие почти все страны Европы: Франция, Англия, Швеция, Испания, Голландия и даже Россия. Быстрее остальных росли и развивались колонии Англии. Бурное развитие промышленности усилило в Англии обезземеливание крестьянства, в стране становилось, попросту говоря, слишком много «лишних ртов». Безземельные отправлялись в колонии искать счастья. Колонии Франции, Испании и России росли не так успешно. В этих странах крестьянство оставалось прикованным к своему клочку земли. Фактически колонии этих стран в Америке представляли собой либо военные форпосты, либо торговые фактории. Но Англия смотрела далеко вперед, и даже это мирное соседство казалось нестерпимым для английских промышленников и купцов. С помощью оружия Англия изгоняет из Америки почти всех своих конкурентов. Оставались две главные соперницы Англии — Испания и Франция.

В течение всей первой половины XVIII века в Америке происходили бесчисленные столкновения англичан с французами. В 1754 году вспыхнула война, которая продолжалась до 1759 года. Эта война, как и Семилетняя война в Европе 1756—1763 годов, была вызвана не только борьбой Англии и Франции за американские территории — решался вопрос о мировом торговом и промышленном первенстве.

В результате этих войн Франция лишилась всех владений в Америке. Теперь Англии принадлежали и земли от Аллеганских гор до реки Миссисипи — огромный, богатый и мало заселенный край. Но Георг III, король английский, объявил эти земли собственностью короны. Большую их часть король присоединил к канадской колонии Квебек, в которой издавна поселялась верноподданная аристократия, а меньшую объявил индейской резервацией и запретил колонистам пересе-



Здание Конгресса.

*(С современной гравюры.)*

латься на западные земли. Указ этот вызвал сильное возмущение среди фермеров, ремесленников и даже плантаторов.

Политика Англии по отношению к колониям вызвала в Америке всеобщее недовольство. Политика эта состояла в использовании американских колоний, как сырьевой базы и рынка сбыта. Развитие промышленности в Америке задерживалось искусственным путем. Англия категорически воспретила колониям строить железопрокатные и сталелитейные заводы. Металл из Америки вывозили в Англию только в виде чугуна или железа, но ни в коем случае не в виде изделий. Все товары колонии должны были покупать и ввозить только из Англии и только на английских кораблях. Английская буржуазия бешено наживалась за счет колоний, а крупное английское дворянство привыкло смотреть на колонии, как на свою вотчину. Налоги, насильственное подавление промышленности, стеснение морской торговли — все это вызывало острое недовольство колонистов.

Непрерывные стычки с индейцами заставили колонистов создать собственную милицию — английских правительственных войск было недостаточно. В колониях образовалась довольно значительная военная сила. Каждый поселенец-фермер был в то же время и воином. Условия жизни, суровые и первобытные, закаляли людей, делали их стойкими и мужественными. Фермеры одинаково хорошо владели заступом и ружьем. В борьбе с индейцами разрозненное население колоний сплотилось. Еще в XVII веке в Америке возникла федерация Новой Англии. Колонии начали рассматривать себя, как известную силу, и все труднее мирились с английским владычеством.

Особенно сильное возмущение росло в северных колониях, но и монархически настроенный Юг также проявлял недовольство по отношению к метрополии. Губер-

наторы, посылаемые из Англии, налоги, взимаемые Англией, — все это рассматривалось, как посягательство на исконные права помещицней аристократии Юга.

Но главное недовольство южан политикой Англии вызывал вопрос о торговле рабами. Вывоз негров из Африки и торговля ими была выгоднейшей статьёй дохода. Англия с начала XVIII века монополизировала эту торговлю. Виргинские плантаторы, поставлявшие негров для других колоний, терпели большие убытки — ввоз негров из Африки снижал на них цену. Роптали и американские судовладельцы — весь «черный товар» перевозили на английских кораблях. Отношения между колониями и метрополией обострялись все более и более.

Из Европы шли предреволюционные веяния. Культурная молодежь читала Вольтера и Монтескье. В Америке начали появляться брошюры, призывающие к борьбе за независимость. Созданные в восьмидесятых годах «комитеты связи» содействовали объединению колоний. В 1774 году открылся первый континентальный конгресс, на котором собрались делегаты большинства колоний. Представители колоний, выдвинутые из наиболее обеспеченных кругов, хотели уладить все недовольства мирным путем. Послали в Лондон делегацию с ходатайством об отмене запретительных законов внешней торговли. Но в Англии делегаты были встречены, как мятежники. Правительство не желало идти ни на какие уступки. В ответ на требования колоний Англия ввела новые пошлины и сборы. В отдельные города были посланы правительственные войска, и теперь уже на все сколько-нибудь ответственные посты в колониях назначались чиновники из Лондона.

Политическая атмосфера была накалена.

В мае 1775 года в Америке созывается второй континентальный конгресс. На конгрессе представители колоний избрали главнокомандующего и вынесли решение

создать собственную федеральную армию. Джефферсон от имени конгресса сообщил эти решения английскому правительству.

В 1776 году тринадцать североамериканских колоний, или, как они теперь именовались, штатов, вступили в союз и приняли Декларацию независимости. Так было образовано новое государство — Соединенные штаты Америки.

Но еще годом раньше Англия выслала в Америку карательную экспедицию. Губернатор Бостона Гедж должен был примерно наказать непокорных и снова привести колонии к подчинению английской короне. Английские войска расстреливали «мятежных колонистов» и сами подвергались постоянным нападениям. Для усмирения Америки Англия намеревалась послать целую армию.

Но колонии не собирались дешево отдавать свою независимость. Началась война 1775—1782 годов за независимость, или так называемая первая американская революция, о которой Ленин писал в письме к американским рабочим:

«История новейшей, цивилизованной Америки открывается одной из тех великих, действительно освободительных, действительно революционных войн, которых было так немного среди громадной массы грабительских войн, вызванных, подобно теперешней империалистской войне, дракой между королями, помещиками, капиталистами из-за дележа захваченных земель или награбленных прибылей. Это была война американского народа против разбойников англичан, угнетавших и державших в колониальном рабстве Америку, как угнетают, как держат в колониальном рабстве еще теперь эти «цивилизованные» кровопийцы сотни миллионов людей в Индии, в Египте и во всех концах мира»<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Ленин, Собр. соч., т. XXIII, стр. 176, изд. 3-е.





Подписание Декларации независимости США. 1776 г.

(С картины Трэмбелла)

Война за независимость была подлинно народной войной; англичане не ожидали от колоний такого решительного отпора. Они слишком верили в свою мощь.

Главной силой Англии был флот, тем более, что почти все порты принадлежали англичанам. Английская армия, хорошо вооруженная, снабженная продовольствием и оружием, состояла в основном из профессиональных наемных солдат.

Колониальная армия, плохо обутая и одетая, мало дисциплинированная, состояла главным образом из фермеров. Ею командовали офицеры, бывшие плантаторы или торговцы, мало знакомые с военной техникой. Но американцы были воодушевлены ненавистью к английским тиранам, они с ожесточением отстаивали свою землю и отлично дрались в партизанских боях.

Баррикады, сооруженные американскими фермерами, мешали движению английской армии. Крестьяне бросали свои поля и, взяв вилы и косы, шли сражаться с англичанами.

Жалованье американским солдатам выплачивали нерегулярно, паек был плох и скуден. Но в воззваниях и документах армии говорилось о равенстве всех граждан, о торжестве демократии в Америке, и это казалось бойцам достойной наградой за все лишения.

Война, между тем, затягивалась. На побережье англичане одерживали победу за победой, но едва начинали они продвигаться в глубь страны с обозами и тяжелой артиллерией, как тотчас же на них нападали легкие отряды колонистов. Однако на решительный удар у американцев еще не было достаточно сил. Флот противника стоял надежным прикрытием.

Английские офицеры пили и играли в карты в Филадельфии. Генералы его величества Георга III воздвигали триумфальные арки и устраивали турниры в подражание



Эвакуация англичан из Чарльстоуна в декабре 1782 г.

(С картины Говарда Пайля.)

средним векам. Английские леди присылали венки и гирлянды с фантастическими девизами и надписями, которые обещали бессмертие победителям американцев.

Результаты войны были бы еще долго гадательными, если бы на защиту колоний не выступила Франция со своим флотом.

Во Франции еще не забыли старых обид, нанесенных Англией. Посланные во Францию представители колоний сумели использовать старую вражду. Французские офицеры потянулись в Америку добровольцами в колониальную армию. Французский флот появился у американских берегов и в морских боях принял участие на стороне Америки. Франция снабжала американцев оружием и при первом же успехе американской армии в 1778 году признала Соединенные штаты, как самостоятельное государство. Спустя три года английская армия отдала американцам важнейший укрепленный пункт — приморский город Йорктаун.

С этого времени начинаются последовательные неудачи англичан.

Англия вела в это время войну не только с американскими колониями. В Вест-Индии она воевала с Францией; господствующий над Средиземным морем английский порт осадили испанцы. Англичане принуждены были искать мира. 3 сентября 1783 года Соединенные штаты Америки подписали мирный договор. Англия отказывалась от всех своих владений в Северной Америке, за исключением Канады. Война за независимость окончилась полной победой Соединенных штатов.

В США был создан политический строй, имевший мало общего с теми революционными идеями, за которые боролись трудящиеся Соединенных штатов в продолжение войны. На Юге попрежнему вся власть принадлежала помещичьей аристократии, вся земля — плантаторам. На Севере всем распоряжалась торговая и промышленная

буржуазия. В центральном правительстве большинство представляли южане. В 1787 году конгресс в Филадельфии выработал новую конституцию.

Ни фермеры, ни городской пролетариат Соединенных штатов не были допущены к власти. Более того, рабочие вовсе не пользовались избирательным правом; избирательная система была построена таким образом, что по всем штатам право выборов имело всего около ста тысяч человек.

В верховный суд Соединенных штатов, в палату, в правительственные учреждения отдельных штатов избирались лишь представители крупной буржуазии или плантаторов-рабовладельцев.

На президентском кресле появились помещики-южане из старейшей колонии — Виргинии. Они выработывали американскую конституцию, они вводили буржуазный порядок, старались установить «крепкую» власть.

Молодой стране повезло. Первый президент Америки, Георг Вашингтон, избранный 4 марта 1789 года, занял президентский пост за несколько месяцев до начала французской революции. Против опасности, идущей из Франции, единодушно объединились все правители Европы. Англия и Франция вступили в жестокую борьбу, и в эту борьбу были постепенно втянуты все крупнейшие европейские страны.

Пики, сабли, ядра, пушки — двадцать лет Европа жила только этим. Весь конец XVIII и начало XIX века продолжались войны.

Все это время молодая заокеанская республика хладнокровно наблюдала за борьбой Старого света, хранила нейтралитет. Это означало, что она не вмешивалась в военные действия, но охотно пользовалась создавшимся положением для торговли с воюющими сторонами.

В этот период контрабандная торговля Америки на

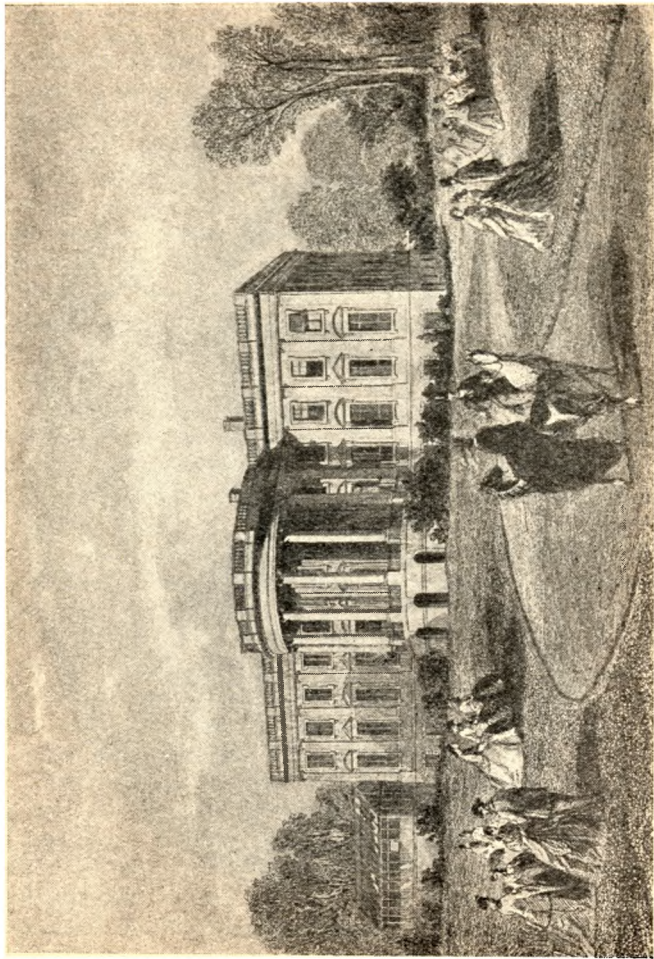
море развернулась в неслыханных размерах и стала чуть ли не национальным делом. Северные штаты торговали зерном, маслом, свининой, южные поставляли для всей Европы рис, сахар, табак, хлопок.

Американские моряки превратились в морских маклеров. Правда, контрабандная торговля приносила немало хлопот. Английские и французские крейсера отправлялись в специальные экспедиции, чтобы преследовать и захватывать американские суда. Часто американские торговые суда подвергались обстрелу, но огромные барыши заставляли итти на риск, и корабли Соединенных штатов можно было встретить во всех портах мира.

Несмотря на преследования, Америке удалось захватить в свои руки почти треть мировой торговли. В стране начала быстро развиваться промышленность, главным образом текстильная и железоделательная.

Из утомленной войнами Европы в Америку потянулись эмигранты. Среди них были революционеры, искавшие в молодой республиканской стране свободы и равенства, бежавшие от европейской реакции. Кроме «чаявших свободы», в Америку, захватив свои ценности, спасалась бегством от войн и революций аристократия и крупная буржуазия. Искатели приключений, путешественники, люди, которым пребывание в Старом свете стало почему-либо неудобным, также устремились в новую страну.

По первой официальной переписи 1790 года в Америке насчитывалось около четырех миллионов жителей, а в 1800 году уже пять миллионов триста тысяч человек. Иммигранты из Европы—ирландцы, немцы, итальянцы, французы, поляки—заселили дотоле пустынную область между Аллеганями и рекой Миссисипи—Кентукки и Теннесси, Огайо и область Великих озер.



Белый дом.

*(С современной гравюры.)*



Джон Браун.



## СЕВЕР И ЮГ

В начале XIX столетия на первое место в Америке выдвинулся вопрос, которому суждено было стать самым острым и жгучим в течение последующего полувека. Это был вопрос о взаимоотношениях северных и южных штатов, в первую очередь вопрос о рабовладении.

«Юг и Север — это было как бы столкновение средних веков с новыми временами, — пишет журналист и путешественник Вильям Диксон. — Средние века и новое время не могли мирно ужиться вместе, каждая сторона хотела главенствовать в великой республике; с одной стороны — рыцарство с его славой и пороками, а с другой — демократия со своими надеждами и запасом сил».

«По одну сторону стояли южные штаты, населенные людьми воинственными и надменными, представителями привилегий, людьми, у которых понятия о правах рождения и власти были развиты в высшей степени.

По другую сторону находились северные штаты, населенные опытными купцами, искушенными промышленниками, представителями гения предприимчивости; здесь добродетелями признавались честолюбие и успех. На Юге жил человек, не привыкший к труду, со своим томным видом, с утонченными вкусами и традициями. На Севере — ремесленник, ум которого был полон мыслей и рука не нуждалась в поддержке».

«Праздношатающийся путешественник из Старого света чувствовал себя как дома в помещичьих домах Юга. Дома были хорошо построены, мебель в них отличалась богатством, стол и вино были превосходны, книги, газеты, музыка — те же, что и в Европе. Путешественник находил множество лошадей и прислуги, обширные земли, прекрасные леса, много дичи. Тут он мог поохотить»

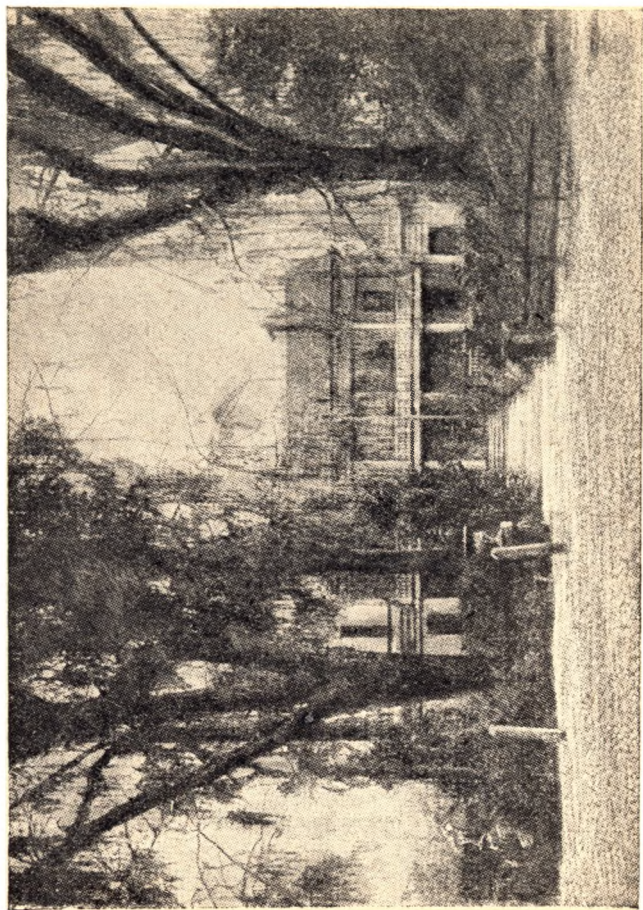
ся, там — половить рыбу. Почти все молодые женщины прекрасно ездили верхом, танцевали, пели. Мужчины отличались отвагой, силой, надменностью. То, что казалось неблагоприятным, удалялось с глаз иностранца или выставлялось в комическом и живописном свете. Он слышал, как шутя говорили о рабовладении, и шел на плантацию, как на комическое представление. Хозяева вызывали черного Сэма и заставляли его петь и ломаться. После кругового обхода пуншевой чаши, пока негры пели и прыгали, путешественник отправлялся домой, приятно смущенный, вынося убеждение, что черный человек даже любит свои цепи.

Бездельнику в северных штатах немного пришлось бы по вкусу. Дома не так обширны и великолепны, как на Юге, климат гораздо холоднее и удовольствий гораздо меньше. У мужчин все внимание обращено на дела, они не занимаются ни охотой, ни рыбной ловлей, ни танцами и едва ли о чем-нибудь говорят, кроме своих фабрик, копей, дорог, рыболовных предприятий; они всегда торопятся, заняты, поглощены делом, как будто на их руках весь мир и они боятся его уронить. Женщины также заняты делами, после завтрака тотчас же отправляются в школу, садятся за письменный стол или за швейную машину. Они начитаны, знакомы с последними течениями в литературе и науке и привыкли свои познания немедленно обращать на пользу другим».

Однако первые годы нового столетия протекли в относительном мире между «средними веками» и «новым временем».

«Крепкая» власть, установленная в Америке, была совершенно по сердцу и капиталистам Севера и плантаторам Юга. Она охраняла их социальные привилегии и не допускала «чернь» вмешиваться в управление страной.

В 1776 году в Союзе было тринадцать штатов с населением свыше двух с половиной миллионов человек.



Усадьба южного плантатора.

*(Позднейшая фотография.)*

К 1800 году Союз состоял уже из шестнадцати штатов—восьми южных рабовладельческих и восьми северных, где рабство было уничтожено. Население Севера и Юга распределялось почти поровну—около двух с половиной миллионов в каждой части. Но сорок процентов населения на Юге составляли бесправные негры. Поэтому в палате депутатов на свободные штаты приходилось пятьдесят семь представителей, а на рабовладельческие сорок девять. В сенате же силы уравновешивались — там на шестнадцать южан было шестнадцать северян. Система выборов в сенат была такова, что независимо от числа избирателей каждый штат выдвигал двух представителей.

В продолжение европейских войн торговля на море, общие интересы сбыта объединяли северные и южные штаты. Промышленность Юга в первые годы нового столетия еще не слишком отставала от Севера. Кроме того, в центральном правительстве еще преобладали крупные виргинские землевладельцы. Поэтому начало XIX века — время сравнительно мирного сожительства Юга с Севером.

Но мир не мог длиться долго: пропасть, разделявшая Север и Юг, была слишком велика, слишком различны были экономические интересы обеих сторон.

Из Европы продолжали тысячами прибывать иммигранты. Прибрежная полоса была уже вся заселена, поэтому новоприбывшие начинали продвигаться в глубь страны.

Помещики-южане хищнической эксплуатацией истощали свои земли на Юге. Им нужны были новые земли под плантации, и они также двинулись на поиски свободных территорий.

В движении на Запад помещики, которых сопровождали толпы черных невольников, столкнулись с свободными, сильными людьми, привыкшими жить трудами своих рук. Встреча двух миров неизбежно должна бы-

ла окончиться решительным взрывом. Поводов для столкновений было очень много. Довольно было искры, чтобы вспыхнуло пламя взаимной ненависти. И такой искрой явился вопрос о рабстве. Он стал формулой борьбы, которая за полстолетия приняла всемирно-исторический размах.

В конце XVIII и начале XIX века рабовладение еще не было ни особенностью политической системы, ни отличительным признаком южных штатов. Казалось, наоборот, что рабство доживает свои последние дни, что оно постепенно отмирает.

В северных штатах оно было отменено в 1777—1804 годах. На юге США рабство, казалось, также приходило к концу.

Труд невольников становился все менее выгодным для плантаторов. Лучшие земли были истощены. За исключением Южной Каролины и Георгии, где были рисовые плантации, успешно обрабатываемые неграми, подневольный труд не окупался. На хлопковых плантациях ручная очистка хлопка обходилась слишком дорого, и невольник не оправдывал даже тех затрат, которые на него производились. В конце XVIII века цены на невольников сильно упали: взрослый, сильный негр стоил около ста долларов. Вскоре на Юге появились люди, которые публично и в печати высказывались за постепенную отмену рабства. Конечно, при этом умалчивалось об экономических причинах, а приводились доводы высоко морально-го порядка.

В 1793 году квакер из Коннектикута, Уайтни, изобрел хлопкоочистительную машину. До этого один негр мог очистить в день не больше одного фунта хлопка; после изобретения и усовершенствования машины даже неопытная негритянка могла очистить больше ста фунтов в день. Отношение к рабству резко изменилось.

В этот период в Англии происходил бурный перево-

рот в текстильной промышленности и смежных с нею областях.

Текстильные центры Англии Манчестер и Ливерпуль молниеносно росли. На английских фабриках работали десятки тысяч рабочих. Англия становилась страной дешевой бумажной ткани.

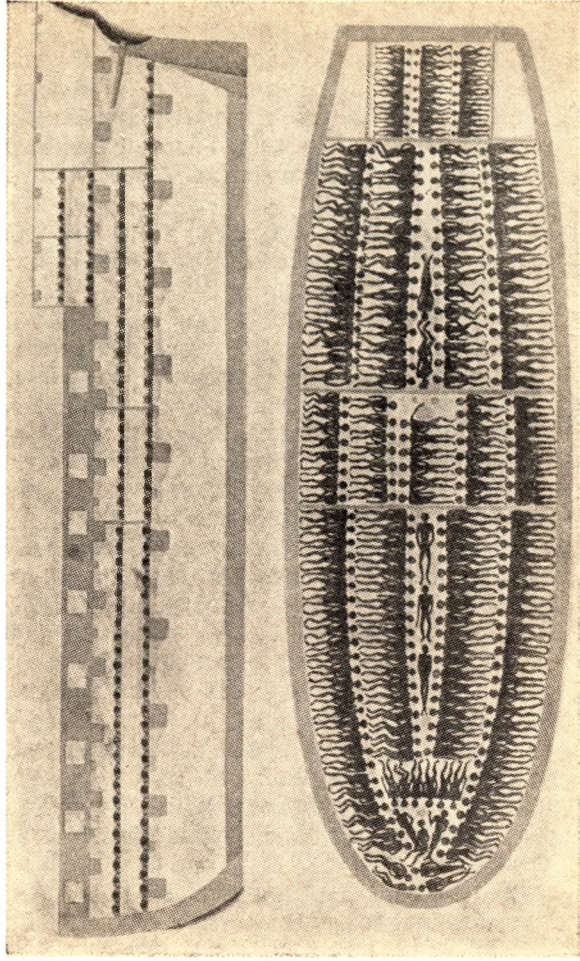
Но промышленный подъем в Англии был возможен только благодаря хлопководству в южных штатах Америки. Юг сделался почти единственным поставщиком хлопка для Англии. В 1781 году в Англию было вывезено всего 13 тысяч кип хлопка, а в 1820 году — 572 тысячи кип.

В короткое время хлопок почти вытесняет с плантаций рис, сахар и табак. За семь лет разведение хлопка увеличилось во сто раз, и хлопок сделался подлинным золотом Юга. От урожая хлопка в Америке зависели судьбы английской биржи. Отныне триста тысяч плантаторов Юга строили свое благосостояние на хлопке.

К. Маркс в статьях о гражданской войне в Америке говорит, что монополия южных штатов в снабжении Европы хлопком создавалась не особыми естественными, а особыми социально-историческими условиями. Пригодные для хлопка климат и почва существуют и в других странах, как, например, в Индии. Но нигде не сохранилось в таком виде и таких размерах рабство, как это было в южных штатах. Расцвет и богатство Юга основывалось на невольничьем труде, и только бесчеловечная эксплуатация негров позволяла выбрасывать на рынок такое огромное количество дешевого сырья.

Южные порты Чарльстоун и Нью-Орлеан процветали. Тысячи кораблей, груженных хлопком, шли в порты Старого света, и в Америку широкой струей текло золото из Европы.

«Под влиянием этой внезапно хлынувшей волны богатства, основанного преимущественно на подневольном



Невольничье судно.

(Современный схематический рисунок.)

труде, отношение Юга к рабовладению радикально изменилось, — пишет один американский историк. — Между 1808 и 1820 годами представители южан согласились на ряд законов, ограничивающих торговлю невольниками. После того, как хлопок стал диктатором, цена на рабов быстро поднялась, давно заброшенные земли вновь стали обрабатываться, хлопководство быстро распространялось по югу и юго-западу».

В 1825 году стоимость взрослого негра колебалась между двумя и тремя тысячами долларов. Некоторые штаты, как, например, Виргиния и Мэриленд, занялись «рабоводством», то-есть выращиванием негров-рабов для того, чтобы поставлять их в хлопководческие штаты.

Разумеется, теперь уже никто не говорил об уничтожении рабства. Простая петиция филадельфийского общества борьбы с рабством подняла в палате представителей целую бурю, хотя в этой петиции говорилось лишь о том, чтобы конгресс подумал, какими мерами приостановить дальнейшее развитие рабства.

Представители штатов, расположенных южнее Потомака, поспешили заявить по этому поводу, что для Юга рабство гораздо важнее самого Союза. Это заявление сделалось лозунгом крайней рабовладельческой партии.

Вопрос о новых территориях и невольниках отныне решал судьбу крупных помещиков-землевладельцев. Поэтому так нетерпимо относились южане к малейшей попытке добиться уничтожения или даже смягчения законов о рабстве. Но чем больше растет экономическое могущество южан-хлопководов, тем тревожней и неустойчивей становится их политическое положение.

Маркс писал:

«Все растущее злоупотребление Союзом со стороны рабовладельцев, действовавших в союзе с северной демократической партией, является, так сказать, общей формулой истории Соединенных Штатов с начала теку-



щего столетия. Последовательные компромиссные меры знаменуют последовательные этапы превращения Союза в раба рабовладельцев. Каждый из этих компромиссов означает новый захват со стороны Юга и новую уступку со стороны Севера. В то же время ни одна из последовательных побед Юга не была одержана без горячей борьбы с враждебной ему силой на Севере, которая выступала под именами различных партий, с различными лозунгами и под различными знаменами. Если положительный и окончательный результат каждого отдельного спора говорил в пользу Юга, то внимательный наблюдатель исторических событий не мог не заметить, что каждое новое продвижение рабовладельцев является шагом на пути к их окончательному поражению»<sup>1</sup>.

На Севере в этот период шло быстрыми темпами развитие крупной машинной текстильной и металлургической промышленности. Успехи промышленности определялись в большой степени прогрессом техники. Механический ткацкий станок, введенный Лоуэллом на своих фабриках в 1814 году, сильно способствовал усовершенствованию текстильной промышленности. Введение паровой машины и освещение угольным газом вызвали спрос на каменный уголь. Появились механическая молотилка, жатвенная машина.

Но особенный расцвет промышленности на Севере наступил с развитием средств передвижения. Сооружение в 1825 году канала Ири, соединявшего озеро Ири с реками Гудзоном и Миссисипи, Атлантическим океаном и Великими озерами, сделало Нью-Йорк самым крупным портом США. Вслед за этим целой сетью искусственных каналов покрылась Пенсильвания.

---

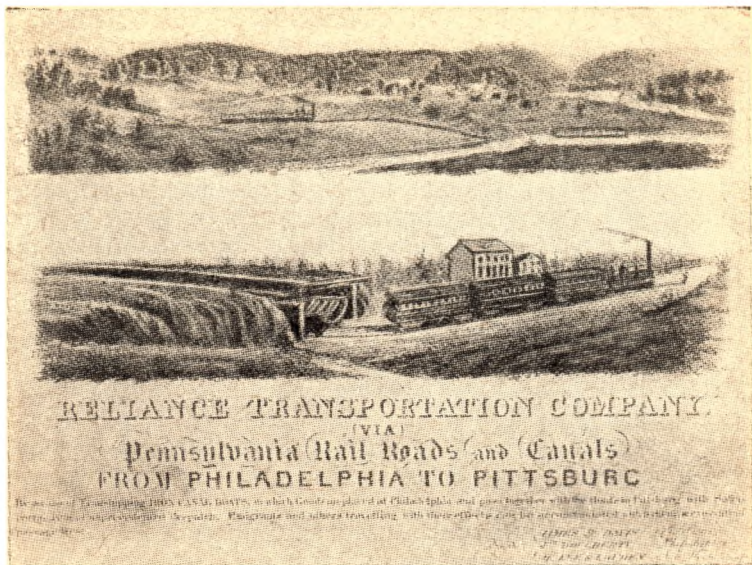
<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. XII, ч. 2-я, стр. 176.

В тридцатых годах строительство железных дорог произвело целую революцию. Железные дороги дали мощный толчок колонизации Запада, облегчили переселенцам продвижение в глубь страны, к обширным свободным западным территориям. Обосновавшиеся за Аппалачскими горами переселенцы открыли движение на Дальний Запад, к Тихому океану. Долина реки Огайо стала одним из основных путей колонизации Запада, наряду с северным путем, через Гудзон, и южным, в обход Аппалачских гор. Заселение Запада началось еще до постройки железных дорог и пароходов. С покупкой в 1803 году у Франции Луизианы, которую Наполеон получил от Испании, для переселенцев стали доступными обширные плодородные земли в бассейне Миссисипи.

Первыми поселенцами Запада были фермеры, они «расчищали» путь следующим за ними плантаторам. И те и другие искали новых земель. Но плантаторы жаждали новых территорий, пригодных под хлопковые плантации, фермеры же бежали на Запад от налогов, от притеснительных законов Востока. Клич «Westward ho!» — «На Запад!» — сделался лозунгом всех недовольных и разочарованных «свободным» Востоком. В необъятных прериях Запада каждый фермер чувствовал себя хозяином своей судьбы; он не боялся ни чиновников, ни законов, ни податей, ни тюрем. В то же время растущий капитализм Востока переживал кризисы, и каждый кризис, каждая промышленная депрессия отправляла на Запад свежую волну охотников за счастьем.

В годы промышленного подъема Америки усиливалась иммиграция из Европы. Иммигранты стремились устроиться на новых свободных землях и тоже отправлялись на Запад.

Богатые плантаторы и просто спекулянты приобретали тысячи акров плодородной западной земли. Вначале правительство даже не продавало мелких участков, так что



Объявление транспортной компании,  
 рекламирующей средства сообщения с Западом.  
 (50-е годы.)

покупать новые земли могли только обеспеченные люди. Таким образом, поток малоимущих переселенцев задерживался и оседал в промышленных городах Востока, увеличивая собой армию труда. Но едва разразился первый кризис, буржуазия сама спешно принялась избавляться от голодного и угрожающего ей люда. Было создано несколько комитетов помощи переселенцам. Земля стала продаваться небольшими участками и по удешевленной цене.

Крытые брезентом фургоны потянулись по дорогам.

Из фургона выглядывали обветренные лица женщин и детей. Впереди шагал отец семейства, рослый, борода-тый человек в высоких сапогах и широкополой шляпе. За фургоном плелись привязанные корова и овцы.

«Американцы, бесспорно, из всех народов самый непоседливый, — пишет очевидец этого движения. — Между Балтиморой и Филадельфией более тысячи повозок, заваленных огромным грузом, тянулись с другой стороны Аллеганских гор к Западу. Число пешеходов и лошадей отвечало числу повозок и может дать понятие о ходе таких переселений на пространстве более трехсот миль. Едущие с востока Соединенных штатов часто оставляют своих лошадей в Питтсбурге и спускаются по реке Огайо, тогда как с запада на восток приезжают в дилижансах.

Женщины часто едут верхом, в рединготах, с зонтиками, вместе с детьми своими и таким образом делают по четыреста миль».

Период колонизации в истории Северной Америки так и называется «движением на Запад».

Газеты были полны самых заманчивых сведений о Западе, железные дороги тратили огромные суммы на рекламу, побуждавшую людей стремиться на Запад и селиться там. Все были охвачены каким-то безумием — бежать в свободные, цветущие, вольные степи.

Поток переселенцев — рабочих и фермеров — столкнулся с параллельным потоком помещиков-плантаторов. Плантаторы захватывали лучшие участки земли и теснили крестьян все дальше и дальше. Там, где плантатор ставил пограничную черту, доступ фермеру был закрыт.

Фермер отвечал на это непримиримой враждой. Самым уязвимым местом плантаторов было рабовладение. И в тех северо-западных штатах, где у власти стояла мелкая фермерская буржуазия, рабовладение было запрещено.

На Западе создавались все новые и новые штаты. При создании каждого нового штата возникал вопрос, каким должен быть этот штат — свободным или рабовладельческим.

Для того чтобы сохранить значение, иметь возможность влиять на политику Соединенных штатов, вожди рабовладельческого Юга должны были добиваться введения рабства и в новых штатах. Таким образом, вопрос о власти непосредственно упирался в вопрос о сохранении или уничтожении рабства. Именно вокруг этого вопроса и разгорелась борьба, в которой одним из вождей партии, добивавшейся отмены рабства, был Джон Браун.

### *«ГОЛУБЫЕ ЗАКОНЫ КОННЕКТИКУТА»*

Серые каменистые холмы со всех сторон обступали хижину Браунов. Сеять здесь было почти невозможно, даже скот с трудом находил себе корм.

У матери часто пропадало молоко, и тогда ребенка, по индейскому обычаю, подвешивали в корзинке к большому дереву, чтобы он слушал пение птиц и не плакал. Но мальчик все-таки плакал от голода, и отец с горя проклинал этот гиблый Коннектикут, где семейному человеку впору удавиться.

Страна была сурова, и поселенцам приходилось туго. Холодные речки, глубокие ущелья с черными, словно обугленными деревьями, серые овраги, откуда по вечерам поднимался плотный, белесый туман, — такова была родина Джона Брауна.

Люди здесь были подстать природе — грубые, неразговорчивые, упорные. В непрерывной борьбе за существование они почти утратили способность мечтать о чем-нибудь, кроме сытой жизни и закромов, полных пшеницы и кукурузы. Их чувства были так же просты и

примитивны, как орудия в их руках — топор, молоток, пила...

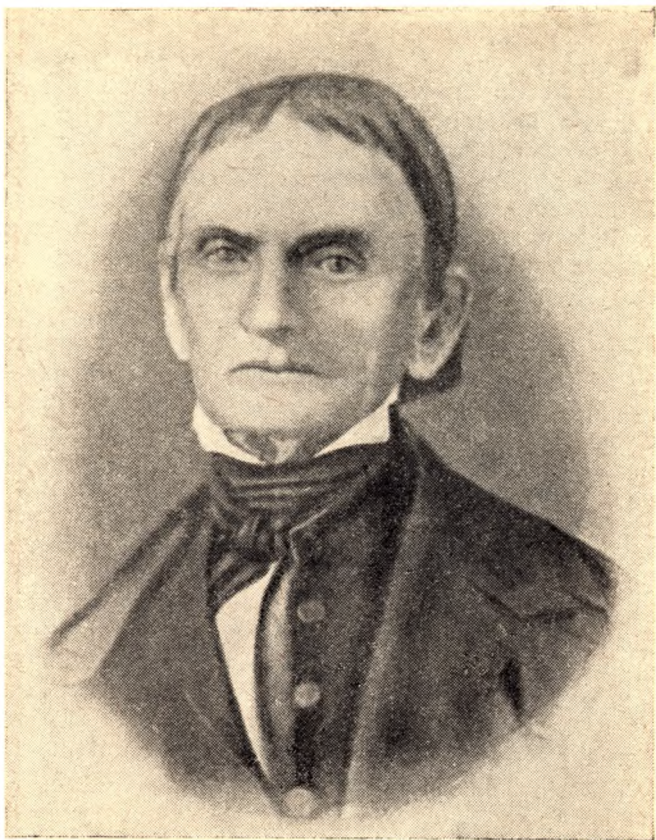
Трудились здесь упорно, стиснув челюсти, поливая потом каждую пядь земли, выкорчевывая деревья, сбрасывая в пропасть камни, чтобы хоть как-нибудь приспособить эту землю для посева. Ели грубую пищу — кукурузные лепешки, бобы с салом, размоченные в воде сухари...

Спали тяжелым сном без сновидений, не сняв с себя той одежды, в которой работали весь день, спали в сырых, еще неоконченных срубах. Возмужав, брали в дом женщину, потому что нужно кому-нибудь стряпать, шить и стирать и потому еще, что библия не велит человеку жить в одиночестве. В каждой хижине на почетном месте лежала эта толстая книга, единственная книга, которую здесь читали. Люди верили в рай и в геенну огненную. По воскресеньям в церкви проповедник грозил курильщикам вечными муками. Потом все — мужчины и женщины — пели простуженными, не привыкшими к пению голосами заунывные псалмы. В воскресный день было запрещено громко говорить, смеяться и целовать жену. Так гласили «Голубые законы Коннектикута», установленные первыми поселенцами-пуританами.

В этих же законах говорилось, что «какие бы то ни было лица, носящие золотые или серебряные шнуры, золотые или серебряные пуговицы, шелковые ленты или другие какие-либо излишние украшения, будут подвергнуты налогу в размере 150 фунтов стерлингов».

Творцы законов не подумали о том, что в Коннектикуте нет людей, одевающихся в золото и серебро, и что этому штату гораздо более подходит другой «Голубой закон», гласящий, что каждый неоплатный должник может быть продан за свои долги в рабство.

Уже вся Америка втихомолку смеялась над «Голубыми законами», уже давно истлели в земле кости их творцов,



Оуэн Браун, отец Джона Брауна.

*(Дагерротип.)*

а в Коннектикуте продолжали слепо им повиноваться, и жители даже гордились тем, что их штат называют «штатом суровых законов».

В Коннектикуте давно шел слух о хороших землях в штате Огайо. Спустя четыре года после рождения Джона отец его, Оуэн Браун, запряг свою единственную лошадь в фургон, посадил туда жену, детей и, погрузив все свое нехитрое имущество, двинулся в Огайо.

Он разбил палатку в долине реки, у поселка Экрон. Здесь была черная, жирная земля, хорошие пастбища. По долине тянулись огромные фруктовые сады, и весной старые узловатые деревья цвели пышным розовым цветом.

В долине жило немного немцев-фермеров, большинство же населения состояло из исконных обитателей Америки — индейцев. Индейцы и белые почти не общались. Но Оуэн Браун не разделял предрассудков своих соотечественников. Он вовсе не считал, что только белые должны управлять миром и повелевать людьми иных рас. Он полагал, что если человек честен, мужествен и славно работает, то цвет его физиономии никого не касается.

Такие речи он нередко вел у себя дома и при этом прибавлял, что американцам еще придется расплачиваться за свое отношение к индейцам и неграм. Одних они лишили родины и гонят с места на место, других и за людей не считают.

Слова у Оуэна Брауна не расходились с делом.

Когда у соседа-индейца Джонатана Две Луны заболел ребенок, Оуэн Браун дал ему молока от своей единственной коровы, а жена его лечила ребенка. За это благодарный индеец помог Оуэну срубить деревья для хижины. Потом заболела корова Браунов, и другой индеец, по прозвищу Красный Буйвол, вылечил ее.

Индейцы были великолепными охотниками, рыболова-





Дорога на запад у гостиницы в Балтиморе. Начало XIX в.  
(Современный акварельный рисунок  
из собр. Историч. общества в Мэриленде.)



Переселенцы на Запад.

(С картины Б. Уэгса.)

ми и земледельцами. Они знали свойства местных трав и умело ухаживали за скотом. У них был свой способ разведения маиса и табака, обеспечивающий богатый урожай. Индейские женщины выделывали из оленьей кожи превосходные куртки и штаны, шили обувь, — словом, с такими соседями было приятно и полезно дружить.

Маленький Джон быстро свел дружбу с индейцами. Он рос замкнутым, молчаливым ребенком. Редко смеялся, редко играл с белыми мальчиками. Зато в хижине Джонатана Две Луны он был частым гостем и в семь лет свободно объяснялся на скупом гортанном языке индейцев.

Индейские мальчики дарили Джону разноцветные каменные шарики, а однажды подарили ему живую белку. Белка сделалась совсем ручной, спала у него за пазухой и царапала ему грудь острыми коготками. Джон понес ее в лес — «понюхать сосны», и тут вдруг белка убежала. Она взобралась на дерево, скрылась в густой листве, и, как ни звал ее Джон, как ни манил, белка больше не показалась.

Это было первое горе в его жизни. Дома Джон сказал матери, что белка его предала и что отныне он знает, что в жизни его ждет несчастье.

Мать была суеверна и приняла предсказание вполне серьезно. Этот мальчик был так непохож на остальных ее детей. Те были откровенными деревенскими сорванцами, и она шлепала их за разорванные в драке штаны, а этот всегда держался особняком и в восемь лет говорил вещи, от которых взрослым становилось не по себе. В восемь лет он был высок, смугл и мускулист. Индейцы научили его управлять легкой пирогой и ловить рыбу на сырое мясо. Он знал, как ставить силки на птиц и капканы на мелких животных. Он умел на всем скаку накидывать лассо на бегущую лошадь. И одевался он, как индейцы: мягкие мокассины, штаны из оленьей кожи

и козья куртка. Старая сквау Джонатана вышила ему на штанах красной и синей шерстью красивый узор.

— Теперь ты совсем наш, мальчик из Коннектикута, — сказал ему Джонатан Две Луны.

Этот старый индеец еще помнил битвы у форта Дюнен, он мог бы кое-что рассказать о скальпах, снятых им в молодости с врагов — «бледнолицых», о водке, которой, в обмен на землю, поили индейцев пришедшие завоеватели. Но Две Луны только хмурился, когда «мальчик из Коннектикута» пытался его расспрашивать: раны были еще слишком свежи, они еще не успели затянуться. Теперь Джонатан был по виду таким же скотоводом и земледельцем, как и его соседи, но его сквау продолжала бережно хранить в углу хижины старый карабин и обрывок материи с вышитыми знаками войны.

Когда Джон немного подрос, отец поручил ему сторожить стадо. В долине Огайо семье Браун повезло — здесь были пышные зеленые пастбища. Скот быстро тучнел. Скоро у Браунов было несколько коров, много овец и коз. Мать еле справлялась с домашней птицей и огородом. По совету индейцев, отец начал дубить кожи. Это оказалось выгодным, и он подумывал уже о том, чтобы отдать Джона в школу. Мальчик сам выучился читать по этикеткам в лавке Бернса. Бернс продавал поселенцам сало, соль, сахар, муку; по надписям на этих товарах Джон научился различать буквы. Мать заставляла его читать Ветхий завет, но мальчик предпочитал пасти скот.

С утра до вечера он пропадал в полях. Коровы лениво пережевывают жвачку, овцы жмутся друг к другу, как будто им холодно, хотя с неба расплавленным потоком льется зной. Джон мчится на неоседланной лошади по зеленой долине. Горячий ветер свистит у него в ушах, он кричит что-то дикое, восторженное и босыми пятками бьет бока вспотевшего коня.

Однажды жители долины заметили, что их соседи-индейцы чем-то сильно взволнованы. Когда Джон зашел в хижину Джонатана, Две Луны сидел у стола, мурлыча какую-то песню, и чистил свой старый карабин.

— Что случилось? — спросил его мальчик.

— Мои братья поднялись по ту сторону границы, — отвечал Джонатан.

Это означало, что американцы снова обманули индейцев, посулив им новый договор о свободе племен и неприкосновенности границ, но не выполнили этих обещаний. Теперь война, видимо, завязывалась не на шутку. Все взрослые индейцы ушли из селения, и Две Луны сказал Джону, что их ведет сам «Пророк».

«Пророком» индейцы племени шауни называли одного из братьев Текумсе. Текумсе, вождь племени, хотел образовать великий индейский союз из воинов всех племен. По его замыслу, воины должны были созвать индейский конгресс, который распоряжался бы всеми индейскими землями. Текумсе начал переговоры об этом с губернатором Индианы Гаррисоном. Но Гаррисон поступил с индейцами так же, как всегда поступали с ними все «бледнолицые братья».

Когда Текумсе явился для переговоров в Винсенн, резиденцию губернатора, Гаррисон приказал заманить индейцев в помещение и арестовать всю делегацию. Текумсе, почуяв недоброе, предложил вести совещание на открытом воздухе, в саду. Индейцы и американские офицеры уселись на траве. Текумсе, статный, мускулистый и великолепный в своем расшитом плаще и перьях, изложил требования племен. Но тут из-за деревьев выросли солдаты и окружили безоружных индейцев. Губернатор сам руководил избиением «дикарей».

Текумсе удалось ускользнуть, и предательство Гаррисона подняло против американских поселений все северо-западные индейские племена. Решительное сражение

произошло на берегах реки Типпеканоз в ноябре 1811 года.

Больше тысячи индейцев сражалось с восемьюстами хорошо вооруженных и обученных солдат, которыми командовал Гаррисон. «Пророк» сам вел своих соплеменников в бой. Он громко пел воинственные песни, и индейцы верили, что он заговаривает их от пуль. Они дрались, как одержимые. Долгое время исход сражения был гадателен. Победили белые, и Гаррисон разгромил и сжег дотла селение «Пророка». Индейцы обратились за помощью к Англии. Англия была в это время занята войной с Францией, и США, воспользовавшись удобным моментом, объявили ей войну.

Началась кампания 1812 года, неудачная для Америки и приведшая даже к взятию и сожжению столицы Союза — Вашингтона.

Война эта не была вовсе «войной из-за рыбных ловель», как писали потом в американских учебниках, а продолжением борьбы США за независимость и освобождение из-под английской опеки. Кроме того, США стремились захватить Канаду, принадлежавшую Англии.

Как все мальчишки его возраста, Джон Браун мечтал воевать. Отец послал его вместо себя гуртовщиком с полком, отправившимся к месту военных действий. Это поручение сразу ставило Джона в непосредственную близость к войне. Правда, его стадо находилось в самом конце обоза, но все же и здесь пахло порохом, и он мог сколько угодно болтать с солдатами.

Конский навоз, солдатская ругань, застревающие в грязи пушки, большие тифом, вытопанные поля, опустошенные фермы — о, какой страшной и будничной стороной обернулась к нему война!

С первых же дней война вызвала в нем отвращение. На его глазах расстреляли нескольких безоружных ин-



Смерть Текумсе в битве у Темзы.

(С гравюры Гэлстоуна по картине Чэппела.)

дейцев. На тряских телегах провозили раненых. Среди солдат свирепствовала тифозная горячка. Дух их слабо поддерживался порциями виски и только что сочиненным гимном о знамени, усеянном звездами. Толковали, что английские корабли захватили весь американский флот.

На границе, у Ниагары, происходили кровавые бои. Англия отправила в Канаду несколько лучших полков Веллингтона. Американские солдаты ругали правительство и разбегались по домам.

«Мальчик из Коннектикута» гнал свое стадо и внимательно слушал, о чем говорили окружающие.

Как-то раз проезжий капитан на почтовой станции подарил ему книжку. Это была первая книжка в его жизни, не считая Ветхого завета. Он прочел ее залпом на бивуаке, задыхаясь от волнения, негодуя на солдат, которые орали у него над ухом, требуя от кашеваров обычной порции овсянки. Книга рассказывала о жизни великого карфагенского полководца Аннибала. Отец взял девятилетнего Аннибала на войну. Отправляясь в поход, он заставил мальчика дать перед алтарем клятву, что всю свою жизнь он, Аннибал, будет непримиримым врагом Рима. С тех пор жизнь Аннибала была посвящена выполнению этой клятвы. Он учился бегать, стрелять, управлять колесницей — все с единственной целью сделать себя пригодным для войны с римлянами.

Когда Джон кончил книгу, его захватил такой мощный поток новых чувств и мыслей, что в этом потоке навсегда потонул прежний маленький пастушонок, любивший белок и каменные шарики. Кипучий мир, мир героических подвигов, открылся перед ним.

Как при вспышке молнии появилась перед Джоном на мгновение великолепная и далекая жизнь древних героев. Но Аннибал был таким же мальчиком, как и он, Джон, даже моложе Джона. Клятва Аннибала не давала ему покоя. Сейчас тоже шла война, и американский мальчик



мог бы поклясться в непримиримой ненависти к англичанам. Но, к удивлению Джона, Англия не вызывала в нем враждебных чувств, а пленные солдаты-англичане, которых он видел, скорее даже нравились ему — у них был забавный говор, и они ловко свистели на самодельных свистульках.

Да и все, что он видел в этой войне, не стоило такой торжественной клятвы. Джон Браун завернул книжку в старый шейный платок, спрятал ее за пазуху и занял свое место в обозе рядом с фуражирками и коровами. Спутники не заметили в нем перемены. Он был одет в те же оленьи штаны и высокие сапоги с отворотами, у него были такие же неподвижные и внимательные глаза под широкими бровями, и он так же, как всегда, молчал и слушал, что говорится кругом. Но они не подозревали, что «мальчик из Коннектикута» исчез навсегда и что теперь с ними едет на неказистой лошаденке сам юный Аннибал!

Американский эскадрон продвигался все дальше на юг. Теперь на пути у него было мало ферм и мелких крестьянских хозяйств. По обеим сторонам дороги тянулись обширные табачные и маисовые поля. Сотни негров работали на полях. Табак, маис, негры — все это принадлежало богатым плантаторам. Иногда эскадрон останавливался на ночлег вблизи плантаторского дома, и тогда неизменно прибегали посыльные-негры покорнейше просить джентльменов пожаловать к хозяину. Разумеется, приглашение относилось только к офицерам. Но однажды посланные явились за Джоном. Плантатор хотел спросить у гуртовщика что-то о коровах, выписываемых из Огайо.

Мальчик с любопытством переступил порог помещичьего дома, построенного в староанглийском вкусе, с большим холлом и открытой площадкой, где висели гамаки. Джентльмены были навеселе. В густом табачном тумане

плавали красные физиономии полковника и двух младших лейтенантов. Мундиры были расстегнуты, сабли составлены в угол. Негры метались, как угорелые, подавая лимоны, сахар, виски.

В кресле, положив на стол огромные ноги в желтых сапогах, полулежал хозяин.

— Вам следует выпить, молодой мастер, — сказал он Джону, — война требует жертв.

Мальчик отказался, и хозяин недовольно сморщил нос.

— Помяните мое слово, этот парень будет методистским проповедником.

Джон потихоньку дотронулся до книги, лежавшей у него в кармане. Аннибал был всегда с ним. Офицеры смеялись, глядя на его решительный вид и сжатые губы.

Тут произошло нечто такое, что навсегда решило судьбу Джона Брауна. На первый взгляд — незначительный эпизод. Маленький негр-слуга остушился и пролил зеленый ликер на новый жилет полковника.

Негр был приблизительно одних лет с Джоном. Его не ругали, на него даже не закричали: это считалось неприличным. Хозяин просто взял хлыст с железным наконечником и начал размеренно ударять негра по голове и лицу. В комнате было совсем тихо. Офицеры рассеянно глядели по сторонам, полковник оттирал салфеткой пятно на жилете. Свист хлыста, впивающегося в человеческое тело, мычащий от боли мальчик — это было все.

Джон, с неожиданной для него самой силой, вырвал у хозяина хлыст. Секунду плантатор и «мальчик из Коннектикута» мерили друг друга взглядами. Оба тяжело дышали. Потом старший отвел глаза:

— Я же говорил — мальчишка хочет быть проповедником, — сказал он с принужденным смехом.

В тот же вечер, стоя на опушке леса под шумящим кленом, Джон поклялся быть непримиримым врагом рабо-

владельцев и посвятить всю свою жизнь борьбе против рабства.

Луна, одиночество, шелест трав настраивали романтически воображение мальчика. Он хотел бы разрезать себе руку, чтобы кровью скрепить свою клятву, но вспомнил, что взрослые клянутся на библии. Тогда, положив правую руку на «Жизнь Аннибала», он громко произнес свой обет.

В августе 1814 года пять тысяч англичан под командой генерала Росса высадились в устье реки Потомак. Они обратили в бегство корпус американской милиции и вошли в Вашингтон. Столица Соединенных штатов, существовавшая всего каких-нибудь четырнадцать лет, запылала. Англичане подожгли Белый дом, Капитолий — славу и гордость молодой республики. На море американцы потеряли два лучших фрегата, в свою очередь захватив несколько английских военных судов.

Через три месяца был заключен мир. По этому миру обе стороны возвращали друг другу все завоевания. Причины, которыми была вызвана война, обходили молчанием. С индейскими племенами на северо-западе был также заключен договор. Индейцы отказывались от двух третей своих земель и обязывались поселиться в резервации, то-есть в специально отведенной для них территории. Режим в резервации заключался в обезоружении индейцев, в обложении их тяжелыми податями и в постепенном лишении индейцев самоуправления. Кроме того, резервацию наводняли миссионеры, которые с помощью водки успешно «обращали дикарей в истинную веру».

Война была окончена.

Солдаты возвращались домой. Возвратился домой и Джон Браун. Отец и мать едва узнали своего сына в

этом худом, загорелом подростке, от которого пахло конским потом и дешевым табаком. Вся семья с изумлением слушала его рассказы о походе. Он говорил кратко и точно, употребляя новые, повидимому книжные, слова. Простодушному фермеру из Огайо льстило, что у него такой сын. Он приглашал соседей послушать и подивиться мальчику. Джон по-новому зачесывал волосы, каждое утро он просил горячей воды для мытья и морщился, если при нем говорили непристойности: слишком много наслушался он их в эскадроне.

— Ты должен стать священником, — сказал Джону отец. Это было самое лучшее, что мог придумать для сына простой дубильщик кожи. Его фантазия не простиралась дальше заведения преподобного Мозеса, где учились сыновья самых богатых в округе фермеров. Джону было все равно: все его сверстники-индейцы давно ушли из долины, он чувствовал себя одиноким и чужим в этом селении, где все после войны казалось ему каким-то ненастоящим.

В осенний день в заведении преподобного Мозеса появился новичок—высокий, слегка сутулый юноша в длинном сюртуке и белой косынке на шее.

Мозес преподавал богословие и катехизис фермерским наследникам в возрасте от пятнадцати до двадцати лет. В классе сидели здоровенные парни, привыкшие копать землю и объезжать лошадей. Слово божие им было, что называется, «не в коня корм». Скрепя сердце они выслушивали заповеди блаженства, а затем мчались в салун — залить священную жажду вином. После псалмов им было просто необходимо прочистить глотку непристойной песней. Но звание священника было выгодным и почетным, и они мужественно смиряли себя на занятиях.

Новичок не понравился им. Он не ходил с ними в винный погребок, не пел песен и не волочился за служанка-

ми. Вместе с тем он не был и тем, что они называли «ханжой» и «постником». Занятия, повидимому, мало интересовали Брауна. Он сидел, пристально глядя перед собой, и если преподобный Мозес спрашивал его, Браун отвечал с некоторой запинкой, как будто ему надо было сделать усилие, чтобы вспомнить то, о чем только что говорилось.

Молодые люди искоса поглядывали на Брауна. Новичок был чистоплотен до щеголеватости, его сапоги блестели, он чистил их куском замши, которую выделал сам в дубильне отца. Рядом с плохо вымытыми юношами в грубых фланелевых рубашках он выглядел франтом. Но, когда они пробовали звать его с собой на танцульки, Браун отказывался.

— Мне больно смотреть ему в глаза, — говорил маленький Спид, первый забулдыга и весельчак, — у этого малого глаза, как сверло.

И ученики преподобного Мозеса почти не удивились, когда спустя полгода на утренней переключке выяснилось, что Джона Брауна нет и что он навсегда ушел из школы.

Дома он сказал отцу, что священное писание он изучил, но что его больше интересует дубление кож. Оуэну Брауну было жаль расстаться с мечтой об ученом сыне, кроме того, церковные проповеди приносили верный доход. Он хотел настоять на своем, но почему-то, поглядев на суровое лицо сына, ничего не сказал.

На берегу реки, неподалеку от дубильни Оуэна Брауна, была заброшенная хижина. Тут поселился Джон вместе со своим двоюродным братом Леви. Обоим юношам хотелось самостоятельной жизни, обоих давил патриархальный семейный строй. Им нравилось по утрам, прямо с постели, бежать к реке и плескаться в ледяной воде, самим стряпать себе еду, придумывая фантастические кушанья из бобов, яиц, молока и сахара. Впрочем, они содержали свою хижину в безукоризненной чистоте, и

Леви уверял, что ни одна женщина не побрезгует поселиться в таком доме.

Маленькое кустарное дело процветало. Кожи Брауна шли в Кливленд и в Питтсбург, и Оуэн Браун начинал думать, что, не сделавшись священником, сын его поступил в общем правильно.

Позади дома в дубильных чанах мокли кожи. Джон сам пересыпал их дубовой корой и заливал водой. Он лучше всех умел очищать шкуры от шерсти и обрабатывать сырье. Теперь руки его постоянно были желтыми, платье и волосы пропитались острым запахом кожи. Но Джон не обращал на это никакого внимания, и когда Леви говорил, что девушки не станут любить его, потому что от него пахнет кожей, он только усмехался в ответ.

Ему исполнилось двадцать лет. Черты его лица окончательно определились: под большим лбом глубоко сидели светлые, холодные глаза, рот был постоянно сжат. Он попрежнему мало говорил и редко смеялся. Леви, бесхитростный парень, с некоторой робостью взирал на своего двоюродного брата. Брат не интересовался ни девушками, ни молитвенными собраниями. Леви не мог понять его.

Однажды только он увидел Джона взволнованным и разгоряченным. Это было в ту ночь, когда беглый негр из Виргинии постучался к ним в дом. Джон сам спрятал беглеца в амбаре и всю ночь караулил возле хижины. Негр был молодой и весь трясся, уверяя, что за ним гонятся. Каждый шорох казался ему подозрительным. Когда в темноте послышался лошадиный топот, беглец чуть не умер от страха, а Джон схватил карабин и сказал Леви, что намерен биться за негра до последнего издыхания. У него горели глаза, дрожал голос, и Леви не узнал своего всегда сдержанного брата.

После оказалось, что мимо дома гнали стадо и никакой погони не было. Джон выпустил негра из амбара,

запряг лошадь и сам повез беглеца к надежным людям на озеро Ири. А там уж негра переправили в безопасное место, и Джон, рассказывая об этом Леви, радовался и смеялся, как никогда не смеялся прежде.

Двум холостякам пекла хлеб соседка Ласк. Она приносила теплые булки, и с ней часто приходила дочь, маленькая бледная девушка с непомерно большими глазами. У девушки был свежий, высокий голосок; она охотно пела священные гимны и псалмы. По вечерам, пока мать разговаривала с Леви об урожае и ценах на хлеб, она сидела с Джоном на крыльце и пела ему. Юноша слушал чистый, звенящий звук ее голоса и смотрел на поднятое к луне бледное маленькое лицо. Любил ли он ее? Вероятно, он и сам не смог бы ответить на этот вопрос. Во всяком случае, когда он сообщил Леви, что Дайант переезжает к ним в дом, он был убежден, что женится по любви.

Маленькая девушка, сделавшись женой Брауна, не стала ни хозяйкой в доме, ни помощницей в деле. Не такая жена нужна была дубильщику или фермеру. По целым дням Дайант с безразличным видом сидела у порога. По временам она куда-то исчезала, и родные не могли найти ее. Однажды Джон нашел ее в лесу. Дайант стояла на коленях и громко молилась. Лицо ее морщилось, как у плачущего ребенка, и она кулаками била себя в грудь. Джон ужаснулся: ханжа или помешанная — это было одинаково скверно.

Он надеялся, что первый ребенок вылечит жену от ее причуд. Но появился Джон-младший — их первенец, за ним Джезон, Оуэн, Фредрик, Руфь, а жена все продолжала служить молебны в лесу и петь по ночам псалмы.

Джон махнул на нее рукой — от нее было мало поль-

зы в доме. Он сам выхаживал детей, когда они заболели, и сам укачивал их, когда им нужно было спать. В этом высоком, костистом и холодном на вид человеке хранился огромный запас нежности, и он щедро тратил ее на детей.

От детей в доме стало тесно. Джон пристроил несколько комнат, но и этого оказалось недостаточно. К тому же уменьшился заработок Брауна. Дубление переставало быть прибыльным делом: в больших городах появились кожевенные фабрики, которые выделывали кожи быстрее и лучше маленькой кустарной дубильни. Кроме того, в городах людям, по слухам, жилось легче, они быстрее наживали деньги.

Совсем недавно был изобретен паровоз. Это было как бы вторым «открытием» Америки. Железнодорожная горячка охватила страну. Как в начале столетия все предприимчивые люди занимались морской торговлей, так в тридцатых годах все устремились на строительство железных дорог. Рельсы, шпалы, кирки, лопаты — все стало предметом спекуляции. Ходили слухи о баснословных барышах, получаемых железнодорожными компаниями. Слухи эти смущали покой мирных фермеров Огайо. Многие из них поместили свои сбережения в строительство дорог и надеялись получить немалую прибыль.

Мать Дайант приходила рассказывать об этом и норовила попасть в те часы, когда зять был дома. Джону становилось не по себе: вдова Ласк сверлила его маленькими, злыми глазами и презрительно фыркала каждый раз, когда он заговаривал. Зять был ни к чему неспособным увальнем, он не мог даже приодеть жену, а дети его вынуждены бегать босиком.

Дайант пела псалмы и, казалось, ничего не слышала из того, что говорила мать. Однако она сама предложила Джону переехать в Кроуфорд — селение близ Ричмонда, где у нее были родственники. Ричмонд становился



большим гбродом, и там легче было искать заработка.

Весной 1828 года семья Джона Брауна трогается в путь. Родители и дети едут на одном из первых американских поездов, описание которых нам оставил Диккенс:

«Здесь нет вагонов первого и второго класса, но зато существуют вагоны для мужчин и для женщин. А так как белые никогда не ездят с черными, то есть еще вагоны для негров — род длинных неуклюжих сундуков.

Тряски, шума и стен много, окон мало. Вагоны похожи на омнибусы: в них помещается от тридцати до пятидесяти человек. Места крест-накрест, и сидят на них по-двое.

Среди вагона — печь, которую топят докрасна каменным углем, так что от жары в вагонах стоит туман. Много газет в руках, но их мало читают. Каждый говорит с кем хочет — знакомым и незнакомым. Говорят преимущественно о политике, о банках и о хлопке. Люди тихие избегают говорить о политике, так как новые выборы президента будут через три с половиной года, а партийные страсти горячи уже и теперь.

Полотно железной дороги очень узко. Поезд останавливается среди лесов, куда также трудно забраться, как и выбраться оттуда, пересекает шоссеыные дороги, на которых нет ни застав, ни полисменов, ничего, кроме деревянной арки, на которой написано: «Когда раздастся звонок, берегись локомотива».

Ремесленники заняты своей работой, многие из жителей высовываются из окон и дверей, мальчики играют в коршунов, мужчины курят, женщины болтают, дети кричат, свиньи роются в песке, непривыкшие лошади ржут и бросаются к самым рельсам — и вот дракон рвется вперед, разбрасывая кругом ливень искр от своего дровяного топлива, — гремит, шумит, завывает и трепещет, пока, наконец, измученное жаждой чудовище не остановится,

чтобы напиться, народ столпится вокруг, и вы опять свободно дышите».

Кроуфорд встретил новых поселенцев не слишком приветливо. Родственники и сами перебивались случайными заработками. Джону Брауну с трудом удалось получить место почтмейстера. Семья поселилась в большом, холодном доме. Младшие дети часто болели. После цветущей долины Огайо природа здесь выглядела жалкой и недоразвитой — низкорослые дубы, чахлые смоковницы, выступающие из земли белые уступы скал, похожие на оскаленные зубы. Джону не нравились новые места. Но здесь жили негры, и это обстоятельство сразу поглотило все его внимание, заставило забыть о неудобствах собственного быта.

## *ЧЕРНЫЕ И БЕЛЫЕ*

Священник сделал Брауну отеческое внушение: все прихожане возмущены, его поступки непонятны и непростительны. В прошлое воскресенье во время богослужения он привел в церковь целую кучу негров, между тем как неграм полагается оставаться на паперти. Пусть он не говорит, что в этот день была лютая стужа, — в конце концов, церковь существует не для цветных... Кроме того, ходит слух, что он собирается организовать для черных школу. Священник предупреждает мистера Брауна: это может плохо кончиться. Жители Кроуфорда не потерпят, чтобы оскорбляли их чувства.

Браун вышел от священника, упрямо закусив губу. Его отчитали, как мальчишку. Нет, он не даст запугать себя, пусть хоть весь пород, весь штат подымет против него!

После того воскресенья, когда Браун привел в церковь нескольких полузамерзших негров погреться, Кроуфорд превратился для него в осиное гнездо. С почт-

мейстером не здоровались, в почтовую контору не собирались, как обычно, потолковать о местных новостях. Когда Дайант приходила в лавку — ее считали жертвой мужа, — на нее смотрели с жалостью. Матери крикливо сзывали детей, если они начинали играть с детьми Брауна. Эти Брауны могут внушить детям какие-нибудь опасные мысли. Подальше, подальше от этого дома! Говорят, там у них с неграми здороваются за руку и сажают с собой за стол! Говорят, что почтмейстер по вечерам читает неграм газету. Говорят, он заставил жену учить грамоте целый десяток черномазых! Бедная миссис Браун, такая набожная и кроткая.

В действительности все было еще хуже, чем предполагали жители Кроуфорда.

Браун взял в дом двух маленьких негров на воспитание. Он хотел бы открыть большую школу для взрослых черных, но на школу не было денег, а просить у местных богачей было бесполезно. К тому же закон запрещал обучать грамоте невольников.

Когда он думал об этом, вся кровь в нем закипала. Он приучал себя сдерживаться, но каждый раз срывался: то отказывался пожать руку заведомому работорговцу, то дерзко отвечал богатому плантатору, то на людях говорил что-нибудь желчное и едкое об этой трижды проклятой системе рабства.

В Америке существовало уже два миллиона негров-невольников, и с каждым днем это число увеличивалось.

Виргиния, Каролина, Джорджия с жадностью расхватывали живой товар. Это было черное золото штатов; без рабов плантации были бы обречены на гибель.

Научные деятели разрабатывали вопрос о наилучшем использовании силы раба. Было установлено, что работа негра приносит выгоду только в течение десяти лет, поэтому от невольников, перешедших за определенный возраст, спешили избавиться. Больных и старых негров по-

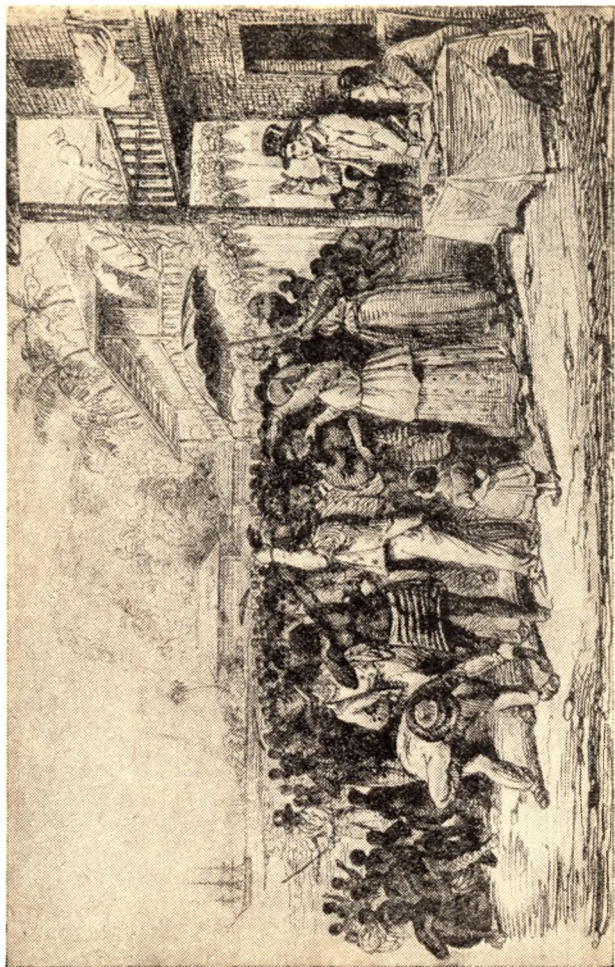
просто выгоняли или сбывали за бесценок с плантации, из здоровых торопились выжать все силы. Положение негров ужасало путешественников по Америке.

«Цветные рабочие плантации, — пишет В. Диксон, — в глазах своих владельцев, особенно владелиц, не были людьми, это был не более как рабочий скот, имевший только те права, какие принадлежат лошадям и коровам, — право получать скудное пропитание и помещение за работу. Во многих из этих штатов цветные не смели учиться читать и писать, не могли вступать в брак и быть верными мужем и женой; они не имели власти над собственными детьми, не могли приобретать в собственность ни коров, ни свиней, вообще никаких животных; им не позволялось ни покупать, ни продавать, ни нанимать за себя на работу других, ни носить фамилию. Употребляя выражение главного судьи Тэни, можно сказать, что негры не имеют таких прав, которые белые были бы обязаны уважать; другими словами, они не имеют вовсе никаких прав».

Каждый день почтмейстер из Кроуфорда читал в газетах объявления о беглых неграх: «Сбежал негр. Имя — Самбо. Рост 6 ф. 15 д., на правой щеке — свежесвыженная буква «В». Доставить за вознаграждение на плантацию Вильсона».

Север охотно торговал рабами, но отказывался от рабовладения: на фабриках и в мелких землевладениях держать негров было невыгодно. Но как не воспользоваться таким удобным случаем?! Как не порисоваться милосердием и свободомыслием! Север цитировал евангелие и библию, и выходило, что христианское учение строго осуждает рабство. И северные штаты, один за другим, отменяли рабовладение.

Но Юг не рисковал говорить возвышенные слова: христианские тексты обошлись бы слишком дорого плантаторам. Здесь старались отыскать в евангелии и библии



Продажа негров в Южных штатах.

(С рисунка Жюль Баулли.)

такие цитаты, которые оправдывали бы рабство. Искали — и находили. В руках помещиков-южан была власть и деньги. Они покупали проповедников и журналистов, которые доказывали, что рабовладение необходимо для цивилизации и прогресса. Они подкупали полицию и судебных чиновников, которые оправдывали их в случае убийства негра. С ними заодно была церковь, обучавшая негров христианскому смирению, с ними были купцы, контрабандисты, работорговцы. Это была грозная, а главное, всеми признанная и узаконенная сила.

В Кроуфорде существовал мост, принадлежавший старой, вздорной леди. На мосту красовалось объявление: «За быструю езду — штраф: белые — пять долларов, черные — пятнадцать ударов палкой». Объявление принималось всеми, как нечто вполне законное.

В Кроуфорде же существовал «калабуз» — длинное темное здание, куда хозяева отправляли сечь провинившихся невольников. Мимо окон почтмейстера часто проносили носилки с наказанными жертвами. Браун не отводил от них глаз, как это делали лицемеры, наоборот, он жадно смотрел на засеченных негров: он питал свою растущую ненависть.

Интересы семьи постепенно отодвинулись на второй план. Дайант молилась и жаловалась, что он заставляет ее прислуживать неграм. День и ночь она ныла о корове, о доме, о цыплятах. Она сделалась болтливой, постоянно о чем-то беспокоилась и говорила, что брошена на произвол судьбы.

Одни дети радовали Брауна. Они охотно возились с неприятянскими ребяташками, а Джон-младший взялся учить грамоте двух взрослых негров. Пустяк? Но этот пустяк мог вырасти в большое дело.

Джон Браун писал отцу в Огайо, что просвещенные негры взорвут на воздух всю систему рабства. Вечером к дому почтмейстера прокрадывались черные тени. Салли

и Сэмбо, сложив на коленях узловатые, похожие на сучья сухого дерева руки, с благоговением слушали этого большого, сурового с виду человека. Впервые белый говорил с ними, как равный с равными, горячим и живым языком. Он писал для них письма их детям и женам, проданным «вниз по реке». Негры часто цели протяжно и уныло:

Белому все дано,  
Черному—горе одно.  
Белый—хозяин земли и неба,  
Черный мечтает о корке хлеба.  
Белый родился и стал господином,  
Черный родился и гнет свою спину.  
Белому все дано,  
Черному—горе одно...

В феврале 1831 года произошло солнечное затмение. На минуту стало совершенно темно, пронесся холодный и пыльный вихрь, согнувший деревья, скот заблеял и замычал в хлевах, домашняя птица, будто ослепнув, заметалась по углам. Закрылись чашечки цветов, и днем простым глазом можно было увидеть на небе звезды.

Суеверные негры были охвачены каким-то мистическим восторгом. Браун пытался объяснить им причины затмения, но они твердили ему о знамении с неба, о знаке, о небесном голосе, который объявил им, что «последние будут первыми». Шли смутные слухи о каком-то негре, ораторе и проповеднике, который призывал негров взяться за оружие. Спустя несколько месяцев Америка узнала о восстании, поднятом в Виргинии невольником Натом Тернером.

Нат принадлежал виргинскому плантатору. Тайком, самоучкой выучился он грамоте. Природное красноречие сделало его оратором. Он заговорил об освобождении негритянского народа и о том, что негры должны силой

добыть себе свободу. Негры стекались со всех плантаций, чтобы послушать нового проповедника. Нат сказал неграм, что они получают знак, когда выступить. Затмение было принято за сигнал и подняло невольников в округе. Восстание черных неизбежно должно было сопровождаться резней белых. Тернер и семеро его ближайших товарищей убили своего хозяина и всю его семью. К отряду Тернера присоединились еще пятьдесят три негра. Нат захватил большую плантацию и некоторое время удерживал ее за собой. Было вырезано около шестидесяти белых. Весь Юг поднялся на ноги. Против Тернера и его сторонников были посланы правительственные войска. Более ста негров были убиты. Тернеру удалось бежать, но вскоре его схватили и приговорили к смерти. Семнадцать человек, включая Ната, были повешены, остальные подвергнуты различным суровым карам.

Восстание Тернера было не первой попыткой негров силой сбросить с себя цепи. От старых времен сохранилась память о восстании 1740 года, когда погибло много белых и еще больше черных. Помнили также о восстании рабов под предводительством негра Габриэля на острове Гаити. В 1822 году свободный негр Денмер Вэсей поднял восстание в Чарльстоуне. К нему присоединилось всего несколько негров, но следствие обнаружило большой заговор. Вэсей и еще тридцать четыре негра были казнены.

После выступления Тернера по всему Югу прокатилась волна террора. Законы о невольниках были возобновлены во всей строгости. Теперь негр мог появляться после захода солнца на улице только с пропуском, подписанным хозяином. Из «калабуза» то и дело выносили носилки с окровавленными телами черных. Пропаганда среди негров каралась смертной казнью, а пропагандой считалось даже чтение газет. Теперь по вечерам черные тени уже





Хижины негров на юге Америки.

(С рисунка Жюль Баулли.)

не скользили к дому почтмейстера. Негры не хотели подводить своего белого друга, к тому же дом Брауна был нужен им для другого.

Открытая борьба сделалась на время невозможной. Тогда негры начали иным способом избавляться от рабства, — они бежали. Бегство в свободные штаты и в Канаду стало массовым. Дом Брауна в Кроуфорде сделался пристанищем для беглецов.

Как некогда в Огайо, Джон готов был защищать каждого беглого своей собственной жизнью. Он давал приют неграм, и дети его пекли для негров пшеничные лепешки. Потом, обогрев и накормив измученных и напуганных гостей, он провожал их до безопасной дороги. Однако жизнь в Кроуфорде становилась невыносимой. Сотни глаз следили за каждым движением почтмейстера. Ему не простили выходки в церкви, он был под подозрением. Кончились времена либерализма. Юг больше не желал играть с огнем.

Браун ощущал почти физически эту растущую вокруг него стену враждебности и подозрительности. Шериф как бы случайно заходил к нему и шарил глазами по углам. Инспектор полиции будто мимоходом приводил собак, которых специально дрессировали для ловли негров. Это были «дружеские визиты», от которых всем в доме становилось не по себе. Нет, из Кроуфорда надо убраться, это ясно.

Браун написал отцу, что намеревается вернуться в Огайо. Но тут заболела воспалением мозга Дайант. Больная пела псалмы и не узнавала окружающих. Пятеро детей, из которых старшему было одиннадцать лет, стояли у ее постели. Браун сумрачно глядел на тонкие пальцы жены, беспокойно теребящие одеяло. Через три дня он закрыл ей глаза. Еще через неделю, взяв детей, он уехал назад в Огайо.

## СКИТАНИЯ

Последующие годы жизни Брауна наполнены судорожными и безуспешными стараниями заработать хоть немного денег, чтобы прокормить и воспитать детей. Он берется за всякое подвернувшееся дело. Кругом него — блестящие примеры быстрого обогащения. За десять лет, что он не был в родном штате, население Огайо возросло с девятисот тысяч человек до полутора миллионов. С каждым годом продолжают прибывать эмигранты из Европы. Идет бешеная спекуляция земельными участками.

Со сказочной быстротой растут города. Чикаго, который в 1832 году был простым фортом, в 1840 году представляет собой большой благоустроенный город. Все в этой молодой стране бурлит, рвется вперед, стремится завоевать первые места, лучшие позиции. Люди охвачены жаждой наживы, опьянены «легкими деньгами».

Браун не может уберечься от этой волны. Она захватывает и его. Он то покупает саксонских овец и стрижет их шерсть на продажу, то нанимается пасти овец богатого скотопромышленника в Огайо.

Пять голодных ртов требуют от него пищи. Пять неразумных голов требуют материнского присмотра. Пока Браун с овчарками и пастухами сторожит стадо, в доме хозяйничает шестнадцатилетняя дочь соседа-кузнеца Мэри Дэй.

Мэри — смуглая и сероглазая, с большими руками и тихим голосом. Она быстро и ловко управляет с хозяйством, и дети смотрят на нее с обожанием. При ней они всегда умыты и накормлены. Когда Джон Браун, усталый, возвращается домой, над очагом уже висит начищенный до блеска медный чайник и жареная грудинка стоит на столе. Он устал, но глаза его ищут смуглую девушку-хозяйку.

Она в сенях сбивает масло. Ее сильные руки крепко держат маслобойку. Темные пряди волос выбились из-под чепца и упали на разгоряченное лицо. Он долго смотрит на нее из-за двери. Мэри Дэй не замечает его, губы ее по-детски выпячены от усилия.

Маленькая Руфь вбегает в сени, видит отца и вскрикивает. Он смущен, как пойманный школьник, — обычно он сторонится женщин. Дайант приучила его к мысли, что женщины охотнее общаются с богом, чем со своими мужьями.

Поздно вечером Джон Браун пишет Мэри Дэй письмо. Он вдов и стар, ему тридцать два года, стало быть, он ровно вдвое старше Мэри. Он был женат, но прожил жизнь без любви. Так случилось. Он просит Мэри Дэй быть женой ему и матерью его сиротам. Если Мэри не хочет его, — пусть ничего не говорит, он сам все поймет.

Мэри Дэй долго носит письмо за корсажем. Ей страшно прочесть его, потому что она заранее знает, что в нем написано. Она любит Джона Брауна и боится его. Он не такой, как все фермеры и скотопромышленники, которых она знает. Он читает большие, непонятные книги, яхшается со всеми неграми в округе; никогда не повышает голоса, и все-таки все его слушаются. Он называет себя стариком, но у него детская улыбка, и Мэри любит даже его холодные, «каменные» глаза.

Джон Браун уже решил про себя, что она отказывает ему, когда вдруг она сказала ему «да».

С этих пор его старания заработать побольше денег для семьи еще усиливаются. Пастбища, стада, овцы, шерсть — он берется за все. Но ум его абсолютно лишен коммерческой изворотливости, торгашеской сметки. В нем нет ни капли купеческой крови, и он не способен дешево купить и дорого продать. Лето 1846 года застает его компаньоном Перкинса, богатого скотопромышленни-

ка и дельца. Перкинс приходит в отчаяние от прямоты и честности своего компаньона. Браун готов каждому отдать товар по себестоимости.

Но такого знатока овец не скоро отыщешь, и Перкинс скрепя сердце делает Брауна участником в прибылях.

Когда они открывают в Спрингфильде (Массачузетс) контору по сбыту и покупке шерсти, Перкинс умоляет своего компаньона предоставить ему все переговоры с клиентами. Пусть Браун ведет книги, ездит осматривать стада, а Перкинс как-нибудь сумеет договориться с покупателями. Браун легко уступает ему эту честь. В сущности, дело его мало интересует, он занимается им ради семьи. Теперь в доме прибавилось множество ртов: Мэри Дэй рожала через год. Сначала это были мальчики: Ватсон, Сэлмон, Оливер, потом пошли девочки. Когда старшие сыновья от Дайант кончали школу и уже подумывали о самостоятельной жизни, младшие дети Мэри только начинали ходить.

Но хотя в доме часто нехватало самого необходимого, Браун радовался каждому ребенку. Он сам нянчил маленьких и, несмотря на то, что их было много, знал нрав и привычки каждого из них. И дети любили отца. Он никогда не бранил их за беготню и разорванную в драке одежду; они знали, что он будет беспощаден, только если они солгут. Ложь, зависть, ябедничество в доме Брауна считались наихудшими из пороков. В этих случаях Мэри Дэй всегда поддерживала мужа.

Частые переезды приучили семью мужественно выносить бытовые невзгоды. Приехав на новое место, Мэри с детьми тотчас же принимались за работу. Из жалкой хибарки они умели создавать уютное жилье. В них всех жило молчаливое упорство и способность применяться к обстоятельствам. Виргиния, Огайо, Массачузетс — они всюду бодро вили гнездо, и никто из них, даже мысленно, не упрекнул отца за эти постоянные скитания.

Где-то на бесчисленных дорогах Севера фургон Брауна повстречался с щегольской каретой. На миг из кареты мелькнуло лицо с курчавой бородкой и внимательными глазами. То был Чарльз Диккенс, почетный гость Америки, совершавший путешествие по Соединенным штатам.

Американцы, падкие до знаменитостей, долго зазывали его к себе. Теперь этот всеми признанный и прославленный, знаменитый писатель двух материков осматривал молодую республику. Его мнением дорожили, перед ним заискивали, ему старались показать все самое лучшее, чем в те годы располагала Америка: больницы, университеты, железные дороги, убежища для слепых и престарелых. Американцы лезли из кожи, чтобы доказать знаменитому англичанину, что Новый свет лучше, культурней и опрятней его старой родины.

Но у гостя был острый, насмешливый и пронизательный взгляд. Он проникал дальше, чем хотелось бы радушным хозяевам: позади прибранных нарядных гостиных он обнаруживал другие комнаты, «для себя», неряшливые, запущенные, темные.

Ему показывали центр Нью-Йорка, блестящий город банков и магазинов, — он шел в боковые улицы и находил там убогие лачуги и свиней, пожирающих городские отбросы.

«Здесь много переулков почти таких же грязных, как переулки Лондона, — пишет он о Нью-Йорке. — Камни мостовой до того истерты от ходьбы, что блестят; красные кирпичи зданий сухи донельзя. Омнибусам здесь нет числа. Множество пролеток, карет, колясок и тильбюри на высоких колесах. Кучера — и белые и негры — в соломенных, черных, белых, лакированных шляпах, в драповых пальто черного, коричневого и синего цвета. Есть еще кучера в ливреях; это должно быть какой-нибудь

южанин одевает своих черных слуг в ливреи и ездит с пышностью султана.

Хорошо содержимых газонов и лужаек здесь нет. Все предметы носят отпечаток новизны. Все строения имеют вид выстроенных и окрашенных в это самое утро. Свиньи — блюстители чистоты в городе. К вечеру они спешат целыми стадами домой».

Диккенс отдает должное деловой предприимчивости американцев, но ему претит их неукротимое чванство, лицемерие, грубость, внезапные переходы от одной крайности к другой. На американских пароходах пассажиры поют священные гимны и развлекаются стрельбой из пистолетов, в каждом городе идет непробудное пьянство и существует несколько обществ трезвости. На улицах раздают печатные приглашения посетить богослужения бесчисленных церквей. Но главное, что возмущает Диккенса в этой новенькой с иголки стране, — это политическое лицемерие.

«Я нашел здесь много людей, говорящих о свободе, но мало действующих в ее пользу, — пишет он. — Я увидел в них мелочность, портящую всякое политическое здание, необыкновенное мошенничество при выборах, тайные стачки с полицией, трусливые нападения на противников под прикрытием какой-нибудь газеты, с подкупленным пером вместо кинжала, позорное пресмыкание перед наемными плутами, сеющими еще более раздоров и гадостей, — словом, бесчестные сделки в самом обнаженном виде выглядывали здесь из каждого угла.

У них всюду — игра для обращения политики в нечто хищное и разрушительное для самоуважения каждого человека. И таким образом идет эта низкая борьба партий...»

Великий писатель посетил сенат, и в «Американских очерках» появляется насмешливое описание сенатских «бдений»:

«На первый взгляд кажется, что лица у всех членов сената припухли, но причиной этого флюса оказывается табак, которым они набивают обе щеки. Странно также, что очень почтенный джентльмен сидит на председательском месте, положив для большего удобства ноги на письменный стол и спокойно приготавливает себе при помощи перочинного ножа новую табачную заклепку в рот и, когда она готова, заменяет ею прежнюю. Я был удивлен при виде того, что люди, опытные в деле жеванья и плеванья, не умеют хорошо прицелиться, куда плюнуть: некоторые из джентльменов не могли попасть в плевательницу на расстоянии пяти шагов, а один так даже не попал в окно на расстоянии трех шагов».

В рабовладельческих штатах Диккенсу готовили торжественный прием. Но вид негров-невольников возбудил такое негодование в писателе, что он отказался от чествований, предложенных ему рабовладельцами.

Ничто в заокеанской республике не ускользает от взгляда Диккенса. Портреты Вашингтона на вывесках, морские виды на стенах кабаков, бесцеремонные и самоуверенные американские юноши с холеными бакенбардами, красные занавески на окнах, золоченая отделка на паровозах, праздничные шествия членов общества трезвости с зелеными шарфами, эмблемами зеленого змия,— он все видит, все замечает.

В «Американских очерках», книге остроумной, веселой, густо пересыпанной юмором, Диккенс изобличает подлинную, а не показную Америку сороковых годов, — страну безжалостную и напористую, страну-кормилицу для ловких пройдох и страну-мачеху для тех, кто, подобно Брауну, стремился честно заработать свою кукурузную похлебку.

В августе 1849 года из гавани Галифакса отправлялась к берегам Англии «Кэмбрия». Это было большое то-





Улица Нью-Йорка в середине XIX века.

*(Современный рисунок.)*

варо-пассажирское судно с красной дымящейся трубой и красными занавесками на окнах кают-кампании. Ветер шевелил снасти, и в темноте резко выделялся силуэт рулевого с освещенной перед ним морской картой. «Кэмбри» предстояло идти до Ливерпуля восемнадцать дней. На борту судна было восемьдесят пассажиров и среди них — высокий, уже седеющий человек, который значился в списке под именем мистера Д. Брауна.

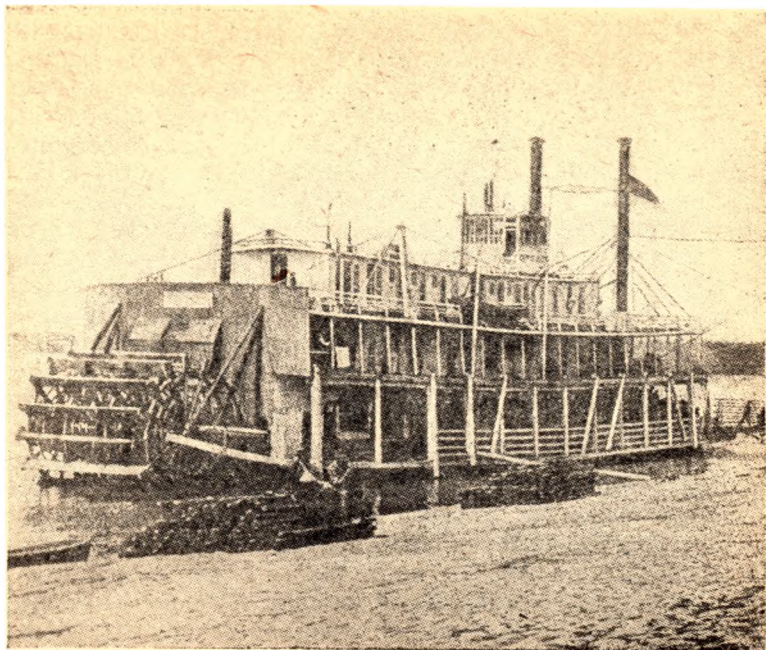
Браун ехал в Англию по поручению Перкинса — уз-

нать, нельзя ли сбывать готовую шерсть на английском рынке. Дела «фирмы» шли неважно, и Перкинс хотел, минуя посредников, завязать сношения с лондонскими купцами. Он вручил компаньону образцы шерсти, и, разгуливая по палубе, Браун поминутно натыкался на ящики с назоильной жирной надписью: «А. Перкинс, Спрингфильд. Массачузетс». Надпись лезла в глаза, и Браун в глубине души ощущал нечто вроде угрызений совести. Он ехал в Европу с радостью, он нетерпеливо ждал британского берега, но не о шерсти он думал, вглядываясь в морскую даль. В Англию его тянуло желание увидеть родину Кромвеля. Он мечтал побывать во Франции, в Германии. Книги, прочитанные им, влекли его посмотреть своими глазами на те места, где происходили великие события, на землю, которая хранила следы Наполеона и Веллингтона.

Когда «Кэмбрия» появилась у английского берега, гавань Ливерпуля была празднично расцвечена флагами всех стран мира. Но в самой Англии было невесело: только что миновал страшный голод в Ирландии, и народ едва оправился после неурожайных лет. По всей Европе шло восстановление реакционных правительств, реставрация монархии и подавление всего, что, хотя бы отдаленно, напоминало свободную мысль.

Джон Браун пришел в уныние от лондонского тумана и от лондонцев. Английские купцы не желали даже взглянуть на образцы: американская шерсть их не интересовала. Хлопок и только хлопок котировался на лондонской бирже. Английский скот был хорош, но плохо кормлен, — на фермах нехватало хлеба.

Браун сообщил Перкинсу, что едет на континент. Компаньон, если угодно, мог думать, что он ищет покупателей во Франции, Германии или Австрии. Но он быстро миновал большие города — Париж и Берлин — и направился к Ватерлоо.



Пакетбот на Миссисипи.

Зачем понадобилось фермеру и скотоводу ехать туда, где некогда решалась судьба Европы и где слава Наполеона получила последний решительный удар? Зачем шагал он под проливным дождем в Кайю, жалкую, маленькую деревушку, где была ставка Наполеона? Что за лихорадочное возбуждение гнало его по глинистому полю к холму, откуда император-полководец наблюдал сражение.

Высоко подняв плечи под непромокаемым плащом,

Браун глядел на желтый горизонт, на стога раскиданного там и сям мокрого сена. Вон за тем возвышением стоял со своей артиллерией Ней, оттуда, слева, подошел Веллингтон и там же ожидал подкрепления от Блюхера.

Седеющий фермер припоминал столько раз читанные подробности. Наполеон готовился к решительному штурму, он приказал укрепить батареи перед Бель-Альянсом, вон за тем серым холмом. Под Неем убило трех лошадей. Центр армий Веллингтона был смят, и если бы Наполеон получил подкрепление, судьба Европы повернулась бы совсем иначе. Но Наполеона подвел Груши, этот робкий и нерешительный полководец. Нет, полководцам не пристала нерешительность, у полководца должен быть твердый план и, главное, — несгибаемая, железная воля.

С этой мыслью Браун спускается с холма и идет в деревню обогреться. Он пишет домой письмо: ему удалось присутствовать на военных учениях австрийцев. Он полагает, что австрийских солдат легко победит армия, привыкшая быстро маневрировать. Французские солдаты, которых он также видел, очень хорошо обучены, но это все мелкий народ и, кажется, не очень-то рвущийся в бой...

Армия, маневры, боевое учение — что за темы для американского фермера, который должен интересоваться скотом, шерстью и земледелием?

В октябре Джон Браун с ящиками образцов был на обратном пути в Америку.

## *АБОЛИЦИОНИЗМ И ПРОТИВОНЕВОЛЬНИЧЕСТВО*

«М-р Джерри Смит приглашает всех достойных негров селиться на его земле и заняться различными ремеслами. М-р Джерри Смит выделил в северной части штата

Нью-Йорк сто двадцать тысяч акров специально для немущих черных семей».

Такое объявление появилось в середине 1850 года в различных газетах Севера. Имя Джерри Смита было известно далеко за пределами штата Нью-Йорк. Это был богатый, либерально настроенный делец, охотно жертвовавший деньги на благотворительные учреждения для негров. Сам он именовал себя убежденным аболиционистом. Так назывались в Америке сторонники освобождения негров.

Еще в XVIII столетии квакеры, поселившиеся в Соединенных штатах, высказывались за отмену рабства, приводя в качестве сильнейших аргументов библейские тексты. В начале XIX века либеральная буржуазия Севера также начинает агитировать против рабства, и по мере промышленного роста страны эта агитация усиливается. Созываются конгрессы, возникают даже целые организации, созданные буржуазной интеллигенцией. Но, когда на арене появляется хлопок, увлечение буржуазии внезапно проходит. Если бы не существовало рабства, не было бы и такого оживления торговли и промышленности. Так рассуждает буржуазия и «примиряется» с существованием невольничества.

Однако в тридцатых годах движение против рабства снова возрождается и принимает широкие размеры. Теперь к нему примыкают писатели и журналисты Юга, которые принуждены были перекочевать в северные штаты и искать там политического убежища. Появляются статьи и книги, посвященные негритянскому вопросу. Иммигранты из южных штатов, бежавшие от преследований помещиков, были полны ненависти и жажды борьбы. Рабство негров олицетворяло для них всю систему привилегий для богатей, насилия, угнетения слабых. Внешне их выступления не были направлены ни против плантаторов, ни против капиталистов, но они требовали полно-

го уничтожения невольничества, а в условиях Юга крушение рабства было бы величайшим ударом для помещичьей диктатуры. Поэтому агитация эта, несмотря на то, что она черпала аргументы из евангелия, декларации Вашингтона и конституции, имела все же революционный характер.

В агитации против рабства было два течения: antislavery — противоневольничество и abolition — освобождение.

К противоневольничеству примыкала главным образом крупная буржуазия, интересам которой диктатура демократической партии (помещиков) наносила ущерб и экономический и политический.

Аболиционизм был движением мелкой городской буржуазии, интеллигенции, фермеров и рабочих.

Разумеется, Джерри Смит принадлежал к противоневольнической партии. Он и ему подобные буржуазные либералы возлагали все свои надежды на постепенное смягчение нравов путем просвещения и на демократическую конституцию, которая позволит со временем провести в парламенте закон об освобождении негров. Они опасались разрыва с Югом, «потрясения основ» и всякого посягательства на частную собственность плантаторов, то-есть на негров. Самостоятельное движение негров внушало им ужас, они боялись его не меньше, чем помещики Юга. Им чудилась расовая война и поголовное убийство белых. Они толковали об освобождении негров, но были далеки от мысли признать равенство белого и черного человека. И все-таки даже умеренные выступления противоневольнической партии возбуждали сильную тревогу среди плантаторов. Деятельность же более радикальной партии — аболиционистов — рассматривалась рабовладельцами, как прямая угроза всему государственному строю.

Аболиционизм родился на Западе, в борьбе фермеров



Джерри Смит.

с помещиками за землю. На Западе было много людей, бежавших от гнета южных плантаторов, проникнутых ненавистью к помещикам, жаждущих борьбы. Для этих людей рабство было символом всей системы угнетения и насилия. Они не желали слушать ни евангельских текстов, ни соглашательских речей. Они требовали решительного и полного уничтожения рабства.

Во главе аболиционистов стояли волевые, энергичные люди, преданные идее. В своей борьбе они не ограничивались одними словами — организовалась целая сеть обществ для борьбы с рабством. Главным вдохновителем их был один из выдающихся людей Америки — Вильям Гаррисон, редактор аболиционистского журнала «Либерэтор» («Освободитель»). В 1835 году таких обществ насчитывалось двести, в 1836 году — пятьсот, в 1840 году — две тысячи, а еще через десять лет не было поселка в свободных штатах, где не существовало бы кружка сторонников Гаррисона.

«Либерэтор» нелегально проникал и на Юг. Редакцию Гаррисона несколько раз громили, сам он подвергался покушениям. Другой аболиционист, Эльяш Ловджой, был в Сен-Луи растерзан озверевшей толпой южан.

К пятидесятым годам аболиционизм представлял большое и вполне легальное движение. Определенной политической платформы аболиционисты не имели. Под общим названием существовало множество различных течений. Большинство аболиционистов, настроенное более радикально, чем противоневольники,<sup>19</sup> рассчитывало добиться освобождения негров путем парламентской борьбы. Если бы аболиционистам удалось провести на выборах своего президента и получить большинство мест в сенате и конгрессе, уничтожение рабства, по их мнению, произошло бы в законодательном порядке.

Некоторые аболиционисты наивно считали, что освободить негров можно быстрее всего отделением северных





Титульный лист одного из ранних выпусков журнала  
«Освободитель» в Бостоне. 1831 г.

штатов от южных. Когда рядом с рабовладельческим государством вырастет независимая, свободная республика, плантаторам придется туго: негры тысячами побегут в свободную страну, и рабовладельцы будут уходить все дальше на юг, до тех пор, пока им уже некуда будет податься.

И только небольшая часть abolitionистов утверждала, что свободу надо добывать с оружием в руках и что негры перестанут быть рабами только тогда, когда возьмутся за оружие. Преследования и опасности не пугали этих сторонников решительных действий. Они попрежнему выступали в печати и на митингах, открывали школы для негров и помогали беглым неграм переправляться в свободные штаты и в Канаду. Они не боялись публично заявлять о своем союзе с неграми и выступать вместе со свободными неграми на собраниях. Многие из них бросали свои занятия и целиком отдавали свои силы и время борьбе за освобождение негров. Свободные негры и негрятки также примыкали к движению. Среди них уже появлялись выдающиеся ораторы. Большой популяр-

ностью пользовались две негритянки, Трэс и Тэбнэр, которые разъезжали по свободным штатам, агитировали против рабства и собирали деньги для помощи белым.

Однако умеренная и, в сущности, буржуазная программа аболиционистов встретила такое бешеное сопротивление рабовладельцев, что вся борьба их сразу приняла революционную окраску. Особенно повлияло на характер этой борьбы то, что аболиционистское движение объединилось с аграрным движением мелких фермеров и что в нем принял участие рабочий класс Соединенных штатов.

Наиболее активные аболиционисты использовали буржуазных либералов, вроде Джерри Смита, для материальной помощи неграм. От них удавалось получать земли и деньги, которые потом шли в фонд аболиционистских комитетов.

Объявление Смита не было новинкой для северян. В те годы в различных свободных штатах часто создавались негритянские общины. Доходы в этих общинах распределялись поровну между ее членами. По воскресным дням в общинах происходили так называемые «моральные чтения». В общине «Нашоба», организованной аболиционисткой Фрэнсис Райт, ставили своей целью просвещение негров и объединение их с белыми. Во всех этих общинах белые брали на себя роль педагогов, охотно обучали негров и помогали им строить жизнь на новых началах.

Поэтому Джерри Смит не слишком удивился, когда в его дом в Питерборо явился седеющий человек с замкнутым, твердо очерченным лицом. Его зовут Джон Браун. Он читал объявление мистера Смита. Он и его семья готовы помочь неграм устроиться на новом месте и бесплатно учить их. У него уже есть некоторый опыт работы с неграми.

Джерри Смит обрадовался: такой человек был нужен ему, чтобы возглавить новую негритянскую общину. Что-то в госте, в его сжатых губах и крепком подбородке пугало Смита и вместе с тем привлекало. Он был слаб и бесхарактерен, ему хотелось опереться на чью-то сильную волю, передоверить все хлопоты и переложить ответственность на чьи-то чужие плечи. Теперь такой человек стоял перед ним и сам предлагал свои услуги.

На минуту Смиту стало совестно. Земли в Северной Эльбе, выделенные для негров, были тощи и давали скудный урожай. Зимы там были суровы, с бесснежными, пронзительными ветрами, которые срывали крыши с амбаров и мчали по полям тучи серой пыли. В общем, бросовый участок. Он робко намекнул об этом Брауну.

— Но ведь вы считаете, что он годится для негров? — сказал гость гневно. — Стало быть, он годится и для меня.

Браун не был создан для торговли; это становилось с каждым днем все очевиднее. Перкинс терял терпение — у компаньона не было умения ни продать, ни купить. Дела шли все хуже и хуже; половину овец пришлось распродать по себестоимости. Перкинс пробовал открывать отделения своей конторы в различных поселках Массачузетса. За ним тянулся компаньон, а за компаньоном вся его семья — тринадцать человек детей и мужественная, всегда спокойная жена. Но и Мэри Дэй начинала уставать от скитаний. Детям надо было учиться, хотелось иметь постоянный угол, клочок земли, где они могли бы сеять весной и собирать урожай осенью.

Когда отец сказал им, что намерен бросить торговлю и поселиться с неграми в Северной Эльбе, они обрадовались. Быть может, это окажется последним путешествием их фургона по бесконечным дорогам Америки.

Но прежде чем перевозить свою семью, Браун хотел помочь расселиться неграм.

Зимой 1850 года он отправился в Северную Эльбу. То, что он застал там, на миг лишило его присутствия духа. Горы, поросшие колючим кустарником, каменистая земля и сухой морозный ветер, стегаящий людей, как жгучий хлыст. В этой обстановке негры были беспомощны, как дети. Они устремились целыми семьями на даровые земли, расставили свои жалкие палатки и в стужу жались друг к другу, согреваясь собственным теплом. Ни один не знал, что нужно делать, как взяться за работу.

Браун появился среди них и вдохнул силы в слабых, надежду в отчаявшихся. Он предложил работать всем сообща. Пока одни валили деревья в горах, другие очищали их от сучьев и рубили, а третьи везли заготовленный лес на место будущего поселка. В неделю выросло несколько домиков, и веселый огонь запылал в очагах.

Но когда кончились строительные работы и в каждой хижине поселилась семья, оказалось, что больше нечего делать и почти нечего есть. Дороги занесло снегом. Браун посылал письма Джерри Смигу, просил прислать продуктов или денег, но ответа не было. Негры приходили к нему и молча смотрели просящими глазами. В конце концов, он роздал им все свои деньги и ел один раз в день овсяную кашу. Он жил в доме, который построил собственными руками. Дом был большой, но еще не отапливался, и ночью ему приходилось укрываться поверх одеял козьей курткой. Но он не жаловался. Его словно согревал внутренний огонь. Он будто впервые открыл себя, постиг, понял, для кого и для какого дела готовила его судьба. Здесь, заброшенный в горах, с горсточкой негров, которых он должен был учить и направлять, которые ждали от него помощи и вверяли ему себя, он вдруг ощутил полноту жизни. Вот оно — настоящее, то, о чем мечталось еще в детстве. Дубленая

кожа, овечья шерсть — о, как преступно тратил он лучшие свои годы на ничтожные дела!

Зимой 1850 года в Америке был издан закон о беглых рабах, позволявший владельцам ловить своих невольников на любой территории и преследовать их укрывателей. Время отнюдь не смягчило нравы, и в 1850 году законы о невольниках были более суровы, чем двадцать лет назад.

В декабре Джон Браун написал семье, ожидавшей его в Спрингфильде: «Кажется, закон о беглых рабах породит больше аболиционистов, чем все собрания и лекции за эти годы. Я, конечно, ободряю моих цветных друзей, советую им «уповать на бога и держать порох сухим». Я сказал это сегодня публично, на митинге».

На том же митинге негритянской общины Джон Браун прочел свое первое произведение: «Ошибки Сэмбо» — нечто вроде дидактическо-политической брошюры.

Негр Сэмбо исповедуется в своих ошибках: он отлынивал от работы и ученья, вместо серьезных книг читал пустые романы.

«Но самая худшая из моих ошибок состояла в том, что я пытался сохранить уважение белых, покорно принимая все унижения, вместо благородного протеста против жестокости, вместо того, чтобы завоевывать свое место, как подобает человеку и гражданину».

Это наивное и грубоватое произведение быстрее и легче дошло до негров, чем великолепные статьи и речи присяжных журналистов. «Ошибки Сэмбо» ходили по рукам, их читали вслух, и голос чтецов дрожал в том месте, где Сэмбо говорит о худшей из своих ошибок. Той же зимой «Ошибки» были напечатаны в аболиционистской газете в Нью-Йорке за полной подписью Брауна.

Когда в горах стаял последний снег, Джон Браун по-

вез свою большую семью в Северную Эльбу. Лил дождь. Могаук вышел из берегов, смывая хижины. Из фургона Браунов было видно, как желтая мутная река мчала оторванные от полей маленькие островки: на некоторых из них еще стояла сухая прошлогодняя кукуруза. Мэри Дэй с сомнением разглядывала местность, где ей предстояло, наконец, осесть надолго, быть может, навсегда. Сквозь пелену дождя она увидела горы и услышала глухой шум потоков. Младшие дети прижимались к ней, а она старалась прикрыть их от дождя своим плащом.

Все было невесело, и только когда Мэри смотрела на мужа, уходила ее тревога, и она начинала верить, что в Северной Эльбе отличная жизнь.

Джон Браун сильно изменился за осень и зиму. Перкинс с трудом узнал бы своего вялого и неспособного компаньона в этом деятельном, всегда радостно возбужденном и подвижном человеке. В Брауне вдруг словно открылся и бил через край сильный и животворящий источник. Он родился борцом. В занесенной снегом хижине он понял это и только пожалел о том, что ему уже пятьдесят лет и лучшие годы прошли в никчемной погоне за куском хлеба. Он сказал об этом Перкинсу, и тот со злобой разорвал их контракт: быть может, без Брауна торговля пойдет удачней.

В Северной Эльбе негры радостно встретили семью. Они терпеливо ожидали возвращения своего друга. Снова Браун вернулся к земле, стал фермером. Джерри Смит слал письма, наполненные добродетельными и благочестивыми размышлениями; на его помощь было мало надежды.

Поселок вырастал на глазах. Теперь у каждой семьи был крепкий дом, выстроенный всем «миром», и возле дома — огород.

Джон Браун пристроил к своей хижине сруб.

— Это наш лекционный зал, — улыбаясь, сказал он сыновьям.

Теперь они уже не удивлялись тому, что он шутит и смеется, и Мэри думала про себя, что муж удивительно помолодел. Это была правда. Браун вскакивал раньше всех в доме. Сегодня пахота — пора, пора идти на общественное поле!

Он искал выхода своим силам в работе, и работа давала ему только радость. Вечером в «лекционном зале» Браун видел обращенные к нему внимательные черные лица. Он читал истории войн или биографии великих полководцев — негры ловили каждое его слово.

Описаниями знаменитых сражений он хотел бы зажечь кровь в этих недавних рабах. За окнами хижины бесновался ветер, стонали деревья в горах, а в «лекционном зале» кавалеристы воинственно взмахивали саблями, пехота подымала на штыках свои медвежьи шапки, и прославленный полководец скакал на белом коне навстречу врагам. Дым, раскаты пушечных залпов, лязг оружия — и вот, наконец, победа...

Браун вглядывался в лица своих слушателей. Они возбуждены, хотят слушать еще и еще, у них блестят глаза. Браун доволен.

Ночью его будит Джон-младший.

— Отец, Томпсон привел двух беглых, они хотят пробраться к Бай-Тауну...

Сон быстро слетает. Вот Браун уже разговаривает с Генри Томпсоном и его спутниками. Генри никак не может говорить шопотом; впрочем, здесь нечего стесняться — люди свои. «Подпольная железная дорога» переправляет двух беглых в Канаду. Их доставили к нему на «станцию» из Уильмингтона, а он теперь привел их к Брауну, потому что ему известно, что Браун тоже «кондуктор».

Браун велит сыновьям накормить негров. У парней

ноги сбиты в кровь, они уплетают похлебку и рассказывают, как за ними гнались собаки надсмотрщиков.

У одного из них жена осталась в неволе, и он боится, что хозяин выместит на ней его бегство. Только благодаря «подпольной дороге» они добрались до свободного штата. Спасибо «кондукторам», они так добры к бедным неграм, — и оба беглеца протягивают руки своим спасителям.

Кто из негров тогдашней Америки не знал о «подпольной железной дороге» («Underground Railroad») — этой замечательной организации abolitionистов!

Замученные своими хозяевами, негры стремились на Север, в свободные штаты. Но дороги кишели шпионами, полиция и суд энергично помогали владельцам ловить бежавших невольников. Поэтому негры выбирали окольные дороги через юго-западные и северо-западные штаты. И на всем пути беглецов abolitionисты организовали сеть нелегальных станций «подпольной железной дороги».

Цепь убежищ тянулась от Мэриленда, через Пенсильванию и Нью-Йорк, в Канаду или от Кентукки и Виргинии, через Огайо, к озеру Ири и реке Детройт. Если беглецу удавалось благополучно добраться до первой «станции», он был уверен, что теперь непременно достигнет Канады. Его переправляли в ящике с яблоками, под соломой, в мешках из-под муки до следующей «станции», и энергичные друзья не останавливались до тех пор, пока беглец не оказывался в полной безопасности.

Развивалось состязание, кто остроумнее и скорее доставит негров на место. Многие известные и влиятельные люди состояли деятелями «подпольной железной дороги».

Жена одного сенатора в Бостоне прятала беглых у себя в доме на чердаке, в то время как ее муж был



специально уполномочен проводить в жизнь закон о беглых.

С. Мэй, маршал США в Бостоне, писал впоследствии:

«Когда они заставляли меня искать своих невольников, я всегда говорил: я не знаю, где ваши негры, но я погляжу, не смогу ли узнать. Потом я переждал несколько дней и шел в контору Гарриса. Там я говорил: найдите таких-то и таких-то негров, узнайте, где они. Следующее, что я узнавал, — это то, что парень давно в Канаде».

Филадельфийское отделение «подпольной железной дороги» выпустило нелегальный путеводитель по «станциям» со сведениями о наиболее активных и полезных помощниках в пути.

Некоторые аболиционистские газеты открыто писали о «подпольной железной дороге», а одна из них весело сообщала, что от некоего «кондуктора» получено известие, будто движение на его «линии» за последнее время быстро увеличивается.

Какую опасность представляла для рабовладельцев эта организация, видно из того, что ежегодно в северные штаты бежало свыше тысячи человек, а захвачено из них с 1850 года, то-есть с момента проведения закона о беглых, до середины 1856 года только двести человек. Всего за двадцать лет «подпольная железная дорога» переправила свыше пятидесяти тысяч беглых негров.

Но значение этой организации было не только в той конкретной пользе, которую она приносила. «Подпольная железная дорога», выражая настроение передовых людей того времени, несомненно оказывала влияние на общественное мнение.

Внимание северян было привлечено к судьбе миллионов негров-рабов, и каждый беглый, которому помогала

подпольная организация, приобретал множество сочувствующих, а рассказ о его страданиях будил симпатию к его братьям в неволе. Одни возмущались несправедливостью к черным людям, другие боялись растущего политического влияния Юга, но мало-помалу все приходило к выводу о недопустимости рабства.

Джон Браун с ранней юности помогал беглецам. Он не думал тогда ни о какой организации. Он и его соседи-фермеры как бы безмолвно сговорились между собой наносить ущерб помещикам. Но после закона о беглых нужна была крепкая организация.

Браун собрал в «лекционном зале» негров и некоторых белых соседей-фермеров. Беглых становится все больше, рабовладельцы озверели; на границе Виргинии они линчевали двух «кондукторов». Здесь, на пути беглецов, необходимо создать «Лигу освобождения», написать обращение к беглецам.

Так в Северной Эльбе появилась «Лига освобождения», объединившая негров и белых — противников рабства. Среди негров распространилось воззвание Лиги, названное «Слова совета». В воззвании Джон Браун советовал беглецам прибегать к помощи влиятельных белых, чтобы делать из них своих соучастников. Этим способом к движению привлекались многие нужные люди. Под воззванием подписалось восемь белых и сорок четыре негра Северной Эльбы.

Голодная зима бушевала в Северной Эльбе. Снег косяско скользил по обледенелым склонам гор и острыми сугробами скапливался по оврагам. Все работы приостановились.

Молодежь в доме Брауна томилась и удивлялась отцу, который попрежнему был деятелен и оживлен и до поздней ночи занимался с неграми.

# FREE STATE CONVENTION!

All persons who are favorable to a union of effort, and a permanent organization of all the Free State elements of Kansas Territory, and who wish to secure upon the broadest platform the co-operation of all who agree upon this point, are requested to meet at 12 o'clock several places of holding elections, in their respective districts on the 25th of August, instant, at one o'clock, P. M., and appoint five delegates to each representative to which they were entitled in the Legislative Assembly, who shall meet in general Convention at

## Big Springs, Wednesday, Sept. 5th '55,

at 10 o'clock A. M. for the purpose of adopting a Platform upon which all may act harmoniously who prefer Freedom to Slavery.

The successions of a Delegate to Congress, will also come up before the General Convention.

Let no sectional or party names distract or prevent the perfect co-operation of Free State men. Union and harmony are absolutely necessary to success. The preliminary party are fully and efficiently organized. No party nor caucus name or divide them. And to contend against them successfully, we also must be united—Without prejudice and harmony of action we are certain to fail. Let every man, then, do his duty and we are certain of victory.

All Free State men, without distinction, are earnestly requested to take immediate and effective steps to secure a full and correct representation for every District in the Territory. "United we stand; divided we fall."

By order of the Executive Committee of the Free State Party of the Territory of Kansas, as per resolution of the Mass Convention in session at Lawrence, Aug 15th and 16th, 1855.

**J. K. GOODIN, Sec'y.**

**C. ROBINSON, Chairman.**

*Herald of Freedom, Press.*

CALL FOR DELEGATES TO A FREE STATE CONVENTION AT BIG SPRINGS,  
KANSAS, 1855

Signed by the chairman and secretary of the Executive Committee of the Free State Party  
of the Territory of Kansas.

*From a broadside in the Kansas State Historical Society, Topeka.*

Воззвание к делегатам свободного штата.

Мимо поселка беспрестанно шныряли разные люди: меховщики, охотники, фермеры, солдаты, просто бродяги. Они шли на Запад.

Молодые Брауны видели, как целые обозы переселенцев переваливали через Аллеганские горы и двигались по течению рек в пышные зеленые степи. Земля там, по их словам, была баснословно дешева, и не нужно было платить почти никакой ренты. Там не существовало ни чиновников, ни налогов, ни полиции.

Постепенно слово «Запад» начинало звучать магически. Стремительный человеческий поток двигался к «молочным рекам и кисельным берегам».

Сыновья Брауна тоже начали мечтать о новой земле. Джон-младший и Оуэн съездили в Спрингфильд и вернулись оттуда возбужденные: им narассказали разных чудес о землях Запада. Сначала там тянутся степи, одни лишь степи со стадами буйволов, потом идут горы и, наконец, открывается прославленный край сказочного богатства, доступный каждому, кто хочет владеть им. А здесь поля давали плохой урожай, зимой налетали циклоны и вихри и даже летом часто бывали заморозки.

По вечерам Оуэн напевал новую песню:

На Запад, на Запад,  
В свободную страну,  
Где мощная Миссури несет к морям волну,  
Где хорошо тому, кто любит вольный труд...

Весной 1855 года пять мужчин покинули дом в Северной Эльбе. Четыре сына Дайант — Джон-младший, Джезон, Оуэн, Фредрик и пятый, юный сын Мэри, Сэлмон. Они уходили в солнечное прохладное утро. Как нарочно, окружающая природа была красива, словно хотела вызвать в уходящих сожаление. Сочной зеленью

были покрыты лужайки, и старый вяз возле дома, пронизанный солнцем, казался кружевным. Все было, как в легендах: старый отец провожает сыновей, которые отправляются искать свое счастье. Но им было не до сравнений: они впервые расставались с семьей.

Мать сухими глазами смотрела на Сэлмона и остальных. Она всех привыкла считать своими детьми. Юноши запрягли в телегу старую лошадь — там они добудут множество лошадей! — и отец пошел их проводить до ближайшего селения. Пять сыновей ехали в Канзас, в тот самый Канзас, которому суждено было стать первой ступенью к славе и эшафоту Джона Брауна.

### «МИССУРИЙСКИЙ КОМПРОМИСС»

В США каждая территория с населением не менее пятидесяти тысяч человек имела право требовать приема ее в Союз в качестве самостоятельного штата. К 1820 году в Союзе было двадцать два штата — одиннадцать свободных и одиннадцать рабовладельческих. Но равновесию угрожал новообразованный штат Миссури. Северяне настаивали, чтобы он был введен как свободный штат, южане требовали, чтобы он был рабовладельческим.

Конечно, ни одна «демократическая» конституция не могла установить закон, по которому число рабовладельческих штатов непременно соответствовало бы числу свободных. Такой закон был немислим. В результате длительной борьбы рабовладельцам Юга удалось добиться постановления о приеме штатов на паритетных началах: на один свободный штат один рабовладельческий. Это соглашение, не являвшееся ни договором, ни законом, получило название «Миссурийского компромисса». В силу этого соглашения из старого штата Массачусетс был

выкроен новый штат — Мэн. Он вошел в Союз в качестве свободного штата, а Миссури стал рабовладельческим. Чтобы избежать в будущем «недоразумений», конгресс США принял постановление, по которому рабство в территориях и штатах севернее 36° широты запрещалось.

В двадцатых годах прошлого столетия за рекой Миссури лежали огромные пустынные степи, и творцы «компромисса» не предполагали, что степи эти будут вскоре наводнены поселенцами.

«Компромисса» строго придерживались в продолжение тридцати лет. К 1850 году в Союзе прибавилось еще восемь штатов, все на паритетных началах.

Но за тридцать лет Америка сильно изменилась. Север быстро обгонял южные штаты и по населению и по росту промышленности, и Юг понимал, что сохранить «компромисс» неизбежно не удастся. Поток переселенцев, устремившийся на Запад, опрокидывал все политические сделки. На Западе молниеносно росли поселения, они объединялись в штаты и требовали своего признания. Это были в большинстве фермерские штаты, которые не желали вводить у себя рабство.

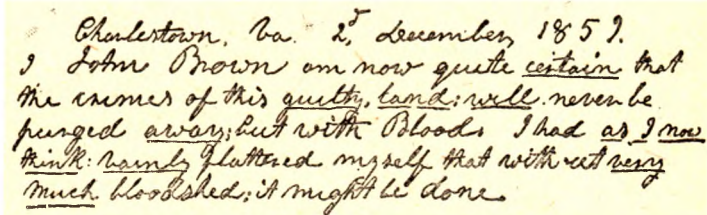
В то же время рабовладельцы Миссури не ограничивались правом селиться в своем штате, за установленной чертой, они желали распространить рабство до самых Скалистых гор. Во многих штатах возникали тайные общества сторонников рабовладения — «Голубая ложа», «Сыны Юга», «Социальные общины». Вступая в эти общества, новые члены давали обещание помогать плантаторам распространять рабство.

В 1850 году волна переселенцев устремляется в незанятые еще области Луизианы. Такими свободными от поселений землями являлись бывшие индейские резервации — Канзас и Небраска.

Из них Канзас был самым ценным для переселен-

цев, так как в нем сходились все главные пути, связывающие Восток с Дальним Западом.

Новые земли быстро заселялись, и вскоре выделились два новых штата — Канзас и Небраска. Сразу возник вопрос, на каких началах будут включены в Союз



Charlestown, Va. 2<sup>d</sup> December, 1852.  
I John Brown am now quite certain that  
the crimes of this quilted land: will never be  
purged away; but with bloods I had as I now  
think: vainly flattered myself that with not very  
much bloodshed; it might be done.

Автограф Джона Брауна.

эти штаты — как свободные или как рабовладельческие? Этот вопрос имел огромное политическое значение. Вожди рабовладельческого Юга великолепно понимали, что сохранение рабства есть в то же время сохранение политической власти в Соединенных штатах.

В январе 1854 года сенатор Дуглас, представитель штата Иллинойс в сенате, предложил отменить «Миссурийский компромисс» и предоставить новым территориям возможность самоорганизоваться на основе «народного суверенитета». Другими словами, штаты должны были теперь решать сами, быть им свободными или рабовладельческими.

Формулировка «народный суверенитет» была удобна тем, что каждый мог ее понимать по-своему. Северяне были уверены, что население, которому предоставлен свободный выбор, конечно, решит вопрос против рабства, южане, как всегда, рассчитывали действовать путем

террора и во что бы то ни стало добиться введения рабства в новых штатах.

В июне 1854 года «Миссурийский компромисс» был отменен.

Каждый штат отныне мог решать по своему усмотрению, быть ему свободным или рабовладельческим. Первым на очереди был Канзас. Ему предстояло избрать свою легислатуру, и внимание всего Союза сосредоточилось на канзасских выборах.

Все понимали, что решается судьба Соединенных штатов и что, если победят южане, то-есть получают перевес в сенате, они постараются распространить свое влияние на весь Союз. Из правительственных вашингтонских сфер вопрос был перенесен в прерии и долины, на берега полноводных рек и в зеленые леса. Всякому было ясно, что предстоит борьба не на жизнь, а на смерть.

В Массачузетсе был основан Северный комитет помощи переселенцам. Фермеры, учителя, студенты, юристы потянулись к Миссури, дав клятву добиться свободной конституции для Канзаса. В то же время члены «Голубой ложи» уже построили свои бараки в Ливенворсе и Атчисоне, и, когда первый северянин переправился через реку Миссури и объявил, что он против рабовладения, его посадили в лодку и пустили по течению без пищи и весел.

«Сыны Юга» созвали митинг в Уэстпорте, на границе Канзаса, где была принята следующая резолюция: «Общество обязуется мобилизовать своих членов по первому требованию каждого гражданина территории Канзаса для оказания ему помощи и немедленного изгнания всех пришельцев, являющихся туда под покровительством Северного комитета помощи переселенцам».

Газета «Суверенитет Скваттеров», издаваемая в Атчисоне, напечатала в одном из первых номеров декларацию плантаторов: «Мы будем попрежнему придержи-



ваться закона, установленного большинством: будем вешать, обмазывать дегтем, валять в перьях и топить всякого аболициониста, который осмелится осквернить нашу землю».

В июле 1854 года тридцать сторонников свободных штатов переправились через Миссури. Они были хорошо вооружены и привезли с собой палатки и продовольствие. Поднявшись по реке Канзас, они выбрали громадный покрытый цветами луг и разбили там лагерь. Так было положено основание городу Лоуренсу, вокруг которого суждено было разгореться войне за Канзас.

В августе к новым поселенцам присоединились еще семьдесят хорошо вооруженных северян. Слух о дерзких янки, нарушивших законы территории, взбудоражил всех сторонников рабовладения. Триста пятьдесят «Сынов Юга» на лошадях окружили Лоуренс и потребовали, чтобы новые поселенцы немедленно покинули поселок. На сборы им давалось три часа. Но из Лоуренса слышались звуки американского рожка — поселенцы готовились обороняться. «Сыны Юга» не ожидали отпора. Увидев, что предстоит сражение и что янки, повидимому, решили отстаивать свои права с оружием в руках, миссурийцы начали постепенно отступать. К вечеру у нового города уже не было ни одного всадника.

Таков был Канзас — та обетованная земля, куда устремились сыновья Джона Брауна в поисках счастья.

«У нас на пятерых всего один револьвер, один охотничий нож, неважная винтовка, маленький карманный пистолет и праща. Нам необходимы: шестизарядный револьвер Кольта, хорошая винтовка и тяжелый охотничий нож. Имея все это, мы сможем управиться даже с теми, кто вооружен пушкой. Мы уверены, что ты

достанешь нам оружие. Оно нам здесь нужней, чем хлеб».

Буквы расплзались на грязном клочке бумаги, вырванном из блокнота. Джон-младший все аккуратно подсчитывал, как бухгалтер, но это не помешало ему и его братьям тотчас по приезде в Канзас ввязаться в борьбу.

В Северной Эльбе стояла засуха. Земля потрескалась, и у коров пропадало молоко. На пастбищах мычали теллята, изнывавшие от зноя. В полях засохшая кукуруза шелестела, как бумага.

Негры сидели у своих хижин, с надеждой глядя на небо — не пошлет ли оно дождя. Но небо было все так же безжалостно синее, и вечером Брауну приходилось утешать своих черных друзей. Ему было не лучше, чем остальным; бобы и фасоль в огороде погибли, гусеницы испортили фруктовые деревья, хлеба не было.

А тут еще эти письма от сыновей.

Они писали о богатейших плантациях рабовладельцев, о рабах, которых по вечерам загоняют, как скот, в хлевы, о травле аболиционистов. Браун больше не мог читать своим черным слушателям о великих сражениях былого: прошлое заглушалось настоящим.

Там, в Канзасе, борьба разгоралась все жарче. Лоуренс переходил из рук в руки. С Юга хлынули вооруженные до зубов плантаторы. Дважды назначались выборы и дважды признавались недействительными. На новых землях росли и рабовладельческие и свободные поселения, и между ними непрерывно шла партизанская война.

Джон-младший писал, что его избрали председателем повстанческого комитета, и снова просил достать оружие.

Письма и засуха. Брауну казалось, что все внутри у него пылает, как земля, сжигаемая солнцем.

Негры приходили спрашивать, правда ли, что в Кан-

засе воюют за них, за их свободу? Они смотрели на Брауна вопрошающими и, как ему казалось, укоризненными глазами.

Мэри Дэй видела его иссохшее лицо и понимала, что он страдает. Больше всего в жизни он ненавидел пустых болтунов, щеголявших одними пышными фразами о свободе и равенстве. Ему казалось, что теперь он уподобился этим болтунам.

Нет, пусть он стар, пусть ему пошел уже шестой десяток, но он не может оставаться в стороне, он должен действовать!

Он собрался быстро. Ни жена, ни дети не удерживали его. Они знали, что это бесполезно. К тому же сыновья сочувствовали отцу: если бы он им позволил, они все отправились бы в Канзас. Но негры Северной Эльбы не могли оставаться без руководства, в доме тоже нужны были мужчины для тяжелой работы. И сыновья, привыкшие с детства беспрекословно подчиняться отцу, остались.

Он взял с собой только самого младшего — Оливера. Мальчик, тонкий, как тростинка, был любимцем матери. Мэри Дэй впервые взглянула на мужа страдальческими глазами.

— Не бойся, мать, — сказал ей Браун, — с ним ничего не случится. Мальчик должен повидать жизнь, это ему полезно.

Сухим и знойным августовским утром они уехали. Но путь Брауна лежал не прямо в Канзас. Он не мог явиться туда с пустыми руками. И потому через сутки он стоял перед Джерри Смитом — такой же неожиданный, решительный и пугающий, как и в первый раз.

Нужны деньги и оружие. Повстанцы в Лоуренсе ждут помощи от северян. Тут он прибегнул к лести: всем известны благородные стремления мистера Смита. Мистер Смит всегда был горячим сторонником осво-

бождения негров. Теперь ему предоставляется случай еще более прославить свою гуманность...

Джерри Смит нервно потирал руки, его толстые щеки дрожали от волнения. Оружие? Война?! В ужасе он закрыл глаза. Но, быть может, все еще уладится без кровопролития?

Он посмотрел на Брауна и сдался перед его непреклонным взглядом. Конечно, конечно, он согласен поддерживать мистера Брауна, он даже съездит с ним в Сиракузы. Завтра там митинг аболиционистов. Мистеру Брауну, с его красноречием, разумеется, нетрудно будет добиться от них помощи.

Собрание в Сиракузах было, как две капли воды, похоже на все собрания умеренных аболиционистов. Множество речей, множество евангельских притчей.

Учителя и пасторы в длинных сюртуках, почтенные леди в чепцах и шالях, заколотых брошками, фермеры в туго накрахмаленных праздничных манишках. Все так чинно, благопристойно, сдержанно. Взывали к состраданию и гуманности, жалели бедных, темных негров.

На этот раз, впрочем, настроение подогревалось событиями в Канзасе. Поэтому, когда Джерри Смит представил собравшимся мистера Брауна, «у которого пять сыновей сражаются за свободный Канзас», внимание всех устремилось на новоприбывшего.

Браун не тратил времени на речи и притчи. Его раздражали эти собрания. «Водянисто-молочные» рассуждения аболиционистов вызывали в нем глухую злобу. Но сейчас он нуждался в их помощи. И он прочел им два письма своих сыновей из Канзаса.

Джон-младший ездил на выборы членов территориального совета и палаты представителей в Ливенворс. Он писал, что миссурийцы явились с пушками, ружьями, револьверами, палатками, захватили барак, где про-

исходили выборы, и голосовали за рабовладельческую конституцию.

В Миссури газеты демократов<sup>1</sup> трубили о победе. Губернатор Ридер, сторонник «народного суверенитета», дал четыре дня на опротестование выборов. Вильям Филиппс, адвокат из Ливенворса, составил письменный протест против незаконных выборов. Тогда «Сыны Юга» схватили его, силой посадили в лодку и перевезли на миссурийскую сторону, в Уэстон. Там Филиппса высекли, обмазали смолой, вываляли в перьях и повезли по городу. В конце концов, его стали продавать с аукциона, как невольника, и с криком и угрозами присудили в собственность одному негру. Но Филиппсу удалось бежать из Уэстона. Теперь он снова в Ливенворсе и ждет, что его вот-вот убьют.

Словно злой вихрь пронесся по залу. Кружевные чепцы и рединготы пришли в волнение. Разбойничий посвист «Сынов Юга» коснулся их ушей. Нет, даже из одного чувства самосохранения они должны помочь тем, кто борется с миссурийцами. Южная опасность приближается с каждым днем.

Джерри Смит аккуратно собирал пожертвования. Сам он уже вручил некоторую сумму Брауну. Разумеется, деньги должны идти исключительно на защиту. Собравшиеся категорически против наступательных действий, которые могут только раздражить южан.

Браун покупает оружие: тяжелые шестизарядные револьверы, ружья Шарпа, длинные охотничьи ножи. В оружии он знает толк, еще в детстве индеец Две Луны научил его отличать хорошую сталь от плохой. Он заезжает в Огайо, в местечко Экрон, где он некогда пас овец. Здесь ему не нужно рекомендаций Джерри

---

<sup>1</sup> Демократическая партия в США была в то время партией рабовладельцев.

Смита — все знают его семью, и экронские фермеры охотно дают деньги на канзасское дело. Они все ненавидят плантаторов и рады насолить им, чем могут. Теперь у Брауна собрано около двухсот долларов, и с собой он везет два ящика с оружием. В Чикаго он с Оливером покупает лошадь и крепкий степной фургон.

И вот легкий стук колес по проселочной дороге, фырканье лошади, ночевки под звездным небом и крепкий запах незнакомых трав Канзаса.

## КАНЗАС

Браун вспоминал: на старых картах Америки Айова изображалась бобром, Небраска — антилопой, а Канзас — буйволом. Через эти равнины проходили некогда стада диких буйволов, на которых охотились индейцы — чийенны.

Теперь дикие буйволы почти вывелись, но земля была такая, о какой он читал в Ветхом завете. Там она называлась «обетованной». Бесконечная, до самого горизонта уходящая прерия, волнистые холмы, покрытые шелковой муравой, с огненными звездочками диких ноготков. Маленькие золотые подсолнечники, которые растут гроздьями и словно освещают весь луг солнечным светом.

Отец и сын следили за сойками, мелькавшими в небе, и слушали их щебет. Иногда они останавливались на берегу реки кормить и поить лошадь, и тогда Оливер отправлялся на охоту. Он приносил бекасов и вместе с отцом ощипывал дичь и жарил ее на костре.

Когда они сидели так, вдвоем, у тлеющего костра, глядели на теплые испарения, поднимающиеся от земли, слушали свист сусликов и воркование какой-то ночной

птицы, Оливеру не верилось, что где-то здесь, в этом зеленом и голубом Канзасе, идет война, люди убивают друг друга и кровь пятнает траву.

Но старший Браун не поддавался очарованию природы, он был беспокоен, и Оливер, просыпаясь ночью, видел, что отец сидит у костра, неподвижно устремив глаза на огонь.

Скоро им стали попадаться помещицы ранчо с заколоченными ставнями, пустые и враждебные. Дорога была теперь усеяна костями волов и лошадей, тучи воронья сидели на скелетах и отвратительно кричали, когда проезжавшие мешали их пиршеству. Попадались им и люди, в телегах и верхом. Встречные угрюмо, подозрительно оглядывали их и не отвечали на вопросы.

В начале октября 1855 года они прибыли в Браунсвилль — так пышно называли пятеро сыновей свою стоянку — жалкий лагерь из нескольких дырявых палаток. Единственный деревянный сруб стоял без крыши — закончить его не было времени. Поле за палатками не было вспахано. Вообще никто здесь по-настоящему не занимался фермерством.

Браун сразу почувствовал это, поглядев на сыновей. Птенцы оперились и возмужали. Даже болезненный Фредрик, которого считали слабоумным, носил за поясом револьвер и толковал о политике. Джон-младший командовал отрядом добровольцев. Отец едва узнал его: Джон оброс курчавой бородкой, у него теперь была походка кавалериста, и в разговоре он то и дело вставлял военные термины.

Все пятеро были рады приезду отца. В этом человеке, которого они между собой называли «Стариком», была какая-то внутренняя сила, которая передавалась им. В такое время отец был очень нужен сыновьям.

С помощью террора была избрана законодательная палата из сторонников рабовладения и нескольких фрисойлеров<sup>1</sup>. Новая законодательная палата открыла свои заседания, но фрисойлеры, узнав об ее составе, вскоре удалились. Губернатор Ридер назначил местом пребывания палаты деревушку Павнию, в 240 километрах от Миссури. Члены законодательного собрания были очень недовольны тем, что заседания должны происходить так далеко от Миссури. Они самовольно переселились в здание школы на берегу Миссури. Тогда Ридер объявил палату распущенной. Несмотря на это, палата продолжала действовать и послала в Вашингтон требование об отставке Ридера. Ридер был отстранен от должности, взамен его был назначен ярый сторонник рабовладения Шаннон.

Воспользовавшись тем, что палата рабовладельцев распущена, сторонники свободного штата созвали народное собрание в Топеке. Здесь фрисойлеры составили проект конституции, запрещающей рабство, избрали Ридера делегатом на конгресс и постановили, что конституция должна быть утверждена народом. В то же время в Ливенворсе, центре канзасских рабовладельцев, начала заседать рабовладельческая палата под председательством Шаннона. Две власти утвердились в Канзасе одновременно. Страсти разгорались все сильнее. Миссурийцы стали готовиться к новому походу на Канзас.

В Ливенворсе члены «Голубой ложи» врывались в дома сторонников свободного штата, обыскивали их и отбирали оружие. Адвокат Филиппс не позволил миссурийцам войти в дом; тогда они взяли дом приступом, а самого Филиппса убили. Потом они сожгли половину Ливенворса, собрали всех северян, посадили их на паром и отправили вниз по реке.

---

<sup>1</sup> Free soil—свободная земля.



Сведёний о подобных событиях передавались из уст в уста и подливали масла в огонь. Джон Браун жил с сыновьями в палатке. Палатка была низкая, залезать в нее приходилось ползком, и ночью все спали вповалку. Было тесно и трудно дышать, и если человек хотел повернуться, ему приходилось будить остальных. Впрочем, все они спали, что называется, вполглаза; у каждого под рукой всегда лежала заряженная винтовка или револьвер — ежеминутно могла вспыхнуть тревога. Джон Браун ничуть не тяготился подобной жизнью. Глаза его снова заблестели, и он стал по утрам практиковаться в стрельбе.

Стрелял он отлично, так что Оливер даже слегка завидовал отцу, но «Старик» был недоволен и уверял, что с годами меткость ему изменила.

В ноябре произошло еще несколько столкновений рабовладельцев с аболиционистами. Как-то ночью на дороге нашли трупы северян. Это было последней каплей.

Канзас закипел, словно котел с адским варевом. С Севера начали приходить поезда, набитые вооруженными людьми. Губернатор штата, Шаннон, ставленник рабовладельцев, призывал на помощь «Сынов Юга». Сторонники свободного штата зывали о помощи к президенту и гражданам Соединенных штатов. Огромные толпы миссурийцев собирались во Франклине и по берегам Варакузы, раздавались проклятия по адресу аболиционистов. Угроза надвигалась.

В Лоуренсе готовились к обороне. Джон-младший со своим отрядом строил земляные укрепления. Из Топеки для защиты города явились фермеры.

Джон послал сказать отцу в Браунсвилль, что его присутствие в Лоуренсе необходимо. «Старик» обладал многими ценными познаниями. Он побывал в Европе, видел земляные укрепления пруссаков и англичан и, быть может, даст несколько полезных советов.

6 декабря газета аболиционистов Лоуренса «Херальд

оф Фридом» сообщила: «В город прибыл мистер Джон Браун, пожилой джентльмен из штата Нью-Йорк, с сыновьями».

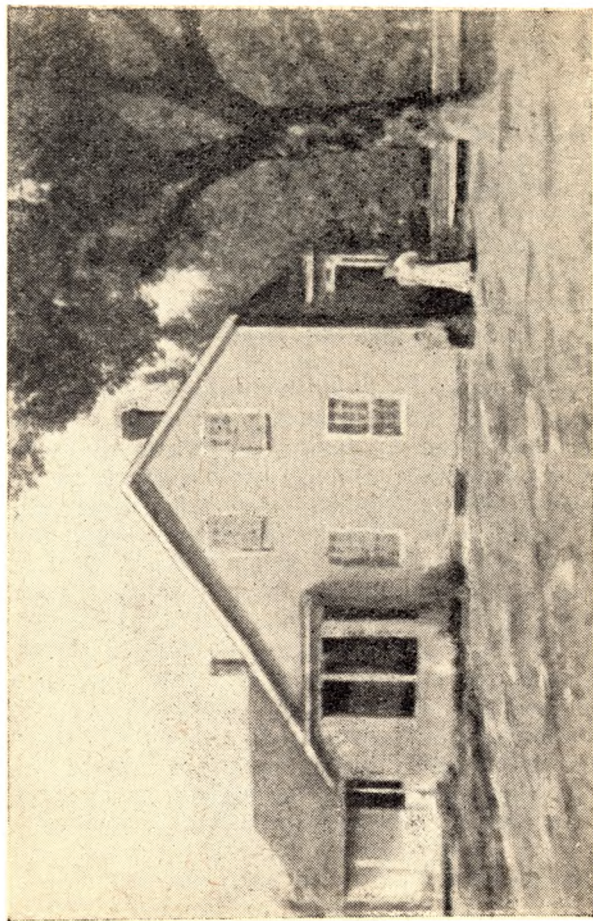
Почти одновременно с Брауном в Лоуренс прибыл губернатор Шаннон. Дело становилось похожим на настоящую войну. Из Вашингтона слали запросы, и карьера губернатора висела на волоске. Надо было во что бы то ни стало покончить дело миром. Шаннон льстил, обещал поддержку, уговаривал. В конце концов, ему удалось добиться от аболиционистов обещания, что прошлое будет предано забвению.

Миссурийцы поневоле должны были разойтись по домам.

Браун с сыновьями также вернулся в Браунсвилль.

«Так окончилось канзасское нашествие, — писал он семье в Северную Эльбу, — миссурийцы вернулись к себе, претерпев значительные трудности, издержки и лишения, не разрушив и не спалив ни одного города и даже ни одной аболиционистской газеты. К их сожалению, они оставили сторонников свободных штатов хорошо вооруженными, организованными и полными хозяевами территории. Я все более и более убеждаюсь, что рабство здесь будет вскоре уничтожено...»

О, эта канзасская зима в недостроенных хижинах! Когда-то в молодости Джону Брауну был нипочем любой мороз. Но теперь этот снег, сухой, как песок, и ветер, воровато залезающий во все щели, наводили на него тоску. Он никак не мог согреться, и ему трудно было работать в таком холоде. Газета города Лоуренса величала его «пожилым джентльменом», а соседи уже звали его «старым Брауном». Канзасская земля пока еще не приносила урожая. В Северную Эльбу приходилось посылать одни благословения, денег у него не было.



Дом в Гэборе, штат Айова, где жил Джон Браун.  
(Иллюстрация из книги *Вилларда*.)

Между тем, в Канзасе продолжалось напряженное положение. В Топпеке была принята конституция свободного штата, и в январе состоялись выборы.

Это вызвало новые стычки рабовладельцев с аболиционистами. По всем дорогам шатались вооруженные до зубов молодцы из Южной Каролины, ловили проезжавших и спрашивали: «За рабовладение или против?» С отвечающими «против» расправлялись на месте.

Президент Пирс выпустил воззвание, в котором предостерегал от сопротивления избранному рабовладельцами законодательному собранию и называл рабовладельство в Топпеке революционным. Президент категорически воспрещал сбор денег на Канзас, вербовку людей и снабжение их оружием. «Все попытки вмешательства будут решительно пресечены», писал он.

Своим воззванием Пирс окончательно развязал руки рабовладельцам, узаконил все их действия и открыто направил вооруженные силы государства против сторонников свободного штата. Но и в самом конгрессе в Вашингтоне было беспокойно: от речей почтенные депутаты стали переходить к драке. Сенатор Семнер назвал рабовладельцев Юга «бандой разбойников» и «гнилой отрыжкой цивилизации». За это другой сенатор, южанин Брукс, ударил Семнера палкой по голове.

Все помещики на Юге пришли в восторг, и Брукс получил в подарок множество дорогих палок с надписями, прославляющими его «геройство».

В марте аболиционисты написали в Вашингтон прошение о принятии в Союз свободного штата Канзас. Адвокат Лэйн и губернатор Ридер — сторонники, фрисойлеров — были избраны сенаторами штата; Джон Браун-младший также вошел в новоизбранное правительство.

В том же месяце палата послала из Вашингтона в Канзас комиссию для выяснения вопроса о законности той или другой власти. Когда комиссия прибыла для ра-

боты в Лоуренс, туда явился шериф округа Джонс и, желая спровоцировать новое столкновение, арестовал одного фрисойлера. На помощь арестованному бросились его друзья, и шерифу пришлось ретироваться. В тот же день губернатор Шаннон издал приказ о мобилизации всех сторонников рабовладения.

Теперь в Канзасе разгорелась уже настоящая война. Кроме добровольцев с обеих сторон, в ней принимали участие войска федерального правительства.

В апреле отряд федеральных войск был послан на помощь губернатору Шаннону. Шериф Джонс, глава этого отряда, арестовал в Лоуренсе целый ряд сторонников свободного штата. Ночью кто-то выстрелил в окно дома, где остановился Джонс. Шериф был ранен, но миссурийцы обрадовались предлогу и объявили, что Джонса убили фрисойлеры.

Газеты рабовладельцев завопили о мщении. Была объявлена официальная мобилизация для борьбы с мятежным Лоуренсом. Быть может, если бы в этот момент в Лоуренсе оказался «старый джентльмен» — Джон Браун, все дальнейшие события обернулись бы совсем иначе. Но Браун вспахивал с Оливером поле за своей хижинкой в Браунсвилле, и карабин его лежал рядом с винтовкой сына на распряженном возу.

У сторонников свободного штата в критический момент не нашлось достойного руководства. Ридер бежал, другие члены правительства спасовали перед сильнейшим противником и постановили не оказывать сопротивления. Несколько тысяч миссурийцев ворвались в Лоуренс с черно-белыми знаменами, на которых красовался их лозунг: «Южные права». Миссурийцы подожгли редакцию «Херальд оф Фридом». Они выволокли на улицу типографскую машину, сломали ее и бесновались от радости вокруг рассыпанного по земле набора.

Гостиница, где заседал «свободный» конвент, была

разрушена пушечными выстрелами. В городе шел грабеж и погром. «Сыны Юга» громили лавки и дома фрисойлеров.

Весть о взятии Лоуренса подняла на ноги всех жителей Браунсвилля. Джон Браун собрал сыновей и послал за соседом — кузнецом Теодором Вейнером. Австриец Вейнер участвовал в революции 1848 года и всеми силами души ненавидел помещиков. Он явился, даже не сняв кожаного фартука, в котором работал у наковальни.

— Что надо делать?

— Итти к Лоуренсу, — отвечал Браун. — Теперь нам остается надеяться только на самих себя. У нас нет вождей, и мы не можем ждать помощи от правительства. Миссурийцы действуют террором и думают, что аболиционисты постесняются отвечать тем же. Но врагов надо уничтожать любой ценой. Борьба есть борьба.

Он вынул из кармана потрепанную книгу, которую теперь всегда носил с собой. Это была библия. В старости он все чаще читал ее.

— Истинный бог — это бог гнева, — сказал он. — Справедливость — превыше всего.

Маленький отряд вооружился и выступил в путь. Джон-младший поскакал в поселок Поттоватоми, где был штаб его добровольческого отряда.

Он созвал своих «поттоватомцев». На следующее утро отряды отца и сына встретились неподалеку от Лоуренса и расположились лагерем. Нападать на укрепленный городок с таким малым числом бойцов было бы неразумно.

Браун жарил на костре свинину для своих партизан и беседовал с Вейнером. Довольно церемониться с врагами, из-за проклятой мягкотелости аболиционисты теряют все свои позиции. Миссурийцы грабят на дорогах безобидных путников, арестовывают фермеров, вооруженные отряды останавливают фургоны и расстреливают людей только за то, что они против рабства.

Он подозвал Джона-младшего и Вильямса, молодого лейтенанта «поттоватомцев». Кто был главарем банды, нападавшей на собрание в Итоне? Кто убил двух свободных негров близ Лоуренса? Кто стрелял в фермеров, возвращавшихся из Ливенворса?

Имена назывались без колебаний: Билл Шерман, Уилкинсон, Дойл-отец и его два сына. Живут они в «Датч Генри Кроссинг». Это были всем известные активные сторонники рабовладения.

— Я запишу, — сказал Браун и вынул блокнот.

Джон-младший одобрительно кивнул. Молодой лейтенант слегка побледнел. В старике, сидевшем у костра, он почувствовал что-то спокойное и неумолимое, как судьба.

Вейнер наточил старые сабли бойцов. Браун взял сыновей и Вейнера, ему нужны были только безусловно преданные люди. Вместе с ними он возвратился в Поттоватоми и затем направился в Москито-Крик — поселок рабовладельцев.

Стояла черная майская ночь. Прогретая земля не остывала даже ночью, и воздух был насыщен теплом. Кучка людей в молчании дошла до поселка. Залаяли собаки, все дома были на крепких запорах, казалось, спущенные ставни затаенно выслеживают врага. Дом Дойла был самый большой и богатый, с длинной конюшней и хлевом. Джон Браун громко постучал в дверь.

— Кто там, во имя дьявола?! — спросил пискливый голос.

— Где здесь живет Уилкинсон? — вопросом на вопрос отвечал Браун.

— Уилкинсон? Чего вы шляетесь по ночам?! Обождите, я покажу вам, где живет Уилкинсон...

Долго возились с засовами, потом высунулась сердитая физиономия Дойла. Этот человек был похож на рыжую крысу, и Браун, увидав его, почувствовал странное

облегчение. Оттеснив его, он вошел со своими людьми в дом.

— Мы из Северной армии, — сказал он Дойлу, — вы в наших руках, сдавайтесь!

Дойл заметался по большой закопченной комнате. Вышли два его сына, похожие на отца, как две капли воды.

— Ваша судьба послужит угрозой для других, — сказал им Джон Браун. — Больше вы не будете здесь разбойничать и мучить людей.

— Пощадите, — взмолился младший, — мы ведь еще молоды...

— Из гнид вырастают вши, — пробормотал Браун, — одевайся и выходи из дома.

— Проклятые ублюдки аболиционисты! — проскрежетал зубами старший. — Будь вы...

В соседнем доме орал и ругался Уилкинсон: он услышал лай собак и почувал опасность. Вейнеру пришлось высадить дверь и вытащить его силой из дома. Увидев молчаливую группу людей, Уилкинсон затих и сжался. Шерман сдался без сопротивления; язык его заплетался от страха, и он еле волочил ноги.

Брауновцы ушли, оставив на берегу реки пять трупов.

Кто покарал пятерых рабовладельцев? Никто никогда не смог добиться ответа от свидетелей этой ночи. Но молва упорно называла Брауна. Он всегда говорил, что врагов надо уничтожать не жалея.

## ФЕРМЕР-БОЕЦ

Весть об убийстве пяти «сынов Юга» распространилась молниеносно. Все думали, что это — мщение за разгром Лоуренса. Рабовладельцы неистовствовали от бешеной злобы. Собrania следовали за собраниями, у всех на устах было имя Джона Брауна. Старая ненависть



разгорелась с новой силой. Все дороги от Пальмиры до Осоатоми кишели людьми, которые охотились за Брауном и его сыновьями. Миссурийцы собирали добровольцев на поиски Брауна. Каждый подозрительный дом обыскивался. Не осталось ни одного амбара, ни одного стога сена, в котором бы не рылись добровольные сыщики. По ночам полыхало зарево: горели подожженные рабовладельцами жилища abolitionистов. «Сыны Юга» разгромили кузницу Вейнера и спалили дотла все палатки и бараки Браунсвилля. Ненависть рабовладельцев искала хоть какого-нибудь выхода. Если бы в то время им попался Браун, они придумали бы для него новую, неслыханную в мире казнь. Но все поиски были тщетны: Браун исчез, как иголка, брошенная в сено.

Браун понимал, что чем ближе он будет к своим врагам, тем легче ему скрыться. Поэтому, пока его искали у Пальмиры и возле Марэ де Синь, он преспокойно лежал под большим старым дубом у притока Оттавы и из своего лагеря слышал голоса солдат, посланных за ним в погоню и расположившихся бивуаком по ту сторону речки. Под крутым берегом шумел и дымился в сумерках весенний ручей, потрескивал костер в сырых ветвях и съезживались молодые листочки.

Здесь 30 мая нашел Джона Брауна корреспондент «Трибуны», сторонник свободных штатов — Джемс Редпас. Редпас явился в Канзас, чтобы своим пером агитировать за свободу. Война не испугала его, и он верхом, в одиночку, пустился в глубь страны. Так он ехал, задумавшись, вдоль речки, как вдруг из-за кустов высунулось дуло ружья и чья-то растрепанная, медно-рыжая голова.

— Стой! Кто идет?

Но, взглядевшись хорошенько во всадника, голова радушно закивала. Это был Фредрик, сын Брауна. Он встречал корреспондента в Лоуренсе и знал, что это — друг.

Редпас также узнал Фредрика. Сын Брауна! Да ведь это сенсационная находка в тот момент, когда вся Америка трубит о преступлении отца!

— Не можешь ли ты сказать отцу, что...

— Да вы сами ему все скажите, — перебил Редпаса Фредрик, — я провожу вас к нему.

И вот Редпас видит перед собой застывшее в свете костра суровое лицо человека, так глубоко погруженного в думу, словно весь лес и вся земля думают вместе с ним.

Корреспонденту становится неловко прерывать мысли этого человека, и он робко вступает в круг костра.

Браун немногословен. То, что он сделал, он считает безусловно правильным. Всю жизнь он был человеком твердых принципов.

— Пусть лучше холера, оспа или желтая лихорадка явятся в мой лагерь, чем какой-нибудь пустой, беспринципный человек, — сказал он Редпасу. — С дюжиной людей твердых убеждений я сумею противостоять хоть целой сотне рабовладельцев.

Редпас с изумлением наблюдал его — такого человека корреспондент встречал впервые. Он сообщил Брауну печальные вести. Джон-младший и Джемсон, которые в ночь расстрела расстались с отцом, теперь были пойманы и отправлены в Лекомптон, где рабовладельцы, избив двух брауновских «пащенков» до потери сознания, оставили их лежать на солнцепеке. Редпас внимательно следил за Брауном, но любопытство его так и осталось неудовлетворенным. Лицо отца только слегка дрогнуло, он пробормотал, что об этом деле необходимо подумать.

Корреспондент вскоре уехал: ему не терпелось поскорее написать о Брауне. Все газеты были полны сведений о «Старике» и его сыновьях.

«Среди общего столпотворения возникло совершенно



Школа в Спрингделе, штат Айова.  
(Позднейшая фотография.)

неожиданное обстоятельство: старый Браун стал признанным героем сторонников свободных штатов. Они смотрят на него, как на единственного человека, способного оградить их от террора...

Он сделался легендой как среди своих, так и среди врагов. Его видят в каждой чаще и в каждой прерии, не проходит ни одной маленькой стычки, где-бы он не участвовал в качестве вождя. Во Франклинне рабовладельцы разбежались с митинга, так как прошел слух, что старый Браун едет, чтобы «изъять» нескольких человек. Всю ночь у речки, откуда должен был появиться Браун, стоял большой отряд с заряженными ружьями.

Известно, что только боязнь его мести удержала рабовладельцев от казни двух его сыновей, содержащихся в ливенворской тюрьме. Со времени событий в Поттоватоми он скрывается, его видят очень редко, но его влияние растет. Недавно большой отряд миссурийцев двигался на северян. Кто-то в шутку крикнул в задних рядах: «Старый Браун едет!» Мгновенно люди перерезали на мулах построики и бросились спасаться, кто куда. На территории его боятся больше всего».

Власти сбились с ног, разыскивая Брауна. Несколько отрядов искали его одновременно в разных местах. И в то же время в умах людей постепенно укреплялась мысль, что Браун как раз такой человек, который может стать вождем канзасских аболиционистов. Молва рисовала его непреклонным и отважным и прокладывала к лагерю Брауна невидимую тропу.

Солдаты и добровольные сыщики бродили попусту, а каждый, кому действительно был нужен Браун — вождь и покровитель, легко и просто находил его в Оттава-Крик. Легко нашел его и капитан Шор, командующий отрядом фрисойлеров из Прерия-Сити.

Шор сообщил Брауну, что у Блэк-Джека собрался большой отряд миссурийцев под командой виргинца Пей-

та. Пейт послан изловить во что бы то ни стало Брауна. У него в отряде до трехсот человек и большой обоз, так как он только что ограбил свободный поселок Пальмиру.

Браун не медлил ни минуты. Через несколько часов его отряд был в Прерия-Сити. Там его встретили с энтузиазмом: двадцать человек бросили пахоту и, взяв ружья, последовали за брауновцами.

Вскоре на дороге им удалось заарканить трех всадников из лагеря Пейта. Браун сам допросил пленников. Он получил исчерпывающие сведения. Пейт организовал свой отряд, как маленькую армию, — с пехотой, кавалерией и лагерными принадлежностями. Его сбозные мулы тяжело нагружены военной добычей. Сейчас отряд расположился лагерем у Блэк-Джека, и Пейт раскинул свою великолепную шелковую палатку, которая, благодаря своему пурпуровому цвету, видна чуть не за пять миль.

План Брауна был четок и прост: неожиданная атака на рассвете. В ту же ночь брауновцы, оставаясь незамеченными, подошли к лагерю Пейта. Лагерь безмятежно спал. Вокруг палаток были выставлены крытые фургоны, позади паслись стреноженные лошади и мулы.

Браун разделил своих людей на два отряда. Бойцов Шора он оставил в резерве; они должны напасть на лагерь слева, когда подыметесь тревога и все внимание миссурийцев обратится на первый отряд. Свой отряд Браун построил в карре. Фредрик в арьергарде сторожил коней. Все делалось быстро и бесшумно. Часовые Пейта подняли тревогу, когда брауновцы появились уже у первых палаток лагеря.

Браун приказал выстрелить по лошадям. Испуганные животные понеслись на лагерь, подминая палатки и встречных людей и ломая себе ноги об оглобли фургонов. Внезапно разбуженные миссурийцы метались, как

угорелые, кричали и беспорядочно стреляли. Спросонок им казалось, что на них напало больше тысячи фрисойлеров.

Посреди хаоса и стрельбы внезапно появился всадник на рыжей лошади. Это был Фредрик, сын Брауна.

— За мной, ребята, вперед! Они сейчас сдадутся, — закричал он своим. — Отступление отрезано!

Миссурийцы окончательно растерялись. Стрельба прекратилась. От палатки Пейта замахали белым платком. Неприятель просил пощады.

Браун выстроил свой отряд, состоявший всего из восьми человек. Сейчас явятся парламентары, нужно создать впечатление, что бойцов много. Действительно, спустя несколько минут появились два парламентаря. Браун выступил им навстречу.

— Вы капитан этого отряда? — спросил он старшего из парламентаров.

— Нет, капитан остался в лагере.

— Тогда ваш товарищ останется здесь, а вы вернетесь в лагерь и пришлете капитана. Я буду разговаривать только с ним.

Приходилось повиноваться. Явился взбешенный Пейт. Это был маленький курчавый человек желчного темперамента.

— Имейте в виду, что я уполномочен правительством! — закричал он, брызгая слюной.

Но на Брауна это, повидимому, не произвело впечатления.

— Если у вас есть предложения, говорите, — спокойно сказал он Пейту. — После я сообщу вам мои условия. Впрочем, я требую безусловной сдачи.

Пейт скользнул взглядом по бойцам, стоявшим за этим удивительным старым командиром. Восемь браунцев заслоняли пустоту позади себя. Пейт остался в твердом убеждении, что бойцов не меньше полусотни.

Когда он узнал, что перед ним Браун, тот самый Джон Браун, которого он должен был изловить, с ним чуть не сделались конвульсии. Позеленев от бешенства, он подписал условия сдачи: Пейт освобождался в обмен на двух сыновей Брауна, Джона и Джексона, его люди обменивались на сторонников свободных штатов, арестованных в Паоле.

После победы над Пейтом Брауну уже не было необходимости скрываться. Он был отныне признанным вождем канзасских аболиционистов и мог действовать в открытую. Со всех сторон к нему стекались добровольцы, теперь в отряде Брауна насчитывалось около двухсот человек.

В поселке Осоатоми Браун устроил свою штаб-квартиру, на острове Мидл-Крик расположился лагерь его отряда, обнесенный земляным валом. В своей новой роли боевого командира Браун был так естественен и так свободно и умело отдавал распоряжения, что никому из новых добровольцев не могло прийти в голову, что этот седой человек никогда в жизни не был военным. Да и его самого ничуть не удивляло новое положение. Как будто все его прошлое было лишь подготовкой к этой жизни на бивуаке, с заряженной винтовкой у изголовья.

Вокруг Лоуренса снова шла борьба. Теперь аболиционисты окружили город и старались выбить из него «Сынов Юга». Но сторонники рабовладельцев тоже не бездействовали. Они жаждали мести. Вся ненависть их в эти дни обратилась на того, кого в Канзасе уже называли «Джон Браун Осоатомский». Генерал Рейд, посланный с двумя сотнями драгун окончательно уничтожить гнездо брауновцев, рапортовал губернатору штата:

«Прошлой ночью я двинулся с 250 людьми на форт и поселок аболиционистов — Осоатоми, главную кварти-

ру старого Джона Брауна. Мы прошли 40 миль и атаковали город перед восходом солнца. Была короткая перестрелка в течение часа. У нас ранено пятеро — не опасно, у них убито около тридцати человек, в том числе определенно сын старого Брауна и почти наверное сам Браун.

Захвачены их амуниция и продовольствие, и мои молодцы сожгли до основания поселок, чему воспрепятствовать я не мог».

Но радость генерала Рейда была преждевременной: Джону Брауну удалось невредимым ускользнуть от драгун. Зато известие о смерти сына Брауна подтвердилось: это был Фредрик, убитый священником Мартином Уайтом, предательски всадившим ему нож в спину.

Неподалеку от Осоатоми, в молодой дубовой роще, Браун молча стоял над мертвым сыном. Фредрик вызвал в его памяти почти забытое лицо Дайант. Было в этом сыне много общего с матерью: нервная порывистость, бегающий взгляд, внезапный смех — в семье его считали не совсем нормальным. И все же Браун любил его. Он снял с Фредрика порыжевшую от солнца шляпу и надел ее на себя. Потом с силой вонзил в землю заступ и начал копать могилу.

Спустя неделю в Лоуренсе, перешедшем вновь в руки аболиционистов, было заседание правительства свободного штата. Обсуждался поход на Ливенворс. Правительство должно было решить, кому передать командование партизанами. Внезапно в открытые окна дома донесся какой-то гул. Ближе, все ближе. Теперь уже можно было различить, что это — приветственные крики. Члены конвента поспешно вышли на балкон. Радостно возбужденная толпа восторженно произносила чье-то имя. Шляпы летели в воздух, взгляды всех были устремлены на старого человека, который спокойно въезжал в город на сером истощенном коне.



— Да здравствует Браун Осоатомский! — кричала толпа, и Браун кивал в ответ на восторженные приветствия так спокойно и непринужденно, как будто давно привык к славе.

Это был подлинный его триумф. Власти Лоуренса встречали его, как почетнейшего гостя. Правительство свободного штата предложило ему принять командование над отрядами добровольцев, отправлявшихся в Ливенворс.

Но по существу партизанская война кончилась. Из Чикаго еще посылали экспедиции на помощь поселенцам Севера, но правительство Соединенных штатов уже отправило в Канзас регулярные войска.

Начался период жестокого террора. Почти все партизанские отряды были ликвидированы правительственными войсками. В Лекомптоне собралось рабовладельческое правительство и выработало свою конституцию. Несмотря на то, что эта конституция была отвергнута населением, федеральный сенат признал Канзас рабовладельческим штатом. Формально победили рабовладельцы. Браун понимал, что временно период вооруженной борьбы миновал и что сейчас в Канзасе партизанскому командиру нечего делать.

Но канзасская война многому научила старого Брауна. Он увидел, что, хотя местное свободное население победило рабовладельцев и на парламентских скамьях и на поле битвы, все-таки именно рабовладельцы, опирающиеся на центральную власть, остались победителями. Значит, единственно правильный путь борьбы — отнять власть у плантаторов. Он видел путь совершенно ясно. «Борьба, борьба, и не словом, а оружием», твердил он.

Больной, измученный бессонницей и лихорадкой, на тряской телеге он отправился в Бостон. Новые планы, новые мечты влекли его на Восток.

В Бостоне все без исключения интересовались канзасскими событиями. Многие либерально настроенные дельцы стояли за свободные штаты, жертвовали деньги в комитеты помощи переселенцам и помещали статьи в газетах. Они с восторгом приняли человека, сражавшегося в прериях и потерявшего там сына, человека, за которым так рьяно охотились рабовладельцы.

Брауна пригласили в комитет помощи переселенцам. Не возьмет ли он на себя организацию отряда или маленькой армии из членов комитета в Канзасе? Для этого нужны средства и оружие? Ну, что же, мистеру Брауну не трудно будет собрать то и другое, пусть только он побольше рассказывает северянам о Канзасе. Но мистер Браун обязан помнить: деньги и оружие должны идти исключительно на оборону.

Здесь тоже предпочитали лицемерить.

Итак, Джон Браун отныне был облечен полномочиями комитета. Он собирал ружья и доллары, печатал в газетах воззвания: «Я прошу всех искренних защитников свободы и человеческих прав, будь то мужчины или женщины, поддержать это дело сильной помощью».

Выступать более открыто Браун не решался. Слишком много врагов оставалось у него в Канзасе. Каждый южанин с удовольствием прикончил бы старого Брауна.

Из Северной Эльбы пришло письмо Джона-младшего: «Вчера, через Кливленд проехал полицейский комиссар. Я узнал, что у него есть ордер на твой арест за канзасские дела. Будь осторожен, отец».

Аболиционисты из комитета советовали Брауну изменить внешность. Его раздражали эти советы, хотя они не лишены были смысла. Брауну пришлось отпустить бороду.

В доме судьи Рэссель, аболициониста, где жил Джон Браун, соблюдалась строгая конспирация. На

ночь гость клал под подушку револьвер. Он говорил жене судьи:

— Я не хотел бы портить кровью ваши ковры, но вы знаете, я не могу живым отдаться им в руки. Здесь, в этом револьвере, восемнадцать жизней.

И он просил ее в случае тревоги прятать ребенка, иначе, стреляя, он будет бояться за малыша.

В Бостоне у него сразу явились друзья и почитатели. Он обладал свойством привлекать к себе людей, ничуть не заботясь об этом. Самые разнообразные люди добивались его дружбы и готовы были идти за ним всюду, куда он позовет. Стирнс — известный биржевик Бостона, Томас Хиггинсон — пастор свободной церкви в Уорчестере, Теодор Паркер — известный проповедник, Сэнборн — юноша, только что кончивший университет в Харварде и навсегда связавший свою судьбу с судьбой Брауна, — все эти люди мечтали называться его друзьями. То, что Браун объединял таких различных людей, показывает силу его обаяния. Даже враги его не могли отрицать этого. Андрию, губернатор штата Массачусетс, случайно увидевший Брауна в Бостоне, писал впоследствии: «Это был очень привлекательный человек, умевший сильно влиять на людей».

Браун сразу сделался героем молодежи. Таким представлялся молодым аболиционистам идеальный борец за свободу. Лицо Брауна, его холодные глаза, сдержанные манеры — все отвечало образу героя. Он мог располагать ими, их жизнью, их средствами — они щедро отдавали ему себя. Сэнборн предоставил Брауну все свои деньги, полученные от отца.

Сбор в помощь Канзасу продолжался. Момент этому благоприятствовал: на пост президента Соединенных штатов только что прошел сторонник рабовладения Бьюкенен, и в верховном суде начался процесс Дред Скотта.

Юг и Север с одинаковым вниманием следили за этим процессом. Негр Дред Скотт был рабом военного врача Эмерсона. Хозяин взял его с собой сначала в Иллинойс, а потом в Висконсин, где рабство было отменено. Он так жестоко обращался со своим рабом, что Дред Скотт подал на хозяина жалобу в суд. Произошла неслыханная вещь: впервые раб осмелился поднять голос и пожаловаться на физическое насилие.

Делом заинтересовались самые выдающиеся адвокаты. Представители аболиционистов и рабовладельцев встретились на этом суде, как на поле брани. Дред Скотт, как человек, отступил на задний план — в суде боролись две системы, два принципа. Все усилия аболиционистских адвокатов сводились к тому, чтобы доказать, что раб, живущий на свободной земле, уже перестал быть рабом. Судья вначале поддерживал их, но верховный суд Миссури отменил это решение. Было установлено, что хозяин негра менял местожительство временно и его права на собственность сохраняются, согласно законам того штата, в котором он живет постоянно.

Между тем Эмерсон успел продать Скотта и его семью некоему Сэндфорду из Нью-Йорка. Новый хозяин начал с того, что избил непокорного раба до полусмерти. Снова было возбуждено дело о побоях, уже в новом суде. Сэндфорд отрицал, что он бил Скотта, говоря, что он только «приложил руки», чтобы заставить его слушаться и что это его право по отношению к невольникам. Суд подтвердил законность этого заявления. Декабрьские сессии 1855 — 1856 года занимались исключительно делом Скотта.

В 1857 году верховный суд вынес историческое решение: невольник есть такой же вид частной собственности, как и всякий другой товар. Этим решением суд уничтожил последнее различие между свободными и рабовладельческими штатами.

До тех пор беглый негр, переступив границу свободного штата, мог считать себя свободным. Иногда с помощью подкупленной полиции плантаторам удавалось похищать своих беглых негров, но таких случаев становилось все меньше. Во многих западных штатах местная власть относилась уже враждебно к рабовладельцам и не только не оказывала им содействия, но даже препятствовала поимке беглого.

Дело Дред Скотта сразу узаконило ловлю негров во всех штатах. Теперь всюду и во всякое время появлялись ловцы за неграми и требовали от властей содействия. На улицах разыгрывались безобразные сцены: негров хватали, били, заковывали в кандалы.

«Демократические» политики призывали народ терпеть, не прибегая к насилию, а вести борьбу исключительно парламентским путем. Но в народе росло отвращение к Югу и южанам. Поэтому живая, действенная борьба в Канзасе снова начала привлекать всеобщее внимание, и Джону Брауну нетрудно было вызвать интерес к своему делу.

Он отправился в Нью-Йорк, к Джерри Смиуту. Его рассказы о сражении при Блэк-Джеке возбудили всеобщее сочувствие. Общественное мнение поддерживало Брауна, пожертвования росли, в его руках была уже порядочная сумма и около двухсот винтовок. Вместе с сыном Оуэном на двух фургонах он объезжает Кливленд, Экрон, Колинсвилль, Гудзон. Всюду он рассказывает о Канзасе, и крестьяне охотно помогают ему добытыми с великим трудом деньгами.

Браун заехал на несколько дней домой, в Северную Эльбу. Дом показался ему постаревшим и как-то осевшим набок. Молчаливая и деловитая Мэри Дэй растила младших девочек — последнее, что у нее осталось от семьи. Слава мужа не трогала ее, но она видела, что он живет полной, напряженной жизнью и счастлив.

Белая длинная борода делала Брауна стариком, но голос его звучал молодо, глаза блестели. Он увидел перед собой усталую женщину в поношенном платье, с гладко зачесанными сухими волосами. Холодок отчуждения прошел между ними — слишком долго они не виделись. Но все же она была матерью его детей, и он расспрашивал ее о доме, о дочерях, об огороде. Когда-то это был мир, удовлетворявший его, теперь он казался ему слишком личным и мелким. Он пробыл не долго, беголо поцеловал всех на прощанье и оставил немного денег.

Из дому Браун отправился в Коннектикут, на свою старую родину. В Колинсвилле он снова рассказал фермерам о Канзасе. В Коннектикуте была плохая земля, но и здесь можно было кое-что собрать у фермеров. Браун даже вытащил из-за голенища и показал им кортик, который был с ним при Блэк-Джеке. Кузнец Блэйр внимательно осмотрел острие.

— Славная штучка. Сделать такую шестифутовую, так можно итти против любого оружия.

Браун повернул к нему внезапно оживившееся лицо.

— А сколько вы возьмете за такие наконечники для пик, мистер Блэйр, если делать их оптом, скажем, пятьсот или тысячу?

— По доллару с четвертью, — отвечал кузнец.

— По рукам!

И Джон Браун тут же подписал с кузнецом Блэйром условие. Кузнец обязывался сделать для мистера Брауна тысячу наконечников для пик из доброкачественной стали по доллару с четвертью за штуку.

## *ШКОЛА ВОЖДЕЙ*

Пики делались якобы для защитников свободного Канзаса. Но это был только удобный предлог. Страна, для которой Браун готовил оружие, лежала гораздо

ближе. Только один человек в мире был посвящен в планы Брауна. Этот человек был англичанин Хью-Фордс.

Искатель приключений по профессии, Фордс сам себя именовал «полковником». В 1848 году он сражался в войсках Гарибальди, провозглашал в Италии республику и участвовал в партизанской войне в Альпах. Он одинаково легко объяснялся на итальянском и французском языках. Какие-то не совсем чистые дела в Европе заставили его перекочевать в Америку. В ожидании лучших времен он перебивался в Нью-Йорке случайными переводами и статьями на военные темы. Эти-то статьи и привлекли к нему внимание Джона Брауна.

Он отыскал «полковника» где-то на задворках плохих меблированных комнат. На Фордсе был военный мундир, без пуговиц и без погон. Его худое, лысое лицо внушало мало доверия: тонкий нос, казалось, все время к чему-то приплюсывался. Однако этот человек участвовал в событиях, сведения о которых Джон Браун любовно подбирал и выписывал в свой блокнот.

Фордсу нетрудно было догадаться, какого рода человек находится перед ним. Он почуял в воздухе добычу и постарался, в первую очередь, сломить недоверие посетителя. Это ему скоро удалось. Он умел так увлекательно рассказывать о Гарибальди, о лишениях, которые им приходилось переносить в горах, о сражениях с австрийцами. Он показал Брауну рубцы от сабельных ударов — два на груди, один на шее.

Браун был побежден. Согласен ли полковник поделиться с ним своими военными познаниями? Не может ли он уделить Брауну часть своего времени, чтобы стать его военным инструктором?

Фордс постарался скрыть изумление. Старый «фанатик», как он мысленно определил Брауна, желал изучать военное дело?! На старости лет он вдруг вздумал заделаться новобранцем. Все это показалось ему подо-

зрительным. Дело не так просто, как кажется! Лисий взгляд Фордса со всех сторон обшарил посетителя. Черная одежда, лицо, как у деревенского пастора, и все же есть в этом лице что-то такое, что заставляет «полковника» задуматься. Многими окольными вопросами ему удастся вытянуть из Брауна часть его плана. Фордс не знал, смеяться ему или рукоплескать. Старый безумец задумал совершить не что иное, как переворот в Америке.

И Фордс слушал, не веря своим ушам, подробности этого неслыханного по своей дерзости предприятия. Через несколько месяцев Браун организует военную школу для наиболее преданных ему юношей. Из питомцев этой школы он подготовит вождей будущего восстания. Цель восстания — покорение Юга. Солдатами освободительной армии будут сами негры, которые ненавидят своих поработителей. Надо только суметь организовать эту ненависть, собрать ее воедино и направить взрыв. Операции вначале развернутся в обособленном, отдаленном штате, так что столкновение с правительственными войсками произойдет уже тогда, когда восстание будет в разгаре. Разумеется, местная милиция захочет вмешаться, но тут дело «полковника» убедить войска.

Браун говорил об этом так серьезно, с таким уверенным видом и подробностями, что Фордс вдруг почувствовал: этот удивительный старик умеет покорять. К тому же пахнет деньгами: старик готов вложить в свою безумную затею все деньги, которые он собрал на Севере.

Браун сказал Фордсу, что прежде, чем выступать на политической арене, надо много и долго учиться и что он еще не чувствует себя подготовленным для своего великого плана. За сто долларов в месяц «полковник» соглашается преподавать Брауну военное дело. Кроме того, он берется написать для военной школы Брауна



руководство по ведению партизанской войны. Вместе они придумывают название для этой полуучебной, полуагитационной книги: «Руководство патриота-добровольца».

Но Браун не остановился на этом. Он мечтал склонить на свою сторону американских солдат, он думал, что найдет не мало сторонников в правительственных войсках, которые ненавидят рабовладельцев и с радостью перейдут в его повстанческую армию. Но для этого был нужен человек, который умеет разговаривать с солдатами. Гарибальдиец Фордс должен помочь ему и в этом.

Двоим они написали воззвание к американским солдатам. Воззвание было написано горячим и образным языком. «На земле не существует такого закона, который обязывал бы делать то, что явно противоречит справедливости и чести. Неужели солдаты республики захотят стать живыми машинами, без мысли, без чувства, и будут поддерживать насилие?»

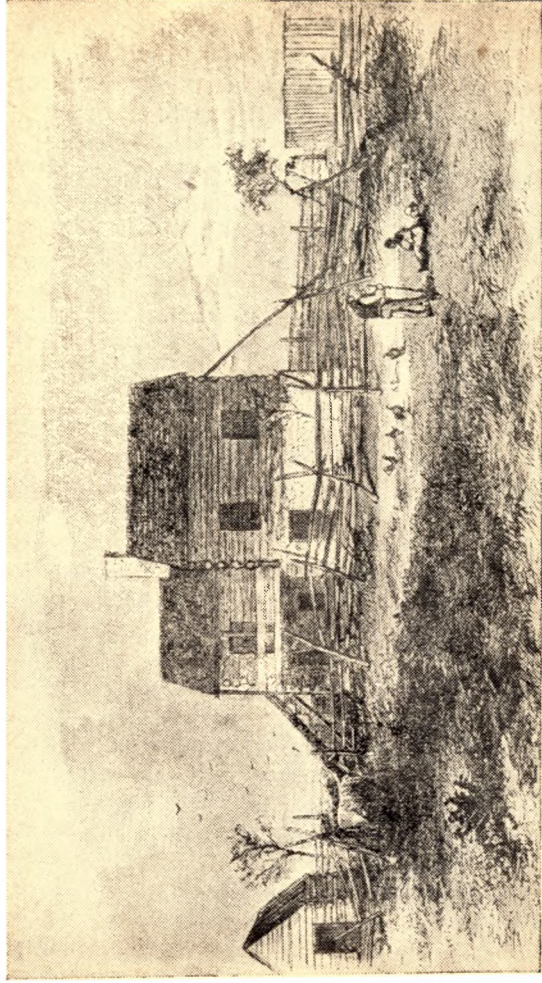
Фордс чувствовал, что дело заходит далеко: старый безумец затягивает его в опасное предприятие. Но теперь Браун у него в руках, он владеет его тайной и постарается выжать из него и его друзей как можно больше денег. Кстати, момент благоприятствует замыслу «полковника». Браун уезжает, оставив ему несколько адресов и доверенность, на случай, если Фордсу понадобятся дополнительные средства.

Комитет требует, чтобы Браун ехал в Канзас; все, кто давал ему деньги и оружие, настаивают на его отъезде туда. Скрепя сердце он покоряется. Он знает, что в Канзасе теперь более заняты избирательными урнами, чем винтовками, что все там утомлены борьбой и жаждут покоя. Но жертвователи не хотят ничего слушать: они дали деньги на оборону Канзаса, нужды нет, что там теперь никто ни от кого не обороняется, — Джон Браун должен ехать в Канзас.

В его отсутствие Фордс начинает с того, что обходит всех его друзей и всюду просит денег. Он показывает доверенности и говорит, что должен послать Брауну в Канзас дополнительно крупную сумму. Он является и к Джерри Смигу, называя себя ближайшим другом Брауна. Но его лисья физиономия внушает подозрение: аболиционисты неохотно вступают в разговоры с мнимым полковником, и ему удается сорвать с них лишь жалкие гроши. Тогда Фордс начинает шантажировать. Он говорит Смигу и остальным, что знает о государственном перевороте, задуманном аболиционистами, и дает понять, что если он не получит денег, то правительству станут известны все замыслы Брауна и его друзей.

Смит напуган чуть не до потери сознания; он вручает Фордсу крупную сумму и глазами кролика смотрит на этого удава в сером полувоенном сюртуке. Спустя несколько дней он вздохнул с облегчением: Фордса больше нет в Нью-Йорке, он уехал, вызванный письмом Брауна в Тэбор, штат Айова.

В прерии близ Топеки Браун собрал тех, кто дрался рядом с ним в Осоатоми и Блэк-Джеке. Костер потрескивал в сухой траве, холодный ветер взметал вверх пламя, и глаза у людей слезились от ветра и дыма. Тут был Аарон Стевенс, высокий чернобородый человек с бархатным певучим голосом и мягкими манерами. Никто не знал, кто он и откуда пришел в Канзас. Но Стевенс был лучшим стрелком в отряде, он умел строить укрепления и свирепо ненавидел рабовладельцев. В те дни все это считалось вполне достаточной рекомендацией. Потом был Каги, бледный и маленький, с пытливыми глазами на безусом мальчишеском лице. Каги изучал право и латынь, знал историю и мог служить живым справочником по географии. Двадцать четыре сабель-



Дом в Кеннеди-Фарм, штат Мэриленд, в котором собирались бойцы Брауна.  
(Рисунок из книги *Вилларда*.)

ных, пулевых и штыковых раны остались на нем в память канзасской борьбы. Рядом с ним полулежал Джон Кук, по профессии садовник, мускулистый и волосатый, словно весь налитый большой и мрачной силой. Его сосед слева, Чарли Моффет, белокурый и нежный, как девушка, казался полной ему противоположностью.

Ветер гнал желтые листья, свинцовые тучи собирались у края неба. Треугольники гусей с криком пролетали на юг, и люди молча провожали их глазами.

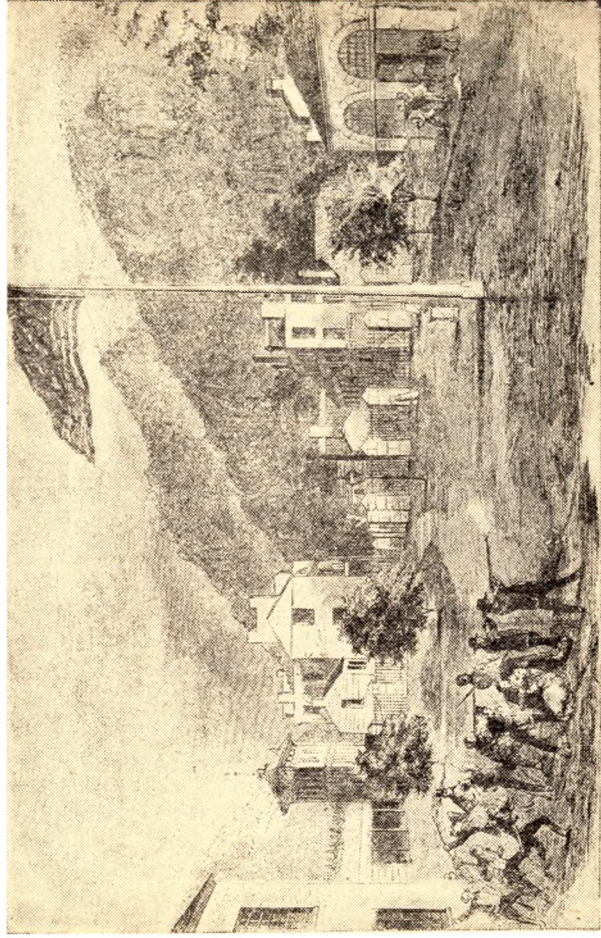
Браун кратко сообщил, зачем он собрал их в прерии. Он ждет от них большого дела, но прежде им всем надо подготовиться. Они должны уехать из Канзаса в Огайо и там пройти военную школу. Вскоре предстоят серьезные события, им надо быть готовыми к жестокой борьбе с рабством. Сейчас он не может сказать больше ничего. Но все они знают его, видели, чего он стоит и на что способен. И он также знает их давно как врагов рабства и отважных бойцов. Вот почему он выбрал именно их для своего дела. Итак, пусть каждый скажет свое слово.

Костер едва тлел. Где-то далеко в прерии жалобно выли собаки. Люди думали не долго. Позади был голод, извечная борьба с плантаторами, налоги, притеснения.

Быть может, старый Браун из Осоатоми научит их, как построить новую, лучшую жизнь?! Пусть старый Браун ведет их, они все пойдут за ним!

Следующее утро застало их уже на конях. Кук и Оуэн Браун взялись завербовать в Лоуренсе еще несколько студентов для военной школы. Четыре дня спустя все они были в Тэборе.

«Студенты», которых привели Оуэн и Кук, были всем знакомы по канзасским боям. Кроме пожилого негра Ричардсона, беглого невольника из Миссури, все это были совсем молодые люди. Девятнадцатилетний



Харперс-Ферри. Сражение у арсенала.  
(Рисунок из книги Редпаса.)

Лимен, шаловливый и живой, умевший всех веселить своими выходками. Застенчивый фермер Тид, художник-самоучка, вырезавший из дерева чудесные вещи. Рыжебородый бондарь Рольф, который слагал стихи о свободе: десять «студентов» и «учитель» с непреклонным лицом и холодными глазами.

Фордс, вызванный строгим письмом, привез в Тэбор написанное «Руководство». Браун внимательно просмотрел книгу — она была хорошо составлена и могла служить популярным учебником для военных. Но сам Фордс на этот раз ему совсем не понравился: «полковник» держался напыщенно и напускал на себя какую-то таинственность. Смутное подозрение охватило Брауна. Он постарался поскорее отделаться от Фордса, вручил ему некоторую сумму денег и отправил в Нью-Йорк. На первое время военным инструктором молодежи мог быть Стевенс.

Они провели неделю в Тэборе, готовясь к путешествию. Школа должна была обосноваться в Спрингделе, глухой деревушке штата Айова. Только это и знали будущие студенты. Браун хранил упорное молчание. Моффет, который сам командовал отрядом в Канзасе, пробовал его выпрашивать, но ничего не добился. Кук начал было болтать с тэборцами насчет великих дел, которые им всем предстоят, но получил от Брауна выразительный приказ держать язык за зубами.

В последнюю ночь Браун велел своим людям погрузить в фургон упакованные в ящики ружья, одежду, амуницию. Когда они кончили, он позвал их в дом, где они остановились.

— Завтра мы выезжаем, — начал он, твердо глядя людям в глаза. — нужно, чтобы вы кое-что узнали перед отъездом. Дело в том, что мы больше не вернемся воевать в Канзас... Мы не будем сражаться и в Миссури. Путь наш лежит на юг. Когда мы выучимся вое-

вать, мы отправимся уничтожать рабство в Виргинию.

Они стояли ошеломленные. Это было, как гром. Поднялся ропот, раздался крики:

— Это безумие!

— Вы нас подвели!

— Чепуха, пусть идет, кто хочет...

Браун молча выждал, пока они успокоились. Первым опомнился Каги и придвинулся к нему:

— Дайте досказать капитану. (Так они теперь звали Брауна.)

— Двадцать лет я мечтал освободить рабов. Эта мысль владела мной, как страсть. Теперь час настал. Завтра мы сделаем первый шаг по этому пути. Я вас не неволю: вы можете идти или оставаться, как вам вздумается. Но не давайте мне легкомысленных обещаний: если вы последуете за мной, будьте готовы ко всему. Вы знаете, какое дело нам предстоит: оно требует от нас многих жертв и напряжения всех наших сил. Я даю вам на размышление ночь. На рассвете мы выступаем.

В эту ночь никто не ложился. То в одном, то в другом углу хижины вспыхивали споры. Многие считали, что Канзас важнее и что там предстоит еще серьезная борьба. Но Браун нарисовал им такую картину их выступления в Виргинии, перед которой канзасская война показалась детской затеей.

И на рассвете следующего дня два фургона выехали из Тэбора: в них ехали Джон Браун и десять «студентов».

Стояла суровая зима. Четыре недели они пересекали заснеженные степи Айовы. Снег слепил им глаза, и ледяной ветер студил, казалось, самое сердце.

Ночью они останавливались среди снежной пустыни и разжигали костер. Еды было мало, приходилось экономить продукты, но молодежь не роптала: было в

ЭТОМ путешествии что-то такое, что заставляло каждого подтягиваться, пренебрегать неудобствами и крепко засыпать на снегу под колыбельную песню, пропетую волками. Каждый чувствовал себя отныне носителем великой идеи, и это поддерживало непрерывное внутреннее горение.

Уже в пути начались занятия. Оуэн Браун записывает в своем дневнике: «Горячие споры о том, как отзовется освобождение рабов на южных штатах, на северных, на торговле и промышленности, также на британских провинциях. Откуда пришла наша цивилизация? Разговор о предрассудках насчет цвета кожи. Вопрос, предложенный для обсуждения: величайший полководец — Вашингтон или Наполеон».

В этих спорах, часто наивных и неумелых, высказывалась вся их непосредственность и неискушенность. Десять юношей готовились строить новый мир и хотели постигнуть все, что может им для этого понадобиться. Они стали заметно серьезней: школа должна была сделать из них не только солдат, но вождей, организаторов и будущих политических деятелей. Ответственность тяжело легла на их плечи. Даже Лимен прекратил свои шутовские выходки.

Иногда перед сном они пели. Бархатный бас Стевенса затягивал старинный негритянский гимн — «Раб узрел Полярную звезду», и ему вторил ясный голос Брауна. Постепенно присоединялись остальные, и странно звучало посреди снегов это пение, в которое иногда врывалась протяжная дикая нота: то выли голодные степные волки.

В новогоднюю ночь разразилась метель, и путешественники еле отыскивали дорогу в Спрингдель. Это был тихий квакерский поселок, в котором Браун решил обосноваться. Под «школу» сняли ферму квакера Мэксона. Мэксон не задавал никаких вопросов: он стоял за мир,



но в то же время ненавидел рабовладение. Как и все остальные жители поселка, он думал, что Браун готовит свой отряд для Канзаса. Поэтому никто не удивлялся, когда за фермой Мэксона в определенные часы начиналась частая ружейная стрельба: «студенты» учились стрелять.

Джон Браун уводил их к холмам позади селения и там указывал на естественные укрепления. Они учились брать возвышенности и обороняться от воображаемого врага. Капитан показал им, как строятся удобные траншеи. В холодные или дождливые дни они сидели дома, изучая «Руководство» или беседуя на политические темы. Они организовали «пробное правительство» и набрасывали проекты законов для будущих свободных штатов.

Джон Браун пишет Сэнборну: «Я хотел бы достать для моих молодых людей несколько экземпляров «Плутарха», Ирвингову «Жизнь Вашингтона», лучшую биографию Наполеона и другие подобные книги, вместе с картами и статистическими таблицами штатов».

Он придумывает для учеников систему поощрения и просит, чтобы Сэнборн прислал ему пуговицы и нашивки, которые он сможет раздавать как знаки отличия.

Но проходила зима, а с ней вместе иссякал энтузиазм «студентов». Они томились и начинали скучать: им не хватало реальной борьбы. Холостые выстрелы за фермой перестали их удовлетворять. Тид и Моффет пришли к Брауну: когда же, наконец, кончится эта проклятая игра в прятки, когда они выступят?

— Терпение, Моффет, я ждал целых двадцать лет.

Но они устали ждать. У них есть ружья, и, если он не поведет их, они пойдут сами. Они уже говорили в деревне, что скоро будут перебиты все рабовладельцы. Джон Браун понимал, что если он станет откладывать выступление, они уйдут от него. Кроме того, оставался еще Фордс, который тоже был ненадежен.

Быть может, все это к лучшему. И в себе самом Браун также ощущал это беспокойное нетерпение. Руки сами тянулись к карабину. Действовать, действовать!..

Он сказал юношам, что готов вести их на Юг. Но надо, чтобы на Севере остались преданные люди, которые в случае нужды поддержат их и подготовят общественное мнение. Он должен поехать, сообщить им свой план и добиться их помощи. За это время занятия в Спрингделе должны продолжаться, как обычно. Он пришлет своим «студентам» письмо, и, когда они прочтут: «Старые шахтеры, возвращайтесь», они должны быть готовы.

## *КОНСТИТУЦИЯ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА*

Аболиционисты Севера были сбиты с толку и раздражены: Браун собрал деньги и оружие и внезапно исчез. Уполномоченный комитета в Канзасе сообщал, что капитан Браун пробыл на территории две недели, взял у него пятьсот долларов наличными, палатки, складные кровати и печи и вслед за этим выбыл в неизвестном направлении. Никто не знает, куда он отправился...

Зима проходила, а о Брауне не было никаких известий. В комитете уже начинали поговаривать, что старый джентльмен всех одурачил. И вдруг он появился так же внезапно, как исчез. В сырое февральское утро он вошел в дом Фредрика Дугласа в Рочестере. Негр Дуглас — бывший невольник, а теперь богатый торговец, радостно приветствовал посетителя. Капитан Браун, друг черного народа, был желанным гостем в его доме.

— Дуглас, пусть люди думают, что я в Канзасе, — прежде всего сказал Браун, — я буду жить здесь под именем Хоукинса. Запомните: Нельсон Хоукинс.

Он спросил о «полковнике». Дуглас рассказал, что

почти все друзья Брауна в Новой Англии получили от Фордса угрожающие письма. Браун сжал руки так, что у него побелели пальцы.

— Негодяй! Он — первый, в ком я обманулся.

Нет, он не забудет «полковника», придет час, и он припомнит ему обманутое доверие! И Дуглас увидел недобрую складку, появившуюся у Брауна между бровями.

Всю ночь напролет хозяин и гость говорили о неграх, о делах «подпольной железной дороги», об аболиционистских комитетах. Аболиционизм на Севере вырастал в крупную политическую силу. Но аболиционисты все еще придерживались умеренных взглядов, хотя уже перестали надеяться на смягчение нравов. Зато «подпольная железная дорога» переправляла в Канаду все больше беглых невольников. Дуглас с восторгом говорил о негр-итянке Харриэт Тэбмэн, которую прозвали «Черным провидением»: Харриэт переправила в свободные штаты больше тысячи беглых.

— Она обещала притти, когда вы позовете ее, капитан, — сказал он Брауну.

Дуглас вручил гостю список верных людей, готовых явиться по первому зову друга негров. Это были все бывшие невольники, бежавшие из Миссури в Канаду. Браун внимательно прочел список.

— Я должен сам увидеться с этими людьми, — сказал он Дугласу, — через несколько дней, может быть...

Он чего-то не договаривал. Негр терялся в догадках: гость был скрытен и туманно говорил о каком-то деле всей своей жизни, о том, что ему хотелось бы напоследок повидать семью, о десяти молодых вождях. Канзас, повидимому, был забыт. Быть может, предстоит массовый побег рабов из Миссури? Дуглас напряженно вглядывался в гостя, но лицо Брауна, сухое, с туго обтянутыми скулами и белой ниспадающей бородой, не выдавало мыслей. На рассвете, когда гость и хозяин рас-

ходились по своим спальням, Браун вдруг вытащил из бокового кармана сложенный вчетверо лист бумаги. «Конституция Временного правительства и законы для граждан Соединенных штатов» прочел Дуглас заглавие, выведенное путаным почерком капитана. Негр внезапно ощутил холодок страха, пробежавший по спине. Гость говорил о бегстве рабов, а это заглавие указывало на другие, более обширные замыслы. Но Дуглас тотчас же успокоил себя: старик всегда был фантазером, просто одна из его выдумок, не стоит придавать значения этой бумажке.

В следующие дни Браун писал. Планы, диаграммы, письма сторонникам в Новой Англии. Он извещал их, что выехал из Канзаса, чтобы закончить приготовления к одному чрезвычайно важному предприятию, которое их несомненно заинтересует. Это самое серьезное дело в его жизни. Но снова нужны средства. Помогут ли ему друзья? Он просит в последний раз.

Вскоре на имя Нельсона Хоукинса пришли негодующие, возмущенные ответы. Что он опять выдумал? Где он был до сих пор? Почему молчал? Что сделал с фондами, ассигнованными на борьбу в Канзасе? Кто этот негодяй Фордс и насколько можно ему доверять? Мистер Хоукинс должен немедленно приехать в Бостон, с ним необходимо объясниться.

Браун с кривой усмешкой прочитывал все письма. Он холодно отклонил приглашение в Бостон: считается, что Хоукинс находится на границе Канзаса, и было бы небезопасно для него появиться в Бостоне. В свою очередь, он приглашал всех на совещание в Питерборо, к Джерри Смиуту. Там он сообщит нечто важное для всех сторонников его дела.

18 февраля 1858 года Джерри Смит записывает в своем дневнике: «Сегодня прибыл наш старый и уважаемый друг, капитан Джон Браун из Канзаса».



"With one son dead by his side, and another dying, he felt the pulse of his dying son with one hand, and held his wife with the other."

Эпизод обороны арсенала. Джон Браун и умирающий Оливер.  
(Рисунок из книги *Редпаса*.)

Мягкий снег, последний предвесенний снег падал за окном. В большой отделанной темным дубом столовой перед пылающим камином собирались члены аболиционистского комитета: Хиггинсон, Стирнс, Сэнборн. Все — друзья Брауна, но сейчас они явились сюда, как судьи. Комитет уполномочил их потребовать у Брауна отчета. Они приготовились холодно отчитывать его, выносить ему порицание.

Но Браун опрокинул все их планы. Они ожидали, что он станет оправдываться, объясняться, и он действительно начал говорить, но первые же его слова привоздили их к месту, заставили оцепенеть от изумления и ужаса.

— Как только раздастся первый клич — подымутся все негры в стране. Ко мне придут люди из свободных штатов, бежавшие рабы явятся из Канады. Они придут ко мне на помощь из Каролины, из Георгии и Тенесси. Я захвачу на плантациях лошадей и провиант для моей армии. У меня есть оружие и боевые припасы. Мои партизаны будут прикрывать горные тропы до тех пор, пока мы не построим земляные и каменные укрепления. Я вооружу пиками каждую женщину и каждого ребенка, чтобы и они могли защищать наши крепости. В горах существуют естественные заграждения, и я постараюсь отыскать сообщающиеся между собой ущелья. Пленных белых мы будем обменивать на рабов. Я вполне подготовлен к партизанской войне, недаром я изучал войну семинолов<sup>1</sup> во Флоридских болотах и тактику негров Гаити. Я добьюсь успеха и постепенно расширю круг моих действий. Мы спустимся с гор и зайдем долины. Там мы создадим нашу свободную республику: мы будем обучать негров и строить вместе с ними новую жизнь...

Сэнборн не выдержал:

---

<sup>1</sup> Семинолы — индейцы папалахского племени — вели длительную партизанскую борьбу с белыми за свои земли во Флориде.

— Капитан Браун! Подумайте о том, что вы говорите?! Ведь это безнадежное предприятие...

Браун холодно оглядел его:

— Подождите, мистер Сэнборн, я еще не кончил.

Придвинувшись ближе к камину, он развернул сложенный вчетверо лист бумаги: «Конституция Временного правительства...» Он начал читать. Каждое его слово звучало отчетливо, весомо, и, словно под тяжестью этих слов, сидящие вокруг все глубже уходили в свои кресла, все ниже опускали головы.

«...Принимая во внимание, что рабство в Соединенных штатах есть не что иное, как варварское, ничем не обоснованное и ничем не оправданное угнетение одной части людей другой...»

Это была разработанная во всех подробностях государственная система. Затаив дыхание, четыре аболициониста слушали ясный голос Брауна. Мечта, фантазия, облакались в плоть и кровь, перед ними был документ, делавший мечту почти осязаемой! Занятые территории будут организованы согласно конституции Временного правительства. Когда борьба закончится и рабы будут повсеместно освобождены, произойдут выборы должностных лиц так, как это указано в конституции. Не пользующиеся трудом рабов могут считать себя в полной безопасности; те, кто добровольно отпускает своих рабов, находятся под особым покровительством властей. Но с врагами он беспощаден:

«Собственность лиц, замеченных в прямом или косвенном пособничестве врагу или замеченных с оружием в рядах врагов, а также всех, имеющих рабов, будет конфискована, где бы она ни находилась — в свободных или рабовладельческих штатах, — безразлично.»

Конституция предусматривала соединение семей, разлученных в рабстве, строительство школ и всеобщее бесплатное обучение.

Когда Браун кончил, наступило тягостное молчание. Никто не решался заговорить, все были подавлены, растеряны, испуганы. Впервые в жизни их «водянисто-молочные» принципы натолкнулись на подлинную силу и страсть.

Сэнборн отирал платком влажный лоб. Джерри Смит машинально играл толстой золотой цепью своих часов. Заикаясь, он пролепетал что-то о том, что он не вояка и не политик и что его уважаемый друг капитан Браун, конечно, учтет это. Это пробило брешь. Раздались крикливые восклицания, посыпались упреки, возражения. Благовоспитанные джентльмены чертыхались ничуть не меньше его молодцов в Спрингделе. Браун молча переживал, пока уляжется первое волнение. Однажды в Топеке он уже наблюдал действие своих слов. И тогда и теперь он ждал от своих слушателей помощи, уверенный, что сумеет убедить их. Он был хорошо подготовлен к этой буре и побивал все возражения. У него были с собой проекты укреплений, и теперь он показывал их четырем аболиционистам. Кампания на Юге и отступление, если оно понадобится, через Север к безопасному убежищу, — он все предвидел. Он мог предсказать даже, как будут реагировать на его восстание различные классы населения.

Его слушатели были раздавлены, разбиты по всем пунктам. Все их возражения потерпели крах. Браун затронул их тщеславие: неужели они останутся в стороне от этого дела? Когда он победит, слава достанется им, вождям аболиционизма, и человечество запишет их имена на золотых скрижалях. Тут они заколебались. Впрочем, молодой Сэнборн давно уже с восторгом смотрел на Брауна. В его глазах капитан всегда был героем. Но слишком грандиозно было задуманное им, и Сэнборн предвидел ужасный конец. Нет, капитану нельзя позволить умирать одному, без помощи друзей. Сэнборн ска-



зал об этом Смиуту. Джерри соглашался дать столько денег, сколько потребуется, но в остальном, джентльмены, он умывает руки, он не отвечает за последствия. Хиггинсон и Стирнс вполне с ним солидарны. Но Джошу Брауну только этого и нужно.

Он кладет в карман полученные чеки — тут достаточно денег, чтобы прокормить в первое время его армию. Радостный, он отправляется на станцию, а четыре бледных человека стоят у окна, провожая глазами его высокую, негибающуюся фигуру, крупно шагающую по снегу.

«Восьмого июля здесь состоится закрытый съезд верных друзей свободы, который вы приглашаетесь почтить своим присутствием».

Тридцать четыре негра и двенадцать белых в поселке Чатам (Канада) получили такие извещения. Уже две недели Джон Браун ездил в сопровождении Дугласа по негритянским поселкам Канады. Ему удалось быстро завоевать доверие большой цветной колонии. Дуглас свел капитана с знаменитой Харриэт Тэбмэн. Негритянка пристально поглядела в глаза старому человеку, о котором уже слышала, как о герое Канзасской войны.

— Мы поможем вам, когда вы позовете, — просто сказала она.

Браун организовал съезд наиболее активных негров. Он вызвал из Спрингделя своих «студентов» — они должны были помочь ему убедить негров, что дело задумано широко и всерьез.

Съезд открылся в деревянном здании школы в Чатаме. Явились все, кому были посланы приглашения. Уже несколько дней по всем негритянским колониям Канады шел слух о том, что организуется новое общество борьбы с рабством и что приехал главный руководитель этого общества.

Делегаты увидели перед собой высокого человека с густыми волосами, в которых мерцала седина, с большими жилистыми руками фермера и белой бородой патриарха.

Он очень просто и понятно рассказал своим слушателям о том, как идея освобождения негров владела им всю его долгую жизнь, как он учился военному делу, как изучал историю партизанских войн, чтобы после использовать эти знания в партизанской войне в горах Юга.

Здесь, в деревянной школе, он мог сказать больше, чем в кабинете Джерри Смита. Негры не боялись слов, и от них он ждал более действенной помощи. Он объяснил им свой план.

Первый клич подымет не только рабов Юга, но и свободных негров Севера. Рабовладельцы, которые не захотят добровольно отпустить невольников, будут взяты заложниками, чтобы обеспечить безопасность повстанцев, которые попадут в плен. Белые бедняки, несомненно, также поддержат партизан.

О, как непохоже было это собрание в Чатаме на собрание в доме Джерри Смита! Как горели глаза у черных делегатов какой восторженный гул прокатывался по школе каждый раз, когда Браун говорил о будущей свободной республике негров и белых! Он прочел им конституцию. Документ этот звучал, как торжественный гимн свободы. Конституция была принята и подписана всеми присутствующими. Съезд назначил капитана Джона Брауна командующим повстанческой армией; Каги был избран его секретарем.

11 июня съезд в Чатаме закрылся, и делегаты разъехались по домам — ждать сигнала к выступлению. Браун и Каги отправились в Филадельфию. В дороге им подали телеграмму:

«Немедленно возвращайтесь в Бостон. Фордс предал нас».

«Полковник» был в бешенстве. Старый фанатик, получив «Руководство», просто-напросто отделался от него, дал ему отставку. Фордс написал аболиционистам; они отвечали сухо или не отвечали вовсе. Стирнс прислал десять долларов — оскорбление, от которого Фордс чуть не перебил стекла у себя в комнате.

Тогда он стал угрожать. Он писал им, что знает все их тайные заговоры и сообщит о них правительству. Но и шантаж не принес никакой выгоды: аболиционисты не отвечали на угрозы. Даже робкий Джерри Смит не прислал ни цента. Фордс неистовствовал от злости. Эти белоручки, эти «либеральчики» дают тысячи долларов неграм, а он, военный, гарибальдиец, должен заниматься какой-то черной работой и помогать им в их измене! Нет, он покажет себя, он еще насолит этому старому безумцу в пасторском сюртучишке!

И Фордс отправился в Вашингтон.

Спустя несколько дней Джону Флойду, секретарю военного департамента, вручили анонимное письмо:

«Сэр, я только что получил столь важное известие, что считаю своим долгом сообщить его вам. Я обнаружил существование тайной организации, задавшейся целью освободить рабов Юга. Глава ее — старый Джон Браун, известный по Канзасу. В течение зимы он был в Канаде, вооружая и собирая там негров, которые ожидают только его слова, чтобы отправиться на Юг и помочь рабам. Один из их вождей находится уже в Мэриленде. Как только все будет готово, они явятся небольшими отрядами на сборный пункт, который намечен в горах Виргинии. Они пройдут Пенсильванию и Мэриленд и проникнут в Виргинию, в Харперс-Ферри. Браун покинул Север около трех недель тому назад; спустя несколько недель он вооружит негров и подаст им сигнал к выступлению. Поэтому, если принимать какие-нибудь меры, то надо принимать их тотчас же.

Так как я не вполне пользуюсь их доверием, то это все, что я могу вам сообщить...»

Прочитав письмо, Флойд пожал плечами. Бред ма-ниака! Кто решится поднять восстание в сердце страны?! Слишком невероятной и фантастичной казалась подобная мысль. Флойд и сам был виргинцем — надменность и самоуверенность этого «джентри» помешали ему отнестись к письму серьезно. Он только машинально запомнил названное в письме имя: Джон Браун.

Но «полковник» Фордс не удовлетворился анонимными письмами. Он появился в сенате. Там он истерически набрасывался на всех встречаемых и требовал, чтобы его выслушали. Тайный план Брауна переходил из коридора в коридор, из комнаты в комнату. Но именно благодаря тому, что его жевали и пережевывали, никто не принял всерьез сообщений Фордса. Да и сам вид «полковника» в старом сером сюртуке и нечищенных сапогах внушал мало доверия. К тому же от него шел запах виски. Люди брезгливо морщились или смеялись, когда он хриплым шопотом, с видом театрального заговорщика, сообщал им о тайных намерениях аболиционистов.

Однако настойчивость Фордса могла, в конце концов, преодолеть недоверие сенаторов, и тогда величайший провал ожидал бы не только Джона Брауна и его план, но и все аболиционистские комитеты на Севере. Президент Бьюкенен, ставленник южан, разумеется, охотно использовал бы этот заговор, как удобный предлог для того, чтобы разгромить ненавистных аболиционистов. Поэтому друзья поспешили написать бостонскому комитету, что необходимо уговорить старого Брауна, умерить его пыл.

«Пишу, дабы предупредить вас, что необходимо как можно скорее отобрать у Джона Брауна оружие. Если оно будет употреблено не только для защиты в Канзасе, как утверждают слухи, это может сильно

повредить людям, которые окажутся замешанными в этом безрассудном деле. Отнимите у него оружие и следите за ним».

Это письмо Уильсона, сенатора от Массачузетса, вызвало среди бостонских аболиционистов настоящую бурю. Где он, этот безумец Браун, по каким дорогам бродит его неугомонный дух? Кого соблазняет он своими неистовыми речами? Вызвать его в Бостон! Немедленно, раз и навсегда покончить с его чудовищными затеями, которые могут погубить всех.

Когда Браун приехал, его встретили ледяной холодностью. Довольно безумств, довольно партизанщины — он всех их доведет до виселицы! Деньги и оружие даны ему для Канзаса, так пусть он и едет в Канзас, а не мечется по всей стране, вызывая всеобщие толки.

Браун пытается их урезонить: дело уже сделано, негры подготовлены, остается только подать знак... Нет, нет, пусть он не тратит слов, они не желают слышать никаких подробностей. Быть может, когда-нибудь потом, впоследствии, через несколько лет, когда улягутся подозрения...

— Через несколько лет?! — восклицает он страстно. — Но ведь я стар, я не могу ждать несколько лет, мои силы слабеют!..

Но они не внимают его доводам. Они твердят свое:

— Довольно безрассудств, капитан Браун, ваше место в Канзасе, там вы найдете достойное применение вашей энергии, там мы охотно поддержим вас.

Браун чувствует, что почва ускользает из-под его ног. Негры будут думать, что он струсил и отступил в последний момент. Мысль, что он обманул их доверие, не дает ему покоя.

Браун снова едет в Канзас. Но перед этим он вызывает из Спрингделя четырех своих «вождей» — Стевен-

са, Каги, Тида и Кука. Эти четверо — самые своенравные, им нужно дать дело, иначе они начнут действовать сами, за свой страх и риск. Во что бы то ни стало нужно удержать их, заставить повременить еще немного.

Он посылает Кука в Виргинию. Там, возле городка Харперс-Ферри, соединяющего два штата — Виргинию и Мэриленд, должен обосноваться Кук, завязать связи с «полевыми» неграми на плантациях, выяснить их настроение. Попутно Кук узнает, сколько в городе милиции, какое оружие имеется у местных жителей и кто из помещичьей аристократии пользуется наибольшим влиянием. Чтобы не возбуждать подозрений, Кук может устроиться куда-нибудь на работу.

Так был отправлен первый лазутчик в город, которому через год суждено было сыграть такую трагическую роль в судьбе Джона Брауна.

Нет, Браун не сдался, и если бостонские аболиционисты думали, что он навсегда бросил свои «безумные затеи», они глубоко ошибались. Никогда еще Джон Браун не стремился к своей цели так настойчиво, никогда еще не верил так сильно в свое назначение на земле.

Препятствия только закаляли его. Он едет в Канзас, он согласен на эту уступку, но только на самый короткий срок. С собой он берет трех «студентов» спрингдельской школы. Быть может, в Канзасе опять встретится надобность в хороших стрелках, и его юноши еще раз пройдут военную практику.

Ожидания не обманули Брауна. В момент его прибытия весь Канзас был снова охвачен волнением. Монгомери, уполномоченный сторонников свободного штата, выслал из пределов Канзаса рабовладельца Гамильтона. Гамильтон подчинился, но, дождавшись отъезда Монгомери, вернулся с большим отрядом «сынов Юга» и застрелил одиннадцать приверженцев свободы. Это было сигналом к возобновлению старой вражды 1855—1856 го-

дов. Снова запылали поселки, загрели выстрелы, снова каждое столкновение рабовладельцев с аболиционистами кончалось поножовщиной...

И в этот озлобленный, ополумевший от бесчинств и крови мир прибыл Джон Браун со своими молодыми бойцами.

Разумеется, они не могли оставаться спокойными свидетелями.

Но теперь Браун стал осторожнее. Если жизнь ему дорога, он не может выступать в Канзасе под своим собственным именем. Он называет себя Шубелем Морганом и дает знать Монгомери, что собирается ему помочь. Три «студента» не теряют времени даром: в Канзасе у них много старых друзей, и они приводят своему капитану по десятку добровольных рекрутов. Шубель Морган тайно формирует небольшой отряд.

Между тем Монгомери совершил налет на верховный суд в Форт-Скотт и развеял по ветру все дела о сторонниках свободных штатов. Спустя неделю дом Монгомери был весь продырявлен пулями «сынов Юга». На помощь прибыл «капитан Шубель». Люди его укрепили хижину по соседству с домом Монгомери и засели там в ожидании незваных гостей. «Сыны Юга» не замедлили явиться. Из хижины их угостили таким метким огнем, что они поспешили убраться. В отместку «сыны Юга» спалили по дороге поселок сторонников свободных штатов.

Верховный суд заочно осудил Монгомери и приговорил к тюремному заключению. В то же время рабовладельцы оставались безнаказанными. Это была явная несправедливость, и Джон Браун не мог с этим примириться. Он до сих пор не сумел привыкнуть к тому, что большинство судей и высших чиновников в его стране являлись ставленниками рабовладельцев и всегда решали дела в их пользу. Он готов был стрелять, жечь,

уничтожать всё на своем пути, лишь бы покончить с наглой кривдой.

Вместе с Монгомери Джон Браун атаковал Форт-Скотт и выпустил из тюрьмы всех заключенных там аболиционистов. Но это казалось ему еще недостаточной оплатой за несправедливость.

В конце зимы владельцы негров из миссурийских поселений перевели своих невольников в Техас и Арканзас. Черных рабов днем и ночью сторожила усиленная охрана.

20 декабря 1858 года Браун разделил своих людей на два отряда. С ним оставались Каги, Тид и другие; вторым отрядом командовал Стевенс. Ночью оба отряда переправились через Миссури и подошли к плантации богатого рабовладельца Хиклэна. Джон Браун с поднятым револьвером вошел в дом и потребовал выдачи всех невольников.

— Кто вы такой? — спросил его дрожащий плантатор и вдруг, взглядевшись хорошенько, замахал руками. — Я знаю, вы — старый Браун из Осоатоми.

Из дома Хиклэна Браун вышел в сопровождении целой толпы радостно взволнованных, боящихся поверить в свое счастье негров. То же самое повторилось на соседнем участке, в доме рабовладельца Ларю. Кроме невольников, люди Брауна забрали у Ларю еще большой фургон и в него посадили всех негров. Не было пролито ни одной капли крови.

Отряду Стевенса, который отправился на другие участки, не так повезло в этом отношении. Первый же плантатор, к которому вошел со своими людьми Стевенс, оказал сопротивление. Он начал стрелять в вошедших и грозил, что перестреляет всех своих рабов, лишь бы не отдавать их аболиционистам. В виде доказательства он застрелил молоденькую негрятянку, которая прибежала на шум. Это так взорвало Стевенса, что он ударил



рабовладельца прикладом ружья по голове и убил его.

Той же ночью оба отряда возвратились в Канзас и встретились в доме Монгомери.

Трофеем этого похода были сорок освобожденных от неволи негров, измученных работой, истощенных от недоедания. Среди них было несколько женщин, в том числе молоденькая Салли, которая должна была на-днях родить. Негры еще не пришли в себя от неожиданности, еще боялись верить в свое спасение, но отныне высокий человек с белоснежной бородой, мог неограниченно властвовать над их жизнями, они беспрекословно последуют за ним всюду, куда бы он их ни повел.

Оставлять негров на спорной территории было опасно, их нужно было как можно скорее переправить в свободные штаты и дальше — в Канаду. Кроме того, Брауну нужно было подумать о собственной безопасности. Еще ни один белый в Америке не отваживался силой отнимать рабов у их владельцев. Он первый, и ему этого не простят.

На рассвете Браун и Тид запрягли в фургон быков Монгомери и зарядили ружья. Было очень холодно, голая прерия и серое небо казались бесконечными. Внутри фургона жались друг к другу озябшие негры. Их спаситель шагал рядом с быками, и негры слышали его голос, уговаривавший быков поторопиться.

Браун почувствовал вдруг, что он очень устал. Дни и ночи, наполненные тревогой, стрельбой, неожиданными атаками, — в его возрасте это было тяжело. Ему шел пятьдесят девятый год, рваные сапоги и старая куртка совсем не грели его. Серое небо и холод наводили тоску, ему и неграм казалось, что они затеряны в огромном, бесприютном мире и никто не хочет им помочь. С трудом добрались они до Лоуренса и передохнули в доме аболициониста, майора Аббот.

Отсюда их путь лежал на Топеку, где им должны

были помочь местные аболиционисты. Но в дороге пришлось остановиться: из фургона раздавались громкие вопли. Салли рожала, и мужчинам пришлось уйти подальше в прерию, чтобы не мешать женщинам, хлопотавшим возле роженицы. Когда крики стихли и они вернулись, Брауна позвали в фургон. Там в углу, на связке соломы, лежала молодая негритянка и рядом с ней маленькое, сморщенное существо.

Джон Браун погладил Салли по голове; она с жаром схватила и поцеловала его руку.

— Он родился уже свободным, — сказала она, осторожно притрагиваясь к младенцу, — и я назову его в вашу честь Джоном Брауном.

Слух о новом выступлении Брауна дошел до властей. Губернатор Канзаса отдал полковнику Семнеру приказ во что бы то ни стало задержать беглецов. Он телеграфировал президенту Бьюкенену, и возмущенный президент приказал объявить о награде за поимку похитителя рабов — Джона Брауна Осоатомского.

Как нарочно, Спринг-Крик, протекающая недалеко от Топеки, разлилась и преградила беглецам путь. Браун послал Тида в Топеку за помощью, а сам остался ждать у реки. В это время на другом берегу появился конный полицейский отряд, посланный перехватить Брауна на пути. Полицейских было человек восемьдесят. Они рассыпались по берегу и ожидали, чтобы добыча сама пошла к ним в руки.

Негры обратили посеревшие лица к Брауну:

— Что вы думаете делать, капитан?

— Перейти реку и двигаться на север, — невозмутимо отвечал Браун.

Негры сразу повеселели — они беспредельно верили этому человеку.



Джон Каги и А. Стевенс.



Оливер и Ватсон Брауны.

Быстро вооружив негров, Браун построил их двойной цепью перед фургоном. Первой цепи он приказал идти в воду и попытаться перейти реку вброд. К счастью, Спринг-Крик оказалась довольно мелкой; негры быстро очутились на другом берегу и с яростью набросились на полицейских.

Командир отряда никак не ожидал, что его атакуют. Кроме того, неграми командовал Джон Браун, а это имя со времен войны в Канзасе было овеяно грозной славой. Командир прищепил свою лошадь и поскакал прочь; за ним бросились и остальные полицейские. Люди Брауна преследовали их. Так окончилось это бескровное сражение, которое потом в Канзасе насмешливо называли «битвой шпор».

В Топеку Браун вступил, как триумфатор. Фургон с неграми проехал по свободной земле Айовы, остановился на короткое время в Тэборе и в Спрингделе, где Браун успел сообщить своим «студентам», что ждать осталось недолго, и, наконец, капитан посадил своих черных друзей на поезд, идущий в Чикаго. Оттуда аболиционистский комитет должен был переправить освобожденных негров в Канаду.

По всем штатам были расклеены объявления с описаниями примет Джона Брауна: большой рост, нависающие брови, светлые глаза. Но в приметах не была указана борода, потому что все в Канзасе помнили Брауна с бритым подбородком. И несмотря на то, что президент Бьюкенен обещал двести пятьдесят долларов, а губернатор Миссури три тысячи долларов за поимку Брауна, он неузнанным разгуливал по улицам Новой Англии и даже выступал на собраниях.

Браун снова вездесущ и неутомим. Он снова хлопочет, добивается денег, оружия, внимания. Он рассказывает о негрityнке Салли, он всем твердит о несчастных, обездоленных неграх. Наконец, он появляется в Колинсвилле, в

кузнице Блэйра. Готовы ли наконечники для пик, которые он заказывал?

— На что они вам теперь, когда все в Канзасе кончилось? — удивляется Блэйр, но все-таки достает из сарая давно готовые пики. Это — смертельное оружие шестифутовой длины, острое, как бритва, и легкое, как тростник: даже ребенок может держать его. Браун любит его, как знаток. Это как раз то, что ему нужно. Он просит кузнеца:

— Запакуйте их в ящики и отправьте на имя Исаака Смита в Чемберсбург, Виргиния.

### *«МАТЬ ШТАТОВ»*

Должно быть, первые поселенцы в Виргинии сложили эту старую песню:

Виргиния—счастливый штат,  
Здесь поселиться каждый рад,  
Здесь всюду реки и леса  
И голубые небеса...

В те блаженные времена Виргиния действительно была эдемом для тех, кто прибыл сюда из Тощих Земель. Прутик, воткнутый в виргинскую землю, расцветал. В лесах росли самые ценные породы деревьев: красное, ореховое, гиккори, камедное дерево. Множество дичи водилось в чащах. Скот тучнел на горных пастбищах, и от душистой «синей» травы молоко коров пахло цветами. По изумрудным долинам рек росли пшеница, кукуруза, табак, фруктовые деревья.

Табак был главным богатством штата. Осенью его снимали и сушили на солнце. Огромными тюками он шел в портовые города, а оттуда расходился по всему миру.

Виргиния, основанная в 1607 году группой переселен-

цев из Англии, была старейшей колонией, в которой пустила корни английская помещичья аристократия и бежавшие из Франции дворяне-гугеноты.

Когда в Англии началась революция, знатные дворяне, захватив свои ценности, бежали к родным и друзьям в Виргинию, приобретали там земли и оседали навсегда. При этом не последнюю роль играла надежда обогатиться на табачных плантациях, обрабатываемых черными невольниками. Некоторые помещики в Виргинии имели до тысячи негров. Нечего и говорить поэтому, как кровно они были заинтересованы в сохранении рабства.

Здесь почти не было ни крестьянства, ни буржуазии. Огромные, до пяти тысяч акров, плантации принадлежали отдельным помещикам.

Негры составляли одну треть населения Виргинии. Закон этого штата гласил, что «все черные, которые уже живут или будут жить в области (кроме освобожденных), со всем своим нынешним и будущим потомством признаются рабами и останутся таковыми навеки; они будут подлежать захвату, передаче и присуждению в качестве движимого имущества по самой природе своей». Господин не может освободить рабов. Раб-негр не имеет права наниматься, брать в аренду плантацию, держать скот или торговать за свой счет. Он не подлежит обучению грамоте; он должен носить только грубое платье.

В Виргинии господин мог освободить раба лишь за исключительные услуги, с согласия губернатора и совета. Смерть раба после побоев или во время самого наказания не считалась убийством, если не находилось свидетелей, что раб убит сознательно и злонамеренно. Но в виду общности интересов плантаторов такого свидетеля нельзя было найти. Жестокость в обращении с рабами умерялась только тем, что они были дороги и жизнь их надо было беречь в интересах хозяина. Освобожденные негры оставались в особом, худшем положении и вызы-

вали враждебное к себе отношение, как низшая раса. Браки между белыми и черными воспрещались и рассматривались, как нечто постыдное. В штате было много детей белых от рабынь, но закон требовал, чтобы они «следовали положению матери».

Несмотря на эти законы, Виргиния — старейший штат — считалась культурнейшей колонией Америки. Ее называли «Матерью штатов» или «Матерью президентов».

Из среды граждан Виргинии был избран первый президент Соединенных штатов Георг Вашингтон, отсюда же вышли Джефферсон творец панамериканской доктрины «Америка для американцев». Монроэ, проводивший эту доктрину и Мэдиссон. Многих прославленных государственных людей дала Виргиния в законодательные учреждения Соединенных штатов.

Но в начале прошлого столетия, с изобретением хлопкоочистительной машины, значение «Матери штатов» начало постепенно снижаться. Становилось более выгодным вкладывать деньги уже не в табачные, а в хлопковые плантации других южных штатов. Кроме того, разведение табака истощило многие плантации, их пришлось бросить, и в Виргинии появились целые поля, заросшие сорняками и колючим кустарником.

«Ценность земли и зданий в Виргинии определяется рабским трудом, — писал Томас Дью. — Если выкинуть из этого штата все рабское население, то можно без преувеличения сказать, что за истощенную почву Виргинии нельзя будет выручить даже тех смехотворных цен, которые платят за правительственные земельные участки на Западе, и тогда старая колония превратится в огромную жуткую пустыню».

Диккенс, путешествовавший в 1842 году по Виргинии, считал, что обеднение «Матери президентов» явилось следствием системы рабства.



«В этом штате, — писал он, — как и во всех других, где существует рабство (я часто слышал это даже от его защитников), видны истощение и упадок, неразлучные с этой системой. Житницы и кладовые разваливаются, сараи наполовину без крыш, хижины до последней степени гадки и грязны. Жалкие станции железной дороги, огромные дровяные дворы, где поезда запасаются топливом, негритянские ребята, валяющиеся перед лачугами вместе с собаками, рабочие, похожие на двуногих животных, сгибающиеся под тяжестью труда, — на всем лежит печать уныния и скорби.

В нашем поезде, в вагоне для негров, находилась только что купленная мать с детьми: муж ее остался у прежних владельцев. Дети плакали всю дорогу, а мать была воплощенным изображением горя. Поборник жизни, свободы и счастья, купивший их, ехал в том же поезде и каждый раз, как мы останавливались, ходил проверять, цела ли его покупка».

Но ко времени появления в Виргинии седобородого человека по имени Исаак Смит, то-есть в 1859 году, «Мать штатов» нашла новый источник обогащения. Виргиния начала поставлять негров на хлопковые плантации Юга. Все виргинские помещики занялись «разведением» негров. Новая отрасль хозяйства оказалась значительно выгоднее разведения скота или птицы. Негра, хорошего производителя, ценили на вес золота. Дети негров являлись выгоднейшим помещением капитала. Но и скот и птицу при правильном ведении хозяйства ставят в хорошие условия, о них заботятся, их вдоволь кормят. Негры же должны были работать от зари до поздней ночи на полях, питаясь полусырыми маисовыми лепешками и живя в тростниковых конурах. Плантаторы проклинали негритянок, которые рожали хилых, недоразвитых детей.

Джон Браун недаром выбрал именно Виргинию для

своего выступления. В этом штате человеческое достоинство негров попиралось сильнее, чем где бы то ни было в Америке.

«Угольный банк открылся. Старые шахтеры, возвращайтесь».

Короткие записки приходили в Бостон и Канаду, к друзьям в Северную Эльбу и Нью-Йорк. Эти, казалось бы, незначительные слова вызывали в людях сильнейшее волнение. Прочитав записку в своем покойном кабинете в Питерборо, Джерри Смит отер платком выступивший на лбу пот. Ему захотелось, как в детстве во время грозы, спрятаться под одеяло и там ждать, пока пройдет вся эта громовая кутерьма.

Было начало июля 1859 года. «Старый шахтер» в сопровождении своих сыновей и негра Андерсона неутомимо шагал по белым от зноя дорогам Виргинии и Мэриленда. У него были крепкие и легкие ноги пастуха, он без труда взбирался по крутым, каменистым тропинкам на горы, и спутники его, запыхавшиеся, вспотевшие, еле поспевали за этим почти шестидесятилетним человеком. В кармане у Брауна лежала карта местности, истертая по краям, знакомая до мельчайших черточек. Карандашом он отмечал те горы и ущелья, которые казались ему наиболее удобными для обороны и нападения. Он напоминал своим спутникам страницы из «Жизни Веллингтона», где рассказывается, что тридцать человек смогли в узком ущелье задержать целую армию.

Иногда, забравшись в какую-нибудь зеленую щель в горах, он давал им наглядный урок. Кругом было тихо, никто не мешал им. Вспугнутая белка стремительно взбиралась на дерево. Черный дрозд вылетал из-под самых ног. Вьюнки опутывали стволы чинар и каштанов. Из земли торчали похожие на кинжалы кипарисовые отрост-

ки, те самые, из которых виргинские негры делают ульи для пчел. Пахло медом и сыроватой землей.

— Здесь каждая гора, каждое ущелье — естественная крепость,—говорил Браун сыновьям и Андерсону.— Это место как будто специально предназначено для партизанской войны.

Никто не интересовался странной группой, появившейся в окрестностях Харперс-Ферри. Дороги были пустынные: все люди работали на полях.

Только однажды их окликнул человек, ехавший в двуколке:

— Эй, почтенные, чего вы здесь ищете! Золота или серебра?

Браун подошел к двуколке и разговорился с фермером, которого звали Ансельд. Нет, они не ищут золота, они осматривают участки; хотят арендовать ферму и осесть здесь. Земля тут родит, как крольчиха, не то, что у них, в Нью-Йорке. Он назвал себя — Исаак Смит, с двумя сыновьями и... — тут он взглянул на Андерсона — нашим черным другом.

Фермер поднял было брови, но рассудил, что у янки свои порядки, и на этом успокоился. Если мистер Смит ищет участок, он может указать ему недорогую ферму, неподалеку отсюда. Вдова доктора Кеннеди отдает в аренду небольшой дом и фруктовый сад на берегу реки. Большой выгон, заливной луг, службы, — словом, все, что полагается. Ансельд внимательно приглядывался к новому знакомому, седобородому высокому старику с властным лбом и густыми, нависающими бровями. Положительно, этот янки нравился ему, он хотел бы иметь его своим соседом. Мистер Смит в тот же день зашел к фермеру, но распить стаканчик отказался. Зато его юноши с наслаждением проглотили холодный мент-джалеп — местную травяную настойку.

Бревенчатые постройки Кеннеди-Фарм были располо-

жены в стороне от дороги, в пяти милях от Харперс-Ферри. В доме была большая кухня, две спальни, кладовая и чердак. Спустя несколько дней мистер Исаак Смит показал Ансельду подписанный контракт: теперь он был арендатором фермы Кеннеди. Он сказал фермеру, что собирается выписать с Востока жену и дочь.

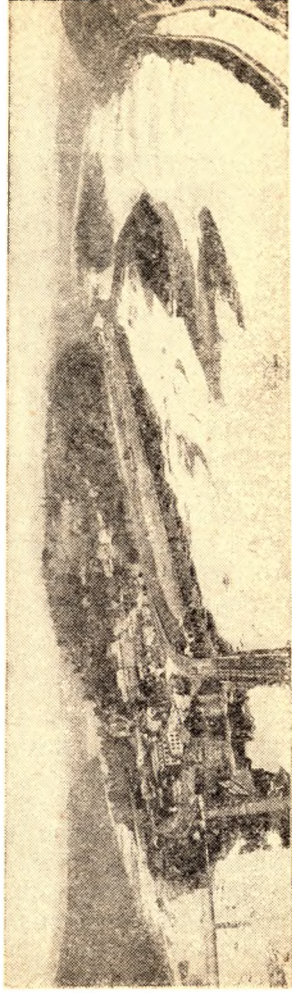
Браун и в самом деле намеревался это сделать. Присутствие женщины в доме отводило всякие подозрения, придавало всей обстановке хозяйственный, интимный характер. Надо было во что бы то ни стало соблюдать конспирацию. На Восток ползли неясные слухи о готовящемся восстании. Предательство Фордса, правда, не имело последствий, никто не поверил его доносу, но повторение таких писем могло показаться подозрительным, и в Вашингтоне наверное занялись бы делом, в котором так упорно упоминался Браун Осоатомский. К тому же люди начали уже съезжаться.

Из Бостона приехали Каги и Стевенс, из Спрингфильда прибыли два брата Коппок, мулат Копленд явился из Огайо... В доме становилось тесно, к ночи приходилось стелить матрацы прямо на пол, постелей нехватало.

Браун написал жене. Но Мэри не могла приехать — младшая девочка была больна лихорадкой и требовала ухода. Взамен себя она послала дочь Энни и жену Оуэна — веселую, пышногрудую Марту, отличную стряпуху и песельницу.

Браун обрадовался Энни; эту дочь он любил больше других. Высокая, как отец, сухошавая и сероглазая, она неслышно двигалась по дому, говорила мало, и только если было нужно, а винтовки укладывала в ящики так же спокойно и безмолвно, как уложила бы белье.

Женщины сразу поделили обязанности. Марта хлопотала в доме и на кухне, Энни с шитьем или вязаньем сидела на крыльце. Это был ее пост — не менее важный, чем пост любого часового. Ее обязанностью было



Вид Харперс-Ферри с Мэрилендских высот. Слева мост, по которому Браун  
вошел в город.

*(Позднейшая фотография.)*

отвлекать внимание соседей, отражать поток любопытных вопросов. Женщина, сидящая у порога с вязаньем, — разве это не лучший символ мирной жизни жилища и домовитых привычек его обитателей?

Но в этих местах не часто селились новые люди. Поэтому янки, обосновавшиеся в Кеннеди-Фарм, вызывали общее любопытство. Женщины забегали к Энни поболтать, соседка, которая раньше арендовала фруктовый сад фермы, приходила попробовать ранние яблоки да кстати поглядеть на хозяйство Смитов. Пока она стояла, босая, среди бобовых и салатных грядок, ее язык работал не умолкая: она ухитрялась задать столько вопросов, что Энни едва успевала отвечать. Да, мать скоро приедет, в прошлую пятницу они получили от нее письмо. Мужчины ушли на работу, отцу кажется, что здесь есть каменный уголь, может быть, они попробуют заложить шахту. А длинные ящики, которые брат привез вчера из Чемберсбурга, — это разные вещи матери; мать не хочет, чтобы их распаковывали без нее.

Однажды острые глаза соседки разглядели в кухне черное лицо незнакомого негра.

— Вот как! У вас завелись невольники?! У кого же вы их купили?

Энни впервые не знала, что ответить. За юбку неугомонной соседки цеплялось двое чумазных малышей. Она быстро перевела разговор на детей и на детские болезни, но с этого дня негры спускались вниз только при наступлении темноты. Остальное время они скрывались на чердаке.

Молодежи на ферме Кеннеди казалось, что все они — чрезвычайно искусные конспираторы и что если вместо имени своего вождя они поставят в письме «старый шахтер», а себя назовут «шахтерами», то ни одна полиция в мире не поймет, в чем дело. Негр Андерсон написал брату в Айову: «Наша компания шахтеров состоит

из двадцати пяти — тридцати человек. Мы должны выиграть во что бы то ни стало. Если ты услышишь о провале, знай, что это будет после отчаянной борьбы и потери капитала с обеих сторон. Но об этом думают меньше всего. Все нам благоприятствует, и победа реет над нашим знаменем».

Письмо Лимена еще прозрачнее: «Сейчас я нахожусь, ма, в рабовладельческом штате, но до моего ухода отсюда он станет свободным. Да, ма, я вступил с рабством в такую борьбу, какой еще не видывала Америка. Чтобы ты поняла мое столь долгое отсутствие, скажу тебе, что вот уже три года я принадлежу к тайной организации храбрейших людей, которые спускают курок с единственной целью — прикончить рабство».

Узнав об этих письмах, Браун пришел в настоящее бешенство. Люди ни разу не видели своего капитана в таком гневе.

— Лучше нам уж сразу дать объявление в «Нью-Йорк Геральд» о том, что мы собираемся поднять негров Юга и свергнуть рабовладельческое правительство, — загремел он, негодуя глядя на виноватых.

С этих пор письма из Кеннеди-Фарм говорили только о домашних или семейных новостях.

Дни летели быстро. Почти каждый вечер являлся Кук — докладывать капитану о настроениях виргинских негров. Он прибыл в Виргинию на полгода раньше других, нанялся шлюзовым сторожем на канал вблизи Харперс-Ферри и завязал знакомства среди невольников. Джон Браун знал, что с «полевыми» неграми, работающими в тяжелых условиях на плантациях, он быстро найдет общий язык и сумеет убедить их в необходимости восстания. Среди здешних негров еще живы были воспоминания о восстаниях Весэя и Тернера.

Но Кук не слишком удачно справлялся с работой агитатора. Он был тяжелодум, кроме того, боялся выдать капитана. Поэтому негры думали, что речь идет о каком-то спасении всего черного народа в далеком будущем. Некий белый капитан, неустрашимый и справедливый, должен притти и освободить их. И они ждали этого освободителя, думая о нем, как о чуде, и не подозревая о том, что это «чудо» вооружено винтовками последней системы и находится уже у порога.

Кук, однако, был убежден, что негры им хорошо подготовлены и в любой момент, по первому зову капитана, придут с оружием в руках завоевать свою свободу. Так он и докладывал Брауну.

Джон-младший уехал в Бостон и Рочестер собирать добровольцев. В Бостоне и канадских поселках свободные негры ждали сигнала. В сентябре Фредрик Дуглас получил письмо из Филадельфии от своих черных братьев. Негры предлагали организовать несколько отрядов и поручали Дугласу вести их в Виргинию. Но бывший раб Дуглас успел уже позабыть о днях рабства. Теперь это был богатый, преуспевающий торговец. Он готов был пожертвовать сотню-другую долларов на нужды негров, но самому итти под пули ему совсем не улыбалось.

Где находится в настоящее время Браун Осотомский, он не знал, так же как не знал и никто из аболиционистов. Деньги и оружие шли на имя Исаака Смита в Чемберсбург. В середине сентября туда же направился и Дуглас, захватив с собой беглого негра Шильдса Грина, которого за сходство с знаменитым корсиканцем звали «Наполеоном». Грин непременно хотел увидеть «старого Брауна, защитника всех негров».

Дуглас же ехал потому, что комитет поручил ему снова поговорить с Брауном о его планах и попытаться убедить его действовать мирным путем.

В Чемберсбурге, у негра-цырюльника, который был



агентом «подпольной железной дороги», он узнал, где найти Исаака Смита. Вечером они сидели вчетвером — Браун, Дуглас, «Наполеон» и Каги — перед потухшим очагом в большой закопченной кухне Кеннеди-Фарм.

В кухне пахло рыбой, соленой свиной и хлебом. Широкие дубовые балки, лоснящиеся от времени, подпирали потолок. К балкам были подвешены связки лука и сухой кукурузы, ведра, безмен и большой медный таз, начищенный до блеска. Выделанные телячьи кожи лежали перед очагом, заменяя ковер. Возле очага были аккуратно сложены кочерга, щипцы для углей, несколько хватов и меха для раздувания огня. В широкое, с частым переплетом окно видны были большое незасеянное поле и белесый туман, поднимающийся как будто над рекой.

— Харперс-Ферри соединяет два штата: Виргинию и Мэриленд, — говорил Браун. — В Харперс-Ферри находится арсенал, в котором столько оружия, что его хватит на целую армию. Мы должны захватить арсенал и увезти оружие и боевые припасы в Мэрилендские горы. За эти месяцы мы облазили здесь все скалы, все ущелья. Я знаю одно надежное местечко, где может расположиться хоть целый полк. Туда я провожу весь наш отряд. Временно мы укрепимся в горах и там создадим первую свободную республику негров и белых. Там будет центр восстания. Из всех штатов к нам будут стекаться негры, мы сможем захватывать плантацию за плантацией. И лет через пять наша свободная республика объединит всех черных и белых сторонников свободы. И рабство в Америке будет уничтожено навсегда.

Черный «Наполеон», не отрываясь, глядел восторженными глазами на капитана. Вот долгожданный, желанный вождь и освободитель! Это он пришел на смену Весю и Тернеру, это он призван и назначен судьбой дать черному народу свободу.

Дуглас слушал, точно во сне. Впервые он понял, с каким огнем пытались играть аболиционисты, какую силу таит в себе этот седобородый человек с холодными глазами.

Он не догадывался, что планы Брауна были еще обширнее, что капитан не все сказал ему.

О горах он говорил тем, кого не хотел запугать окончательно. Но и сказанного было достаточно для Дугласа. Он сидел пришибленный, маленький, жалкий.

Каги насмешливо наблюдал его смятение: конечно, Дуглас постарается откупиться деньгами.

Так оно и вышло. Бывший раб, а теперь богатый торговец предложил вложить некоторую сумму в «предприятие». Сам же он не может здесь оставаться. Дела «подпольной железной дороги», митинги, корреспонденция — все это требует его присутствия в Бостоне. Он незаметно обратился к «Наполеону».

— Шильдс, капитан, оказывается, сильно изменил свои планы. Повидимому, здесь будут сражаться по-настоящему. Если хотите, можете вернуться со мной.

«Наполеон» хрипло засмеялся.

— Спасибо. Кажется, я все-таки пойду со стариком, — сказал он нарочито громко.

## *ПОСЛЕДНИЙ ВЕЧЕР*

«Я думаю о тебе весь день и мечтаю всю ночь, я бы хотел быть дома и всегда оставаться с тобой. Но меня привело сюда желание сделать что-нибудь для других, а не только жить для собственного благополучия. Сейчас с нами только четверо черных; у одного из них жена и семеро детей находятся в рабстве. Иногда, когда я чувствую себя не в силах жертвовать собой, я ставлю себя на его место. О, Бэлл, я так хотел бы повидать

тебя и маленького, но я должен ждать! Здесь поблизости жил невольник, жену которого недавно продали на Юг: на следующее утро его нашли повесившимся во фруктовом саду Томаса Кеннеди. Я не могу вернуться домой, пока здесь происходят такие вещи. Иногда мне кажется, что мы больше не увидимся. Если это случится, у тебя есть для чего жить — быть матерью нашему маленькому Фреду. Сейчас он для меня не совсем реален. Мы уходим отсюда сегодня или завтра...»

Письмо было написано, повидимому, второпях. Буквы шли вразброд и у края страницы становились совсем неразборчивыми. Но маленькая Бэлл, жена Ватсона Брауна, все же сумела прочесть то, что писал ее муж, и даже то, чего он намеренно не писал. Она прочла между строк, что там, в далекой Кеннеди-Фарм, все истомилось от ожидания, что Ватсон далеко не уверен в успехе и что, может быть, это последний его привет.

Но женщины дома Браун привыкли ждать, не жалуясь и не болтая. И маленькая Бэлл в Северной Эльбе ничего не сказала своим домашним. В день, когда пришло письмо, она только больше обычного возилась со своим сынишкой и, глядя его белую головенку, думала, что, может быть, теперь он уже сирота.

Негр, о котором говорилось в письме Ватсона, повесился накануне ночью, и все невольники в окрестностях были взбудоражены. Браун считал, что необходимо воспользоваться этим происшествием, чтобы начать восстановление.

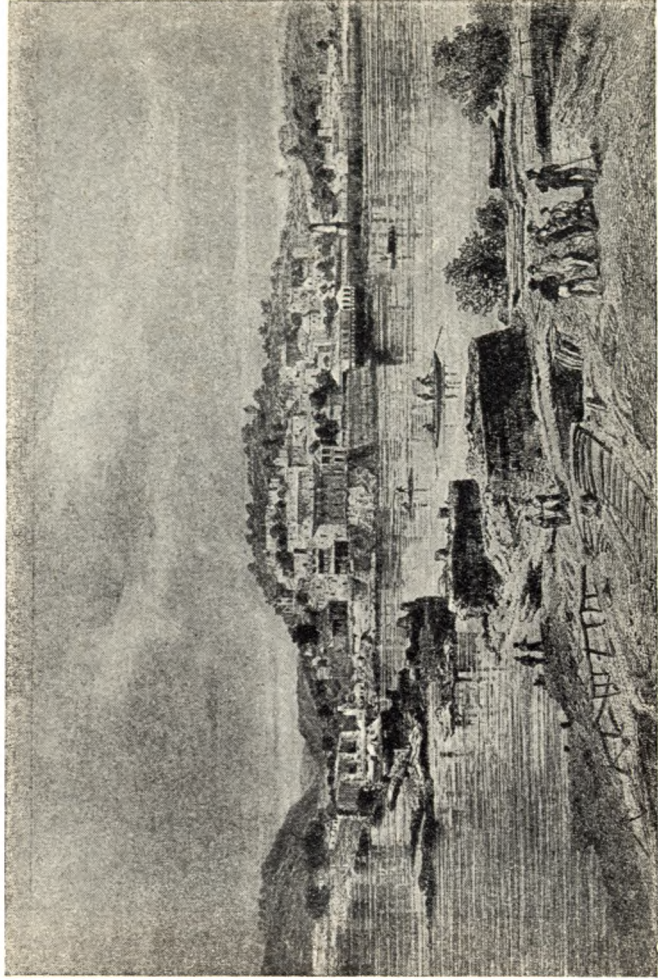
Стояла уже поздняя осень. Заговорщики в Кеннеди-Фарм начинали ощущать растущую вокруг них подозрительность. Мельник с Большой запруды приходил осведомляться, намерены ли они засеять восточное поле. Соседки обижались на необщительность Энни. В Чемберсбурге были вывешены объявления о награде за поимку беглого негра Шильдса Грина, по прозвищу «Наполеон».

Грин, Лири, Андерсон и другие безвыходно сидели на чердаке.

Браун продолжал безустали бродить по окрестностям Ферри. Он осунулся, у него теперь был ищущий, беспокойный взгляд. Беспрестанно наведывался он в мочтовую контору. Капитан ждал подкрепления — людей и денег. Наконец, пришло письмо от Джона Брауна-младшего — унылое, полное неопределенных надежд. Аболиционисты не решались перейти от слов к делу. Их удерживал страх. Люди придут, как только победа осенит знамя брауновцев. Они явятся, едва слышат ликующий зов свободы. Пока же ему не удалось организовать отряда, и он один возвратится через несколько дней в Кеннеди-Фарм.

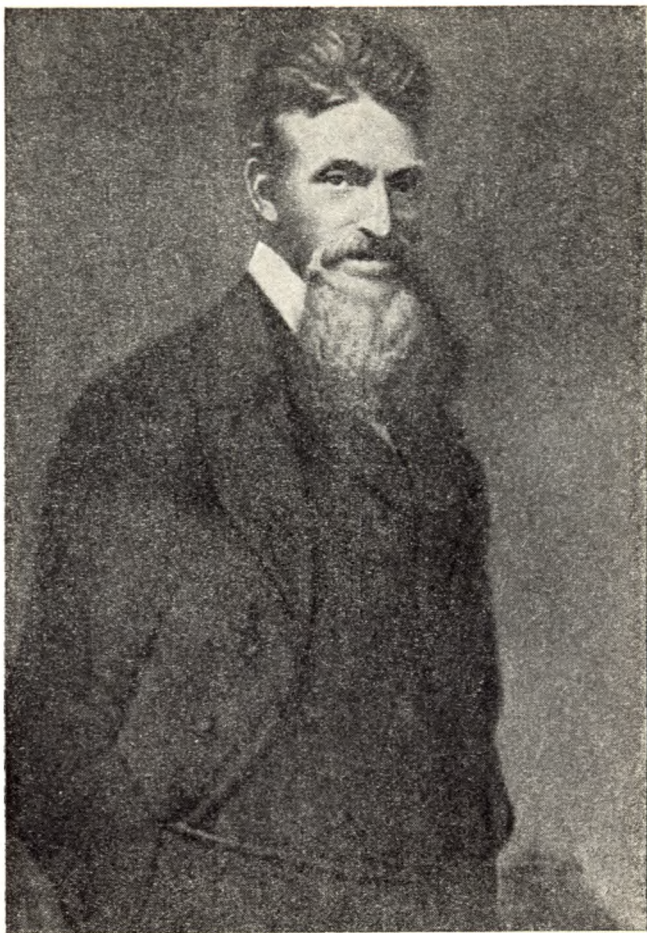
Браун разорвал письмо на мелкие клочки. Не такого ответа он ждал. На следующее утро прибыл посланный бостонскими доброжелателями молодой юрист Мэриэм. Он привез немного денег и предложил себя в качестве бойца. Это было все же лучше, чем ничего. Теперь их набралось двадцать два человека, считая Брауна. Люди истомились от ожидания. Им надоело играть роль мирных фермеров и водить за нос соседей. Негры на чердаке приходили в уныние. Лири — негр, у которого жена и семеро детей оставались в рабстве, все больше и больше мрачнел.

«Наполеон» с несколькими людьми отправился в горы и там обучал их стрельбе в цель. От него приходят известия, что его стрелки давно готовы. А Браун все медлит, все не дает сигнала. Он целыми днями пропадает в горах. У него в кармане рядом с картой лежит библия. Теперь он часто вынимает эту старую, потрепанную книгу, которую еще носили с собой его отец и его дед. Но они думали, что истинный бог — это бог милосердия, а он, Джон Браун, окончательно постиг теперь, что истинный бог — это бог гнева. Быть может,



Харперс-Ферри.

(С гравюры Аутвейта.)



Джон Браун.  
(Фотография 1859 г.)

именно ему, Джону Брауну, бог вручил меч, сделал его своим орудием в борьбе за справедливость на земле?!

Старые, давно забытые сказания из Ветхого завета обступали его. Он воображал себя то Авраамом, приносящим в жертву Исаака, то вдруг припоминался ему архангел Гавриил с мечом — олицетворение справедливо го гнева. Он, как негры, хотел бы увидеть, какое-нибудь знамение с неба, чтобы окончательно уверовать в божественную волю. Но знамения не было, и он возвращался домой изжелта-бледный, с ввалившимися глазами и бескровным ртом. Люди задыхались на чердаке, и ропот все возрастал. Теперь они опасались даже спуститься вниз, и только когда внезапно над горами разражалась гроза, они высыпали гурьбой под ливень и бегали, сорвав с себя рубашки, опьянев от воздуха и давно невиданной свободы. Браун наблюдал за ними, стоя у окна. Дольше медлить невозможно. Он должен думать не о боге, а о людях. Теперь или никогда.

Вечером в воскресенье 16 октября Джон Браун созвал всех своих товарищей в кухне фермы. Негры и белые собрались перед большим, жарко пылавшим очагом.

За окном было черно и сыро. Энни и Марта, закутавшись в плащи, ходили вокруг дома на страже. Лири подбросил в очаг большое полено, искры взлетели вверх огненным фонтаном, сухая кора затрещала, и стало слышно, как ветер гудит в трубе.

Браун оглядел своих товарищей. Все это были молодые, полные сил люди, которых идея свободы заставила бросить их дома, мирный, привычный труд и пуститься навстречу опасностям. В случае неудачи их ждала гибель. Всем были известны суровые законы Союза, карающие за бунт против существующего строя. И все-таки они окружали теперь своего капитана: Каги — ученый латинист, писатель и философ, два брата Коппок — крепкие фермеры из Спрингделя, свободный му-

лат Копленд, молодой боец Стевенс, беглый негр Андерсон, Лири, который мечтал освободить свою семью, Кук и три сына Брауна — все они собрались здесь ради одного дела. Неровный свет свечей пробежал по их лицам, серьезным, молодым, спокойным.

— Могу вас обрадовать, друзья, — сказал им Браун, — сегодня ночью мы выступаем...

Послышались радостные восклицания.

— Нам нельзя медлить дольше, — продолжал он, — иначе мы погубим все дело...

Браун изложил свой план: пользуясь темнотой, они проберутся в город Харперс-Ферри, по дороге перережут телеграфные провода, арестуют часовых на Потомакском мосту, поставят там свою стражу, а затем захватят здание правительственного арсенала. Арсенал охраняется всего одним часовым; его надо взять, не подымая шума. Когда арсенал будет захвачен, в их руках фактически окажется не только весь город, но и весь штат. У местных жителей имеются только старые, заржавленные ружья. К тому же брауновцы захватят заложников, и для выкупа их виргинцы пойдут на любые условия.

— Заложниками надо взять самых крупных плантаторов. Кук займется этим.

— Слушаю, капитан, — радостно ответил Кук, — будет сделано.

— Ура! — Оливер Браун подбросил вверх свою круглую шляпу. — И всыпем же мы этим негодяям!

— Ты рассуждаешь, как маленький, Оливер. — Средний сын Брауна, Ватсон, резко отодвинул скамейку. Он был удивительно похож на отца: те же нависающие брови и светлые глаза, лицо его обрамляли густые темные бакенбарды. Темносерая щинель военного покроя ловко сидела на его широких плечах.

Среди общего оживления только этот сын Брауна оставался сосредоточенным и молчаливым.



— Отец, неужели ты серьезно решил сегодня выступить? — обратился он к Брауну. — Ведь это безумие, отец, у нас слишком мало людей. Если придут солдаты — нам не уйти. Харперс-Ферри — настоящая ловушка. Город стоит на слиянии двух рек: Потомака и Шенандоа. Существует только один мост — через Потомак. Если этот мост будет от нас отрезан, мы окажемся в западне.

— Ты забываешь Канзас, — отвечал Браун, — там нас тоже было немного, но мы справились с тремя сотнями негодяев. Поверь, как только мы возьмем Ферри, к нам придут со всех плантаций негры, сотни рабов, которые мечтают о свободе.

Ватсон покачал головой.

— Боюсь, что пока негры хорошенько не узнают, кто мы такие, что мы делаем и зачем, они не придут. Мы все это время учились стрелять и мало заботились о том, чтобы сообщить им о наших планах. Здешние негры не знают нас.

— Чепуха все это! Я не для того приехал из Индианы, чтобы торчать перед котлом овсянки, — сказал Кук. — Действуйте, капитан, не слушайте его, мы все пойдем за вами!

У себя на родине, в Индиане, Кук считался искусным садовником, но теперь, глядя на его военную выработку, никто бы не подумал, что он некогда подрезал розы и прививал яблони.

— Я буду делать то, во что я верю, — твердо сказал Браун. — Тебе меня не переубедить. Я бросил свой очаг и стал солдатом, потому что не могу терпеть рабство в своей стране. Короче, Ватсон, идешь ты или остаешься? Выбирай, здесь каждый свободен.

Ватсон слабо усмехнулся.

— Иду, отец. Иду потому, что, даже если мы погибнем, это тоже принесет пользу. Платой за свободу все-

гда была чья-нибудь жизнь. Пусть это будет наша жизнь. Я не боюсь.

Лицо капитана разгладилось. Он приказал Стевенсу прочесть вслух конституцию Временного правительства Соединенных штатов. В сосредоточенном молчании слушали брауновцы полные значения слова о равенстве людей всех цветов кожи и о полной отмене рабства. Подняв правые руки, они торжественно присягнули этому символу новой революции.

К ночи пошел дождь. Мелкая водяная пыль носилась в воздухе. Горы были закрыты пеленой тумана. Ветер трепал на деревьях последние мокрые листья.

Потомак вздулся, острые, бестолковые волны ходили по реке. Привязанная у берега лодка беспрестанно кланялась воде.

«Наполеон» насилу вывел из конюшни пару мулов: животные упирались, им не хотелось выходить из теплого стойла. Ноги их сейчас же начали разъезжаться в жидкой размазне, покрывавшей дорогу.

По двору фермы скользили, качаясь в невидимых руках, фонари. Это люди Брауна готовились в поход. В плетеный возок под брезент складывались мотыги, лопаты, пики Блэйра, большие лопаты, связки железных прутьев. Ружей и револьверов было не так много, и до взятия арсенала приходилось дорожить всем, что могло служить оружием. Люди работали быстро и молча, не обращая внимания на дождь. Капитан торопил их: надо было попасть в город до рассвета. Браун накинул плащ, и теперь из-под капюшона виднелись только его глаза, холодные и решительные. Подозвав к себе Оуэна, он отдавал ему последние распоряжения. Оуэн с двумя товарищами оставался на ферме. При первых слухах о взятии города сюда должны явиться негры. Их надо будет во-

оружить оставленными специально для этого винтовками, составить из них отряд и повести к Ферри. Все это должен был сделать Оуэн.

— Пчелы роями слетятся сюда, — сказал ему отец, и Оуэн понял, что под «пчелами» следует понимать невольников.

Каги доложил, что все готово. Энни с фонарем в руках стояла у порога и смотрела на отца. Ветер раздувал ее светлые волосы, дождь мочил лицо — она не замечала. Отец поцеловал ее в мокрую щеку:

— Ты собралась?

Энни молча кивнула. Сейчас же вслед за уходом людей она и Марта отправлялись в Чемберсбург, а оттуда с первым же поездом — домой, в Северную Эльбу. Так приказал Браун, и не в обычаях семьи было возражать.

— Передашь матери, что все идет хорошо, — сказал, обнимая ее в последний раз, Браун. В последний раз промелькнули перед Энни вздрагивающая белая борода и лицо, освещенное внутренним огнем. Долго еще стояла девушка у порога, тщетно вглядываясь в темноту и ловя звук удалявшихся шагов.

От Кеннеди-Фарм до Харперс-Ферри считалось пять миль.

Капитана Брауна, как самого старшего, усадили в возок. Рядом с ним, под брезентом, дребезжало при каждом толчке разнообразное оружие, собранное бойцами. Дождь не прекращался. Мулы поминутно оступались: ноги их то скользили по мокрым камням, то вязли в грязи. «Наполеон» вел их на поводу. Слева от дороги подымались Мэрилендские горы, поросшие у подножия колючей ежевикой и шиповником. Кусты цеплялись за платья путников, как будто хотели удержать их от дальнейшего пути. Справа глухо бурлил Потوماк.

Оливер попробовал было какой-то шуткой разрядить напряжение, но его никто не поддержал. Люди молча

шлепали по лужам. Перед глазами Оливера покачивалась на возке прямая спина отца. Так, в молчании, маленькая группа дошла до поворота дороги. Отсюда был виден мост через Потомак и на другом берегу крыши Харперс-Ферри. Городок спал, утопая во тьме, только где-то на берегу, верно у станции, вспыхивал и потухал огонек.

Джон Браун слез с возка.

— Солдаты свободы, — сказал он торжественно, — мы идем сражаться за самое честное и правое дело, которое только существует на земле. Быть может, за это дело нам придется отдать нашу жизнь. Я не хочу никого неволить. Кто колеблется, может уйти. Время еще не потеряно.

Он обвел глазами людей. Никто не пошевелился.

— Хорошо, — сказал он просто, — тогда займите ваши места, друзья. И да поможет нам справедливость!

Он приказал вынуть ружья. Из-под плащей показались дула винтовок. Люди пристегнули патронташи. Кук и Лири перерезали в нескольких местах телеграфные провода. Люди даже не нуждались в команде, все делалось быстро и бесшумно, каждый знал свое место и обязанности.

В тени моста с трудом можно было различить фигуру часового, медленно прогуливавшегося взад и вперед. Каги и Стевенс одновременно очутились возле него.

— Ни с места! Вы арестованы! — они поднесли фонарь к самому его лицу. Молодой парень в форменной каскетке растерянно глядел на обступивших его людей. Много ночей дежурил он на мосту, тщетно ожидая происшествий. В этих краях не случалось ничего необычного, разве что напьетса мельник с Большой запруды или рябой бакалейщик поссорится с женой.

Часовой неуверенно улыбнулся.

— Джентльмены, конечно, шутят... — Ружейные дула убедили его, что здесь дело не шуточное, но он все еще

никак не мог притти в себя. Среди подошедших он узнал Кука — сторожа при шлюзе и старого джентльмена, по имени Смит.

— Захватите его, — сказал тот, которого он считал Смитом, — а то он подымет весь город. Каги, вы, Лири, и Копленд останетесь здесь и будете охранять мост. Без моего приказа никого не пропускать.

— Слушаю, капитан, — Каги выступил из темноты, — будет сделано, капитан.

Отряд быстро перешел мост, миновал станцию, железнодорожную гостиницу и приблизился к арсеналу. Часовой арсенала услышал стук колес и вышел из караулки посмотреть, кто едет так поздно.

Уж не вздумал ли начальник проверять посты? Но сквозь «глазок», проделанный в двери, он увидел совершенно неизвестных ему людей в плащах с капюшонами. В следующий момент несколько человек вошли в караулку.

— Открывай ворота!

Часовой вспомнил устав: за выдачу ключа — военный суд. Кто-то схватил его за шиворот, кто-то направил на него винтовку.

— Бросьте, ребята, — сказал молодой голос, — у нас нет времени возиться с ключами. Справимся и так.

Высокий юноша в охотничьей куртке вытащил из повозки лом. Несколько минут было достаточно, чтобы вывернуть цепь и сбить замок. Ворота арсенала распахнулись, и незнакомцы быстро вкатили во двор свою повозку. Зажгли фонари и факелы. «Я был напуган до смерти, увидав столько вооруженных людей, — рассказывал впоследствии часовой арсенала. — Они сказали мне, чтобы я вел себя спокойно и не шумел, иначе они отправят меня к моему покойному дедушке».

Капитан, между тем, отдавал тихим голосом распоряжения. Сам он с несколькими людьми останется в арсе-

нале. Кук и Стевенс должны теперь же отправиться за наиболее крупными рабовладельцами. Предпочтительнее «джентри» местной аристократии: Олстэд, Льюис, Вашингтон, внучатный племянник первого президента, и другие... Заложники пригодятся, когда дело дойдет до выработки условий.

Вернувшись, Кук отправится в Кеннеди-Фарм, захватит нескольких плантаторов с мэрилендской стороны и приведет с собой в арсенал всех негров, которые к этому времени соберутся в Кеннеди.

Браун был совершенно спокоен, даже нетороплив. Пункт за пунктом, шаг за шагом выполнял он намеченный план. Все случайности были предусмотрены. В определенный час должен был быть захвачен арсенал, и серебряные часы-луковица показывали ему, что он не ошибся. В определенное время должны прийти вооруженные отряды негров, и они придут, в этом нет ни малейшего сомнения.

## *НОЧЬ НА 17 ОКТЯБРЯ 1859 ГОДА*

Карета провалилась вниз, потом внезапно подпрыгнула и остановилась. Полковник Вашингтон больно ударился головой о потолок. Проклятые «полосатые» дороги! Он громко выругался и попытался открыть дверцу. Вокруг кареты стеной стояла черная осенняя ночь. У лошадей возились невидимые в темноте негры — кучер и его помощник. И люди и лошади стояли по колена в жидкой грязи.

Полковник раздраженным голосом велел поторопиться. Наконец, карета снова двинулась в путь, ныряя и кренясь, как судно в бурном море. По топкому виргинскому болоту были настланы поперек огромные стволы деревьев. В довершение всего полил дождь. Вашингтон

был недоволен собой: не следовало так долго сидеть за криббеджем у сенатора Мейсона, а главное, не следовало втягиваться в этот бесконечный спор о Бьюкенене. Всем и так известна бесхарактерность президента, а его страх перед аболиционистами входит в поговорку. Сенатор передал его слова: «Пусть делают, что хотят, лишь бы не в мое президентство».

И еще выплыл этот Линкольн, которого так усиленно выдвигают янки и который вот-вот пройдет на ближайших президентских выборах!

Полковник сердито усмехнулся в темноте. Карету еще раз сильно встряхнуло, и лошадиные копыта мягко застучали по деревянному настилу. Это мост, значит дом близко. С тех пор, как на берегу Потомака, в Маунт-Верноне, был похоронен Георг Вашингтон, все члены семьи Вашингтонов считали Виргинию чем-то вроде своего наследственного штата и покупали поместья неизменно в этих местах.

Дом полковника, двухэтажный, с черепичной крышей и длинной верандой во весь верхний этаж, стоял в двух милях от города Харперс-Ферри, на берегу реки. В окнах и во дворе забегали огоньки. Это слуги-негры, слышав шум экипажа, выбежали встречать хозяина. Полковника бережно высадили из кареты. В кабинете уже были приготовлены горячая вода, сахар, виски и ящик сигар. Но Вашингтон слишком утомился, да и час был поздний. Он только выкурил сигару, приказал, чтобы утром оседлали его «Фрину» (он собирался ехать на табачные плантации), и лег спать.

В середине ночи громкий стук разбудил весь дом. Стучали в наружную дверь. Сам полковник в ночном белье и туфлях на босу ногу спустился вниз — узнать, в чем дело.

Четыре вооруженных человека, два белых и два негра, одновременно вошли в дом и загородили собой вы-

ход. Один из белых, высокий чернобородый человек в зеленой охотничьей рубашке и кожаных брюках, распорядился запереть ворота. Его товарищ, коренастый и сумрачный, в буйволово́й куртке шерстью вверх, спокойно глядел на испуганную челядь, окружившую полковника.

— Может быть, вы будете любезны объяснить мне, что все это значит?

Полковник был «джентри» и выражался изысканно. Чернобородому человеку тоже не хотелось ударить лицом в грязь.

— Это значит, сэр, что мы пришли освободить всех негров Юга. Харперс-Ферри занят нами сегодня ночью. Вы видите перед собой офицеров первого американского отряда аболиционистов. Будьте любезны, одевайтесь, мы поододем, — добавил он.

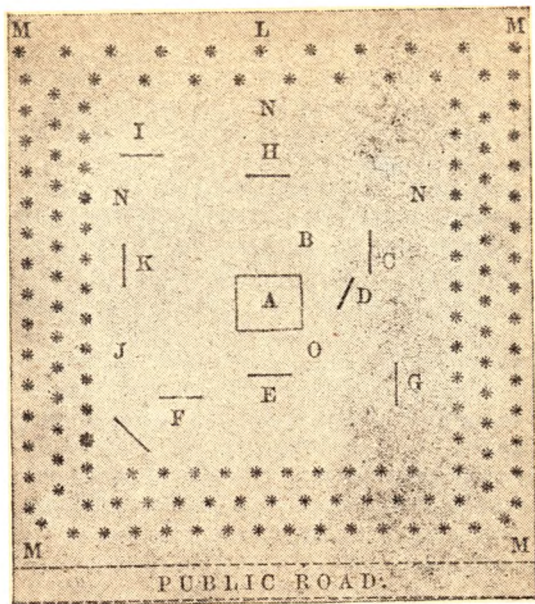
Другой был не столь галантен. Пока полковник одевался, он хмуро оглядел стены. Весь кабинет был увешан старым дорогим оружием. В Харперс-Ферри каждый мальчишка знал, что у полковника Вашингтона в кабинете хранится сабля, подаренная его деду Фридрихом Вторым, и пистолет — подарок Лафайета. Пришедший не сводил глаз с сабли Фридриха, сделанной из миланской стали. «Зачем такому хилому цыпленку такая знатная сабля, — рассуждал он про себя, поглядывая на тонкие ноги и выступающие лопатки Вашингтона, — я знаю человека, которому эта сабля больше по руке».

Наконец, он решился.

— Я конфискую это оружие, — сказал он нарочито грубо, снимая со стены обе реликвии.

Полковник хотел протестовать, но, взглянув на мускулистые плечи и руки посетителя, промолчал. Он был уже одет и, стиснув зубы от напряжения, натягивал сапоги. Обычно одевать его сбегались многочисленные невольники, но сейчас никто не пришел на его зов. По





План Харперс-Ферри, найденный в чемодане  
Джона Брауна.

всему дому шла какая-то невидимая, но оживленная суе-та. Негры, явившиеся с двумя белыми, вероятно, сообщили своим товарищам о том, что делается в Ферри. На дворе появился экипаж полковника, запряженный четверкой лучших лошадей. За ним стояла внушительная кучка невольников. У некоторых в руках были вилы и косы, почти все держали зажженные факелы. Увидев своих черных слуг, полковник нахмурился, но снова ничего не сказал. Чернобородый, между тем, продолжал занимать его разговором.

— Вас хочет видеть Браун Осоатомский. Это он при-  
слал нас сюда.

— Кто такой? — отрывисто спросил Вашингтон.

— Вы не слыхали о Брауне Осоатомском? — удивился  
чернобородый. — Стало быть, вы не интересовались кан-  
засскими событиями?

— Я ненавижу все, что связано с Канзасом, — со зло-  
бой сказал полковник. — Стоит мне увидеть это слово в  
печати, как я перестаю читать.

— Хорошо, — сказал с ликующим видом черноборог-  
дый, — сегодня на рассвете вы увидите нашего коман-  
дира.

Он помог Вашингтону взобраться в экипаж. Его то-  
варищ уже сидел на козлах. Кучер хриплым от волнения  
голосом закричал на лошадей. Снова потянулась «поло-  
сатая» дорога, которую полковник проезжал каких-ни-  
будь три часа тому назад. Он все еще не мог притти в  
себя. Тряска в темноте, грязь, хлюпающая под копытами  
лошадей, — ему упорно казалось, что он все еще едет из  
гостей домой. И только винтовки в руках его спутников  
возвращали его к действительности и напоминали о том,  
что он — пленник.

Внезапно чернобородый приказал остановиться. Они  
были у дома плантатора Олстэда. Оставив полковника  
под надзором двух негров и собственного его кучера,  
оба белые ушли в дом. В ночи гулко разнесся стук. По-  
видимому, все шло так же, как в доме Вашингтона.  
Вскоре они вернулись, ведя за собой обоих Олстэдов —  
отца и сына.

Перепуганный Олстэд причитал и слезливо жаловал-  
ся. Сын его молча подсел к Вашингтону и во весь путь  
не произнес ни слова.

«Полосатая» дорога кончилась, экипаж начал подни-  
маться в гору. Полковник догадался, что его везут в  
Харперс-Ферри. Начинало светать, можно было уже раз-

глядеть тяжелые, разорванные облака, стремительно бегущие по небу. Серый, холодный рассвет растекался по неровным безлюдным улочкам Ферри. Все ставни были закрыты, двери на запоре.

— К арсеналу, — коротко сказал чернобородый. Показалось длинное низкое здание арсенала, хорошо знакомое полковнику. С начальником охраны он часто встречался в Ричмонде. Скрипя, растворились перед ними тяжелые ворота, и экипаж въехал во двор.

Старший, тот, что сидел рядом с кучером, проворно соскочил с козел и подошел к высокому седому человеку, стоявшему посреди двора.

— Вот, капитан, возьмите-ка эту штуку, — сказал он, неловко переминаясь, — она вам как раз подстать. — И он подал капитану саблю Фридриха Второго.

Льюис Вашингтон с неприязнью, смешанной с любопытством смотрел, как тот, кого называли капитаном, опоясался саблей его знаменитого деда. Что-то в лице этого человека заставляло каждого останавливать на нем взгляд. Он был хорошо виден в холодном свете этого утра. Очень высокий, костистый, с красным обветренным лицом и волнистыми волосами свинцового цвета. У него был крючковатый нос и большой тонкий рот, прячущийся в седой неровной бороде.

Костюм его представлял странную смесь городского и деревенского, духовного и светского. Из-под пасторского сюртука виднелись брюки цвета соли с перцем, заправленные в короткие и удобные сапоги, шея была повязана черной шелковой косыночкой. Шляпы на нем не было, и волосы, растрепанные ветром, падали свободными прядями на широкий, морщинистый лоб.

Чернобородый подвел к нему пленников. Браун внимательно оглядел полковника.

— Льюис Вашингтон? Очень рад... Войдите в караулку. Там разведен огонь. Сегодня утром холодновато.

Он говорил очень ясным, молодым голосом. Вашингтон колебался:

— Позвольте, с кем имею...

Ему не хотелось говорить слово «честь» этим людям. Он считал их разбойниками. Ясный голос перебил его:

— Я — капитан первого американского отряда аболиционистов, Мое имя — Джон Браун. Джон Браун Осоатомский.

Городок начинал пробуждаться. Это было очень неприятное пробуждение. Сначала раздалось несколько выстрелов, потом часто и резко затрезвонили колокола лютеранской церкви. Где-то на путях запищал паровозик. Захлопали открывающиеся ставни, из всех окон высовывались бледные, испуганные лица:

— Боже праведный! Что случилось?!

Толком никто ничего не знал. День только еще занимался. Дождя уже не было, но небо напоминало плохо выстиранную простыню. С черепичных крыш капало. На взмыленной лошади проскакал шериф. Отстреливаясь от кого-то невидимого, пробежало несколько человек: все люди были в грязи, один держал в руках окровавленный платок. Увидев раненого, женщины завизжали и принялись закрывать ставни и запирать на засовы двери.

Потянуло гарью. Рябой бакалейщик спорил с аптекарем о том, где горит: бакалейщик утверждал, что горит мучной склад, аптекарь был уверен, что подожжено здание железнодорожной станции.

Часовой, пришедший сменить своего товарища на Потомакском мосту, был поражен: на посту стояли трое неизвестных.

Он вырвался из рук незнакомцев и побежал к железнодорожной станции, крича во все горло. В этот момент к платформе Харперс-Ферри подошел поезд из Балтимо-

ры. Бледный часовой рассказал кондуктору о вооруженных людях на мосту.

— Ты крепко выпил, приятель, — насмешливо сказал ему кондуктор, — пойди проспись.

Взяв фонарь, он отправился с машинистом к мосту. Но тут по ним открыли огонь, и они поспешили ретироваться.

Взволнованные пассажиры выскочили из вагонов и собрались на станции. Быстро распространялись тревожные вести. Из уст в уста переходило слово «аболиционисты», говорилось о гражданской войне в Союзе и передавался, как достоверный, слух о том, что поднялись все негры Юга и что на этот раз ими руководят белые. Это было страшней всего. Пока негры выступали одни, без поддержки белых, их восстания всегда кончались неудачей. Рабовладельцы отлично понимали опасность, которая грозит им, если к неграм примкнут белые. Вот почему такой ужас охватил всех сначала в Харперс-Ферри, а потом и на всем Юге, когда стало известно, что арсенал захватили негры и белые совместно.

В три часа ночи кондуктор балтиморского поезда получил от Джона Брауна разрешение отправляться. Но кондуктор сомневался в целостности моста и только с наступлением рассвета, убедившись, что все в порядке, послал машиниста на паровоз.

С первой же станции, где телеграф был в порядке, кондуктор сообщил в Балтимору начальнику движения о ночных событиях.

«Ваши сообщения, очевидно, преувеличены и написаны под влиянием волнения, — отвечал начальник. — Зачем станут аболиционисты останавливать наши поезда и почему вы знаете, тысяча их или больше?»

Так невероятна, так неслыханна была подобная дерзость на Юге, что никто не верил этой вести. И все же в ней крылось что-то такое, что заставляло людей,

пожав плечами, принимать какие-то меры. Тот же начальник, вдоволь поострив над своим напуганным подчиненным, отдал приказание сохранять спокойствие и наладить связь.

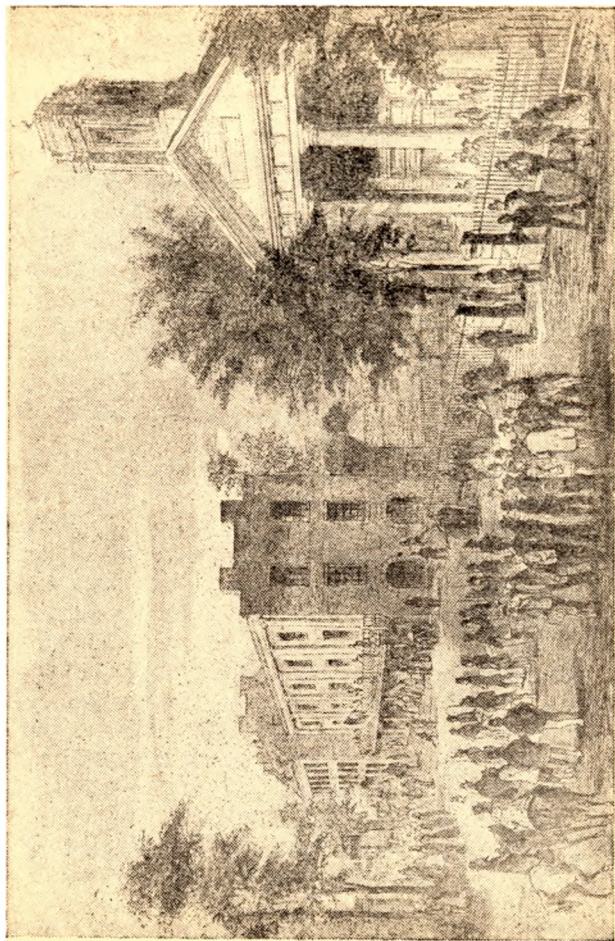
К семи часам утра техник со станции Монкрэси починил телеграфные провода, перерезанные Куком и Тидом. Но, опережая телеграфные сообщения, молниеносно распространился слух, что большой отряд аболиционистов и негров взял приступом правительственный арсенал в Ферри, захватил мост через Потомак и укрепил свои позиции орудиями, что перерезаны провода, остановлены поезда, убито множество людей и что поезда взяли заложниками чуть не половину всего города.

Говорилось, что все невольники в округе восстали и что местное население в ужасе ждет всех бедствий междоусобицы. Еще не рассвело как следует, а на улочках Ферри уже появились вооруженные чем попало жители, уже был поднят на ноги соседний городок Чарльстоун. Уже во дворе чарльстоунской казармы строились взводы городской милиции. Уже губернатор Виргинии был оповещен о случившемся. Командующий мэрилендскими волонтерами, генерал Стюарт, был срочно вызван к губернатору. На столе президента Соединенных штатов лежала телеграмма, и опасливый, нерешительный Бьюкенен бормотал: «Только бы не в мое время! Этого еще недоставало!»

Набат звонил непрерывно: Восстание! Мятеж! Гражданская война!

### *АРСЕНАЛ ХАРПЕРС-ФЕРРИ*

А в это время тот, на кого готовилась вся эта грандиозная государственная облава, деловито расставлял бойцов и осматривал склад оружия в арсенале.



Тюрьма в Чарльстоуне.  
(Рисунок из книги Вилларда.)

Правительственный арсенал Харперс-Ферри представлял собою ряд зданий, окруженных со всех сторон высокой каменной стеной. Когда-то арсенал служил не только для хранения оружия, но и для изготовления его. К главному складу примыкала старая литейная, где некогда лили пушки. Там еще до сих пор оставались плавильная печь, ковши, разные инструменты для формовки, а также металлические и деревянные модели пушек.

В складе хранились запасы огнестрельного оружия, военные повозки и несколько чугунных, бронзовых и стальных орудий для сухопутной артиллерии и флота.

Браун сам обшарил весь склад сверху донизу, но нашел только немного ружейных патронов. Картечи и ядер не было. Даже маленькая пушка, которая стояла во дворе арсенала, не могла быть пущена в дело. Убедившись, что боевых припасов в арсенале нет, Джон Браун переменялся в лице. Это был удар, которого он не ожидал.

Правда, арсенал удалось взять без единого выстрела, заложники тоже не оказали никакого сопротивления, но жители Харперс-Ферри оправились от утренней растерянности, вызвали отряд милиции из Чарльстоуна и теперь со всех сторон оцепили арсенал, явно обнаруживая намерение перестрелять всех, засевших в этом здании.

Все это было бы пустяком, если бы Кук привел с собой хоть один отряд негров. Но Кук, отправившийся на мэрилендскую сторону, словно в воду канул. От Оуэна из Кеннеди-Фарм тоже не было вестей. Каги, стоявший на мосту со своим одиноким крохотным отрядом, прислал гонца. Он советовал Брауну атаковать осаждавших и бежать с отрядом в горы. Он напоминал капитану первоначальный его план, рассказанный Дугласу. Никто не мог бы упрекнуть Каги в недостатке храбрости, но он уже начинал терять надежду на приход негров.

Однако теперь и этот план было не так легко выполнить. Две убитые лошади лежали во дворе у крепких



дубовых ворот арсенала. Оглобли нагруженных подвод поднялись вверх, как руки, умоляющие о помощи. Небо было объято заревом — горело подоженное кем-то здание станции. Добровольцы из плантаторских сынков бесновались снаружи, проклиная аболиционистов и грозя поджечь весь арсенал.

Рядом с главным складом был пожарный сарай. Почти все бойцы Брауна собрались в этом помещении. Здесь были самые толстые стены и самые малечькие, похожие на бойницы, окна.

В дымном сумраке с трудом можно было различить сваленные посредине ручные пожарные насосы, тачки с кирпичами и веревками, трубы — всю гордость добровольной пожарной дружины города Харперс-Ферри.

Двумя самыми большими пожарными машинами капитан Браун распорядился забаррикадировать на всякий случай ворота, выходившие на улицу. Люди устроились в оконных нишах. Затворы щелкали непрерывно. У бойцов были напряженные лица. Приходилось дорожить патронами, но все же капитан приказал открыть усиленный огонь: надо было создать впечатление, что бойцов не меньше сотни. Между тем «сыны Виргинии» сыпали пулями, как градом. Большинство пуль отскакивало от толстых стен, но некоторые все-таки находили своих жертв. Коппок, судорожно сжав маленький рот, перевязывал себе обрывком рубахи окровавленную левую руку.

Двое раненых белых лежали у задней стены сарая. Один из них был тот самый молодой часовой в форменной каскетке, которого бойцы захватили на Потомакском мосту. Брауновцы рассказали ему, за что они сражаются.

— Дайте и мне ружье, — сказал тогда юноша, которого звали Берни. — Я белый, меня не продают, но плантаторы отнимают нашу землю. Того и гляди, сделают всех нас рабами. Я за то, чтобы бить плантаторов.

Оливер дал ему ружье, и Берни принялся спокойно и методически пристреливаться. Меткость его удивила даже очень хорошо стрелявших брауновцев. Берни «снял» трех или четырех наиболее беснующихся врагов, но шальная пуля пробила окно и вонзилась ему в грудь.

— Вот чорт, не везет, — сказал он спокойно.

Ватсон перевязал рану Берни. Он заставил Оливера щипать корпию, но Оливер нервничал: ему хотелось драться, а не перевязывать раненых.

Немного погодя из строя выбыли еще два негра, в том числе Лири. Его уложили в углу пожарного сарая. Чтобы раненому было мягче лежать, капитан подложил под него свой плащ, и теперь расхаживал в одной легкой куртке. Через плечо у него висела блестящая сабля Георга Вашингтона.

Лицо Джона Брауна, серьезное, просветленное, выражало энергию и какую-то радостную решимость. Запах пороха, шум выстрелов пробудили в нем старый боевой дух; ноздри его раздувались, свинцовая грива свисала на лоб. Он нетерпеливо мял бороду и шагал от одного бойца к другому, выглядывая в окна и ежеминутно рискуя быть подстреленным.

— Капитан, что вы делаете? Капитан, поберегите себя! — восклицали то Андерсон, то Стевенс. — Вас убьют, капитан!

— Не волнуйтесь, друзья мои, пули не трогают тех, кто бьется за правое дело, — говорил, усмехаясь, Браун.

Бойцы переводили взгляд на своих раненых и вздыхали: капитана ничто не могло переубедить.

— Нам недолго осталось ждать. Набат поднял негров на всех окрестных плантациях. Они придут к нам, и мы вместе ударим на врага, — твердил беспрестанно Браун.

Не обращая внимания на пули, летавшие вокруг его головы. Джон Браун пересек двор и направился к кара-

ульному помещению. Сейчас в маленьком домике находились заложники, взятые ночью людьми капитана. Сюда выстрелы долетали глуше. У двери на карауле стоял «Наполеон».

Джон Браун вошел в караулку и огляделся. На скамьях и стульях сидело и лежало самое пестрое общество, какое ему когда-либо приходилось видеть. Были тут люди в длинных ночных рубахах, с лысынами, повязанными теплой фланелью, и джентльмены в сдвигнутых вечерних фраках с золотыми цепочками, выглядывавшими из-под жилетов. Вся эта компания жаловалась, сыпала проклятиями и брезгливо сторонилась негров, забегавших в караулку погреться или взять винтовку. При входе Брауна наступила тишина. Все взгляды обратились к нему. Еле слышный шопот пронесся по комнате: «Старый Браун... Браун из Осоатомии...» О, все отлично знали, кто такой Браун Осоатомский! Со времени канзасской войны они охотились за Брауном.

И вот теперь он здесь, перед ними!

Внезапно в караулке поднялся невообразимый шум. Цилиндры и фланелевые колпаки, халаты и фраки — все это подступило к капитану, кричало и размахивало кулаками.

— Есть! — рычали цилиндры и колпаки. — Дайте нам, черт возьми, поесть!

— Что вы с нами делаете? — вторили им халаты и фраки. — Как вы смеете держать нас в этой конуре?!

— Ваши аболиционисты, сэр, просто бандиты. Если вы хотите уморить нас голодом, скажите нам это прямо! — завизжал старикашка в вязаном белье, с абсолютно голой головой.

На него зашикали:

— Тс... Мистер Олстэд, вы погубите нас всех...

Капитан поднял руку. Наступила тишина.

— Мне очень жаль, джентльмены, — сказал он спо-

койно, — но тут ничего не поделаешь. Мои люди не ели целые сутки.

Из сорока пленных он быстро и почти не глядя отобрал пятнадцать человек, в том числе Вашингтона, Олстэда и нескольких служащих оружейного завода.

— Пожалуйте за мной, — сказал он им.

— Что вы собираетесь с нами делать?! — визгливо закричал Олстэд.

Не отвечая, Браун провел их в машинную и жестом указал на место у задней стены:

— Теперь, когда вы переведены сюда, ваши родные там, снаружи, наверное, постесняются так палить в нас. Это послужит нам хорошим прикрытием. Да и вы здесь под защитой моих бойцов будете в большей безопасности. Я попрошу вас, джентльмены, написать вашим друзьям и родным, чтоб они прислали в качестве выкупа за вас своих невольников. Я возвращу вам свободу, как только негры явятся сюда.

Потом, обращаясь к Вашингтону:

— Вас, сэр, мне пришлось взять потому, что вы непременно пришли бы на помощь губернатору Виргинии и помешали бы мне. Кроме того, имя ваше, как моего пленника, произведет известное впечатление на местных жителей.

Вашингтон молчал, презрительно выпятив нижнюю губу: он не желал разговаривать с этим «старым конокрадом», опоясанным саблей его знаменитого предка.

Один из пленных выглянул в окно и начал подавать отчаянные знаки осаждающим.

— Не стреляйте, — жалобно кричал он, — вы убьете своих! Мы все сидим здесь. Ради самого неба, прекратите огонь!

Но «добровольцы» не обращали никакого внимания на его крики, они во что бы то ни стало хотели захватить проклятых янки. Кроме того, они жаждали пустить

в ход оружие, висевшее много лет без дела в их домах. Теперь из всех окон, направленных на арсенал, торчали дула винтовок.

Браун подозвал к себе Вила Томпсона: необходимо добиться хотя бы временного перемирия. Пусть Томпсон возьмет кого-нибудь из пленных и отправится к осаждающим для переговоров.

Вил повиновался и, слегка приоткрыв ворота, выскользнул на улицу. Но едва успел он показаться за воротами, как раздался торжествующий вопль врагов. Десятки людей набросились на парламентаря, смяли его, связали и потащили к зданию гостиницы. Наконец-то, один из этих ненавистных янки в их руках!

Племянник городского мэра, Харри Хэнгер, и плантатор Чемберс первыми ворвались в гостиницу и приставили револьверы к голове Томпсона. Трактирщица набросилась на них: она не хочет, чтоб ей портили кровью ее ковры, пусть джентльмены выбирают другое место для расправы! Тогда они вытащили свою жертву во двор. Томпсон был очень бледен.

— Вы отнимаете у меня жизнь, но восемьдесят миллионов подымутся, чтобы отомстить за меня. — сказал он своим палачам. — Помните, рабы будут освобождены во что бы то ни стало!

Два джентльмена зажали ему рот и выпустили в него дюжину пуль. Потом они стащили Томпсона на мост и спихнули его безжизненное тело в воду. Толпа виргинцев восторженно галдела, и долго еще слышали бойцы в арсенале победные крики врагов.

— Вот ваша этика, джентльмены, — горько усмехнувшись, сказал Браун заложникам. — Повидимому, честная игра вам незнакома.

Вашингтона передернуло, но он ничего не мог возразить этому старику: его сограждане, действительно, вели себя, как бандиты.

Браун нервно шагал взад и вперед, мял бороду, что-то бормотал про себя. Надо выиграть время! Во что бы то ни стало надо продержаться до ночи! С наступлением темноты придут негры. Наверное, они только и ждут ночи, чтобы притти...

— Ватсон и вы, Стевенс, возьмите белый флаг и постарайтесь договориться, чтобы они хоть временно прекратили огонь...

— Но, отец, ведь они забрали Томпсона, заберут и нас...

Задумчивое лицо Ватсона обернулось к отцу. Легкое облако грусти лежало на этом лице.

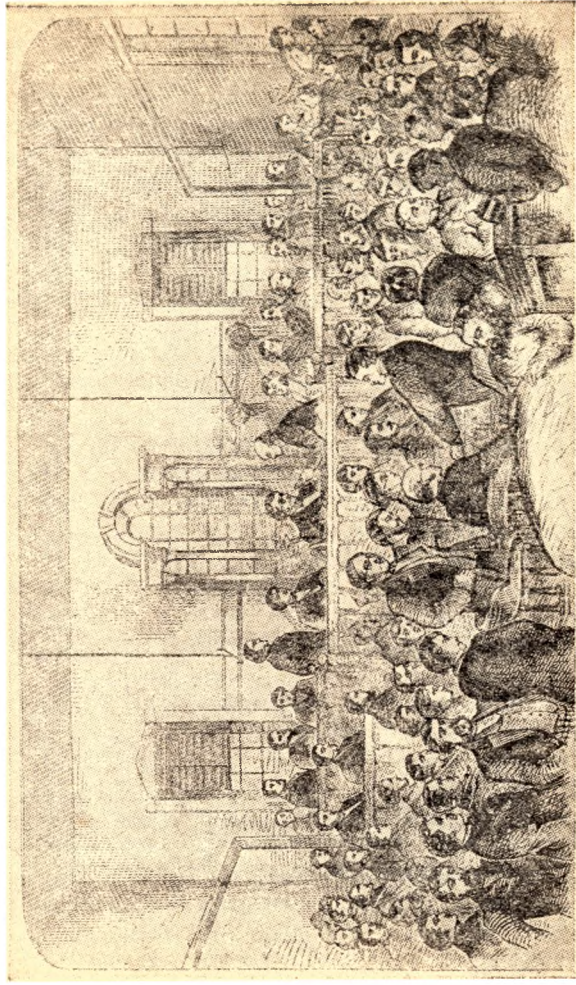
— В качестве прикрытия захватите двух заложников, — сказал Браун. — Ведь не посмеют же они стрелять по белому флагу и по своим!

Но они посмели. Когда на открытой площадке перед арсеналом появились четверо с белым флагом, раздался такой залп, что со стен посыпалась штукатурка. Острая боль пронизывает Ватсона, — его бедро раздроблено пулями. Рядом с ним падает Стевенс и белый, залитый кровью флаг.

— Надо их прикончить, — кричат где-то над ними. Но Ватсон собирает силы и ползет назад, к караулке арсенала, и за ним, по грязной дорожке, стелется кровавый след.

Двое заложников спешат удрать. В качестве трофея они тащат с собой раненого Стевенса. Стевенс почти не подает признаков жизни. Лучший ученик Джона Брауна и лучший его командир лежит без сознания. Три порции свинца засели в его ребрах. Он не слышит над собой зверски радостных криков, ему все равно, что трясут, и теребят, и перетаскивают с места на место его тело и, наконец, бросают, как тюфяк, на полу гостиницы.

До караулки всего несколько шагов, но Ватсону кажется, что много десятков миль осталось ползти по этой



Суд над Джоном Брауном.

(Иллюстрация из газеты «Харперс-Ревью».)

желтой намокшей глине. Пули шлепают вокруг него, бедро пылает нестерпимым огнем, а он все ползет и ползет.

Из пожарного сарая напряженно следят за ним. «Наполеон» и Оливер крепко держат за руки Брауна. Капитан вырывается, он хочет итти к своему сыну, он должен спасти его, принести его сюда. Плоть от его плоти умирает на его глазах, а он не может ничем помочь! Но бойцы горячо уговаривают его. Что будет с ними, если его убьют? Капитан не имеет права рисковать своей жизнью. На его ответственности жизнь всех его бойцов, он не смеет бросать их...

— Я принесу его сюда, — говорит Лимен, самый юный из учеников Брауна. Он пришел в Кеннеди-Фарм прямо со школьной скамьи Спрингделя.

Лимен ложится на живот и так, плашмя, проползает в ворота. В сумерках враги не замечают его. Он благополучно доползает до Ватсона. Теперь ему нужно встать, чтоб помочь сыну капитана.

Лимен приподнимает Ватсона и приподнимается сам. Этого достаточно, чтобы его заметили. В стане врагов кто-то пронзительно свистит. Несколько пуль впиваются в Лимена. Он падает и вместе с ним падает добитый Ватсон.

Весь вечер по двум недвижимым телам палят практикующиеся в стрельбе новички.

— Они хотят обойти нас с фланга, — сказал наблюдавший сверху в слуховое окно «Наполеон», — я вижу, как они передвигаются цепью мимо здания банка.

— Плохо дело, ребята, — заметил Тид, вставляя новый патрон в магазин, — им ничего не стоит взорвать нас на воздух вместе со всем арсеналом.

Приближалась ночь. Бойцы устали и были голодны.



В сарае становилось темно. Холод проникал в разбитые стекла. Снаружи наступила тишина. Казалось, враг чего-то выжидает, к чему-то готовится. Бойцы предпочли бы выстрелы — тишина действовала им на нервы.

— Я не понимаю, чего медлит капитан,—раздраженно заговорил Андерсон. — Нужно решаться на что-нибудь. Иначе из нас сделают котлеты.

— Вы же знаете, к нам должны прийти на помощь негры. Отец говорит, что с минуты на минуту сюда явится большой отряд восставших невольников, — отозвался Оливер, — он говорит...

Но ему не пришлось закончить. За его плечами стоял отец. Джон Браун наклонился к уху «Наполеона».

— Ватсон был прав, — сказал он хрипло. Мы попали в ловушку. Нет ни картечи, ни ядер, патронов хватит не надолго. На Кука и Оуэна, повидимому, мало надежды. Теперь нужно думать о людях.

Он жестом подозвал к себе бойцов:

— Необходимо прорваться к месту и немедленно бежать в горы, — сказал он. — Мы окружены со всех сторон. Негры придут к нам, когда мы будем в горах.

Он перевел дух.

— Возьмем с собой только самое необходимое оружие. В живых остался один мул. Мы построимся так, чтобы повозку с оружием поставить в середину. «Наполеон», вам поручается авангард. Я и Оливер пойдем с правого крыла. Коппока, Берни и прочих раненых поместим в центр. Заложников придется оставить здесь. Входить в переговоры о них бесцельно. Нас решили уничтожить любой ценой.

Он прислушался. На улице беспорядочно и восторженно кричали.

Оливер выглянул из окна:

— Опять беснуются. Повернулись к вашингтонской дороге и что-то орут...

— К вашингтонской дороге? — переспросил «Наполеон». — Уж не ждут ли они подкрепления? Были слухи о федеральных войсках в сорока милях отсюда...

«Наполеон» направился наверх, на свой наблюдательный пост. Остальные тем временем выкатили из пожарного сарая во двор повозку и бросали в нее ружья, револьверы, пачки патронов — все, что можно было увести на одной лошади. Запрягли уцелевшего Рыжего. Мул дрожал и косился на ворота. Перед уходом негры позаботились о том, чтобы хорошенько запереть пленников: иначе те могли бы воспользоваться моментом и напасть с тыла.

— Капитан, оружие собрано, — доложил Андерсон.

— По местам! — командовал Браун. — Ружья наизготовку! Без команды не стрелять. Откройте ворота!

Оливер и «Наполеон» откатили в сторону пожарные машины, загораживавшие ворота, и отодвинули железный засов. У всех бойцов были напряженные лица — все понимали серьезность минуты. Раненые старались стоять без посторонней помощи. Глаза Оливера, не отрываясь, следили за отцом, стоявшим рядом с Коплендэм. Лицо Брауна было озабочено. Он держал палец на спуске карабина, плечи его были подняты.

Скрипя на петлях, распахнулись ворота арсенала, и сразу навстречу бойцам завывали, зарычали бешеные голоса «сынов Виргинии»:

— Вот они! Бей их!

— Попались, голубчики!

— Долой аболиционистов! Бей негров!

— Подпустите их на сто ярдов, — командовал ясный голос Брауна. — Пли!

Почти одновременно с обеих сторон раздался залп. Тихая зеленая улочка наполнилась дымом, лязгом, стоном. Бился в оглоблях и вставал на дыбы раненый Рыжий. Повозка с оружием опрокинулась, и на мостовую по-

сыпались ружья и револьверы. Все перемешалось. Красные лица с выпученными глазами ревели во всю мочь:

— Долой аболиционистов! Долой!

Пошли в ход штыки и сабли. Дерущиеся сошлись лицом к лицу, они скользили и падали среди разброшенного оружия, кровавых луж, поваленных заборов. Бойцы Брауна оттеснили своих противников в дальний конец улицы, к стене городского сада.

— Они бегут, — закричал вдруг Оливер. — Друзья, путь свободен! — Подняв высоко над головой ружье, он ринулся вперед. На минуту перед бойцами мелькнуло его тонкое, юношеское тело. Но грянул одинокий выстрел, и Оливер, беспорядочно взмахнув руками, упал ничком. Бойцы на минуту смешались. Джон Браун мгновенно подскочил к сыну и подхватил его на руки:

— Мальчик мой!

Но предаваться отчаянию было не время. Капитан крикнул бойцам:

— Не останавливаться! Я сам понесу его... — Он легко взвалил на плечи безжизненное тело Оливера.

— Вперед, люди! Пробьемся к мосту.

Бойцы устремились вслед за бегущими в беспорядке виргинцами. Мост был уже совсем близко, уже слышно было, как шумит река. Уже бежали навстречу им, размахивая руками и крича что-то, Каги с товарищами.

Казалось, еще несколько шагов, и маленький отряд спасен. Но в это мгновение впереди произошла какая-то заминка. Бойцы услышали восторженный рев врагов, и сейчас же из-за поворота показались синие мундиры солдат.

— Моряки! — в ужасе закричал Андерсон. — Мы пропали!

— Назад, — раздался холодный голос Брауна. — Это ловушка. За мной, друзья, в арсенал!

Он повернул обратно, придерживая на плече тело

Оливера. За ним последовал весь отряд. Вдогонку бойцам неслись выстрелы и крики, но они не отвечали. Они стремились теперь к арсеналу, как к единственному убежищу, и только когда захлопнулись за ними обитые железом ворота, бойцы смогли оглядеться и пересчитать оставшихся в живых. Трое остались лежать там, на улице, и еще трое погибли в реке. Среди них был Каги, спокойный, умный Каги, бессменный секретарь капитана и верный его помощник.

Когда на мосту появились моряки, Каги устремился со своими людьми к железнодорожной насыпи: он хотел перейти в брод Шенандоа. Но на другом берегу уже стояли виргинцы, торжествующие, пляшущие, словно толпа людоедов перед пиршеством. Пули, как дождь, падали в воду. Каги снова повернул в реку и пытался идти по воде. Там, немного ниже по реке, были скалы, в которых можно было укрыться. Только бы добраться до них. Но в эту пору Шенандоа была мутна и омутиста. Каги оступился и начал тонуть. Лири бросился ему на помощь, но шальная пуля уложила его.

Каги утонул тихо, без борьбы и криков, медленно погружаясь в глубину.

Последним был мулат Копленд. Один из добровольцев подстерег его за обрывом у реки и напал на него с ножом. Копленд поднял было винтовку, но ему трудно было двигаться в намокшей одежде, и вскоре он оказался пленником виргинца.

На берегу вопили: «Линчевать его! Линчевать!» Когда победитель притащил свою темнокожую добычу, все уже связывали платки, чтобы сделать петлю и повесить мулата. И только прибывший полиомен спас его от линчевания. Он сказал, что жизнь мулата священна, ибо принадлежит верховному суду Соединенных штатов.

В арсенале теперь оставалось одиннадцать бойцов. У всех были бледные, но спокойные лица. Тид утирал

рукой кровь и грязь со щеки. Джон Браун все еще не расставался со своей драгоценной ношей. Он бродил по двору, ища удобного места. Наконец, он выбрал уголок у стены, под большой магнолией. Туда он положил Оливера. Юноша открыл мутные глаза и увидел над собой блестящие, словно лакированные, листья.

— Папа, мы победили, правда? Мы в горах?

Отец склонился над ним:

— Да, да, Оливер. Спи, мой мальчик...

Он отвернулся и вытер платком влажный лоб.

— Капитан, федеральные войска уже у ворот, — подошел Хезлет. — Я думаю, придется сдать...

— Мы не можем сдать, — устало возразил Браун. — наших негров ждет линчевание, да и нас не помилуют. Нужно думать о людях, Хезлет.

— А заложники, — напомнил Хезлет. — Мы еще можем их ценой купить себе свободу.

Джон Браун покачал головой.

— Дело зашло слишком далеко, — сказал он. — Моряки скорее согласятся пожертвовать несколькими здешними плантаторами, чем выпустить из рук нас. Впрочем, можно попытаться.

За стеной раздались звуки горна. Стрельба прекратилась. «Наполеон», выглянув, сообщил, что солдаты составили ружья в козлы и как будто собираются расположиться лагерем. Вдруг он сказал:

— Капитан, сюда идет офицер с белым флагом. Мне кажется, это — парламентар.

Джон Браун подошел к окну и выглянул наружу.

— Что вам угодно, сэръ?

— Я бы хотел говорить с вашим командиром, — донесся высокий тенорок офицера. У него было круглое лицо с небольшой курчавой бородкой. Разговаривая, он нервно поправлял пелерину своей шинели.

— Вы говорите именно с командиром первого амери-

канского аболиционистского отряда. Мое имя — Джон Браун.

— Я явился сюда по поручению полковника Роберта Ли, командующего войсками Соединенных штатов в этом округе, — прокричал офицер. — Полковник предлагает вам сдаться. Вы окружены со всех сторон. У вас нет другого выхода.

Джон Браун быстро набросал несколько слов на клочке бумаги.

«Сообщаю вам мои условия. Мы берем наших пленных и вместе с ними переходим Потомакский мост, после чего отпускаем их на свободу. Только тогда мы сможем вести переговоры о захваченной нами государственной собственности.

Джон Браун. 18 октября 1859».

Парламентер быстро вернулся с ответным письмом полковника:

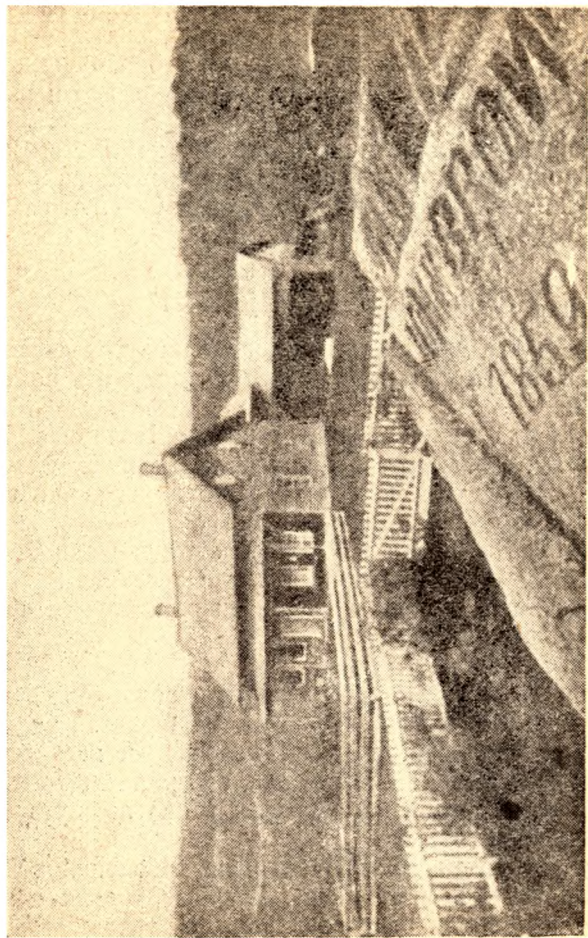
«Полковник Ли, главная квартира. Харперс-Ферри. 18 октября 1859.

Полковник Ли, командующий войсками Соединенных штатов, посланный президентом США для подавления восстания в этом округе, требует сдачи лиц, находящихся в здании арсенала. Если они сдадутся без сопротивления и выдадут захваченное имущество, они будут в безопасности ожидать распоряжений президента. Полковник Ли со всей откровенностью предупреждает их, что бегство невозможно — весь арсенал окружен войсками. И если его вынудят прибегнуть к силе, он не отвечает за последствия.

Р. Ли, полковник, командующий войсками С. Ш.».

Джон Браун прочел письмо. Лицо его осталось невозмутимым.

— Я сдамся, если полковник даст моим людям, здоровым и раненым, уйти в горы, — сказал он, явственно



Ферма Браунов в Северной Эльбе.  
(Позднейшая фотография.)

произнося каждое слово. — Кроме себя, в обмен за моих людей я предлагаю всех взятых мною заложников.

— Это невозможно! — Офицер весь скривился. — Полковник требует безусловной сдачи всех бунтовщиков.

Вместо ответа Джон Браун поднял револьвер и выстрелил в воздух.

— Предупреждаю вас: на рассвете мы начнем атаку, — визгливо закричал офицер и, не выдержав парламентарской вежливости, погрозил кулаком. — Мы разгромим ваше проклятое гнездо!

### *ПОМОЩЬ НЕ ПРИХОДИТ*

Где же был в это время Кук, которого так страстно ожидали бойцы, от которого надеялись получить помощь и спасение?

Переехав на мэрилендскую сторону Потомака, Кук сначала занялся заложниками. Один из крупных местных помещиков, Бирн, сам попался ему на дороге. Он ехал верхом в Ферри.

Кук сошел с повозки и взял за повод лошадь Бирна.

— К сожалению, мне придется вас арестовать.

Бирн, знавший в городе этого широкоплечего шлюзового сторожа, засмеялся:

— Бросьте, что за шутки!

Винтовки и суровые лица негров, сопровождавших Кука, убедили его в том, что здесь не шутят. Кук привязал лошадь пленника к своей повозке, и весь отряд продолжал свой путь к дому Бирна, где надлежало взять еще его брата. У дверей дома Бирн успел шапнуть брату: «Гражданская война».

Между тем Кук созвал в гостиную невольников Бирна и сказал им, зачем он здесь. Впервые в этих стенах говорилось о свободе черного народа. Нервно шагавший по комнате Бирн уловил несколько слов: «Все люди рож-



дены свободными и равными». Он крикнул в бешенстве: — Что вы тут им болтаете?! Я, когда хочу заставить их что-нибудь сделать, стреляю в них! Это — лучший из моих доводов!

На шум явилась тетка Бирна, старая леди, похожая на летучую мышь. Эта особа строго следила за чистотой ковров в доме и за обществом своих племянников. Увидев незнакомых вооруженных людей, она сварливо набросилась на домочадцев:

— Чего вы стоите, разинув рты, чего вы не выгоните из дому этих бродяг!..

И даже когда обоих ее племянников посадили по распоряжению Кука в тележку и отправили под конвоем негров в Харперс-Ферри, старая леди не перестала ворчать на незваных гостей, которые топчут грязными сапогами ее ковры.

Кук поехал дальше, в Кеннеди-Фарм, — за оружием и неграми. Но, к его удивлению, на ферме все было тихо, не видно было ни вооруженных людей, ни оседланных лошадей, ни приготовлений к бою. В кухне, угрюмо уставившись в пол, сидели Оуэн и Мэриэм. Младший Коппок вырезал перочинным ножом тростниковую дудку.

Ничто здесь не напоминало о событиях, происходивших в пяти милях от фермы. Кук пробормотал проклятие. Но даже и он в эту минуту не знал, как далеко зашло дело и как нетерпеливо ждут в Ферри его прихода с подкреплением.

Оуэн кратко сообщил, что за время их отсутствия ничего важного не произошло.

— А негры? — нетерпеливо перебил его Кук. — Надеюсь, ты подобрал хоть небольшой отряд из невольников.

Оуэн покачал головой. Нет, негры не приходили, заходил только кое-кто из соседей.

Кук яростно сплюнул. У него оставалась еще слабая надежда на то, что негры отправились прямо в Ферри.

Он начал лихорадочно нагружать свою повозку ящиками с оружием. Мужчины помогали ему. Коппок бросил вырезать свою дудку. Кук всех заразил своим волнением и напряженностью. Он что было мочи погнал лошадей назад, в Ферри, но дорога была еще размыта дождем, и у повозки скоро сломалась ось.

Кук принял эту новую неудачу стоически, не слишком ругаясь. К счастью, неподалеку была школа, учитель которой считался другом брауновцев. Здесь тоже ожидали негров, и учитель брался их направить в Ферри. Но, несмотря на то, что дело приближалось уже к ночи, негров здесь тоже не было. Учитель предложил Куку переночевать: быть может, негры явятся с рассветом. Они вместе разгрузили повозку и внесли ящики с винтовками в школу. Но Кук не сомкнул глаз и еле дождался зари. Его мучило сознание, что он не выполнил ни одного из приказаний Брауна. Вот он возвращается верхом в Ферри — один, без людей и без оружия! Что скажет он капитану? Как взглянет в его глаза?

Внезапно он услышал звук выстрела. Еще один, еще... Сомнения быть не могло: стреляли в Ферри... Итак, значит жители решили сопротивляться!? Кук вскочил на лошадь и пригнулся в седле. На вершине холма ему повстречались двое подростков. Он сдержал лошадь, чтобы поговорить с ними. Да, в Ферри воюют. Там засели какие-то чортовы аболиционисты, но теперь пришли войска и, конечно, быстро расправятся с ними. Уже семерых загнали в канал, и там они захлебнулись.

Кук бросил поводья и слез с лошади. Игра проиграна, это ясно. Он посмотрел вниз. С высокого холма весь город был виден, как на ладони. Две реки сливались у подножья гор. Мосты, пожарное депо, подстриженный газон у железнодорожной гостиницы, блестящие рельсы, вырывающиеся из темной пасти Потомакского моста, — все это выглядело таким маленьким под ногами!

По неровным улочкам города взад и вперед сновал народ, иногда люди кучками собирались под прикрытиями. Из этих прикрытий вылетали, как изо рта курильщика, белые дымки, и эхо в горах повторяло звуки выстрелов. Кук различил кучку людей у дома на Верхней улице. Из этого дома было чрезвычайно удобно стрелять в пожарный сарай.

Несмотря на всю безнадежность положения, Кук сделал то, что он должен был сделать... Он снял винтовку и, надеясь привлечь к себе внимание людей с Верхней улицы, начал стрелять в них. Они были в полумиле, но Кук не напрасно гордился своей меткостью. Люди всполошились и, бросив обстреливать пожарный сарай, направили выстрелы в невидимого на холме врага. Раздался залп. Пуля сшибла ветку с дерева, к которому прислонился Кук. Больше ничего не оставалось делать. Кук слез в шлюз канала; здесь нашли гибель семеро его товарищей, пусть он будет восьмым...

Но судьба дала ему передышку — никто не заметил беглеца, и через несколько часов Кук постучался в дом знакомых ему фермеров-ирландцев. Ирландцы сделали вид, что не замечают мокрой одежды и спутанных волос нежданного гостя. Ему дали хлеба — он ел жадно и быстро. Будто нехотя, он спросил о событиях в Ферри. Ирландцы слышали, что там все кончено и что в середине дня убит сам Джон Браун из Осоатоми.

Тогда Кук поднялся и сказал, что ему пора уходить. У него были дикие глаза и хриплый голос. Ирландцы его не удерживали.

Выйдя из дому, Кук побежал. Как будто земля горела у него под ногами. Он бежал и бормотал про себя: «Убит... убит!..» — без конца одно и то же слово. Так он добежал до Кеннеди-Фарм. Ферма была темна и пуста, дверь стояла распахнутая настежь, и ветер хлопал ее створками. Кук позвал. Сперва тихо, потом все громче,

громче... Наконец, забыв об опасности, он начал кричать. Тогда из чащи елей, росших у дороги, вышли Оуэн, Копок и Мэриэм.

— Все погубло, — сказал им Кук, — капитан убит. И он упал к их ногам, словно сраженный пулей.

Но капитан не был ни убит, ни даже ранен. После переговоров с парламентарем стрельба прекратилась, и бойцы в арсенале смогли немного передохнуть. Браун ободрял их: Кук, Оуэн и по крайней мере сотня негров сейчас, вероятно, уже залегли на Мэрилендских холмах и только ожидают подходящего момента, чтобы ворваться в город.

Харперс-Ферри, тихий фермерский и плантаторский городок, преобразился. Теперь это был шумный и беспорядочный военный лагерь. Весь день и вечер продолжали подходить все новые регулярные и добровольческие отряды. Из Винчестера прибыли три отряда милиции, из Шефердстауна и из Фредрика несколько отрядов добровольцев. Люди шли вразброд, большинство было пьяно и вооружено чем попало. Они горланили старые солдатские песни, к бойцам Брауна долетали их беспорядочные голоса.

Внезапная атака могла тотчас же обратить их в бегство, даже регулярная армия растерялась бы перед неожиданным натиском. Пользуясь этим замешательством, можно было бы прорваться через мост. Один отряд негров мог бы вполне спасти положение. Так думал капитан. Но негры не появлялись. В десятке миль от Ферри Кук и остальные, разбитые усталостью и горем, спали под мэрилендскими соснами.

С первыми лучами солнца забили барабаны. Горнист заиграл зорю. День обещал быть холодным и ясным.

Капитан встречал зарю у изголовья умирающего сына.

За ночь новые морщины появились на лбу Брауна. Он страдал не за себя,—к своей судьбе он был равнодушен. Его пугала участь людей, пошедших за ним, доверивших ему свою судьбу.

Тишина в пожарном сарае прерывалась только криками, долетавшими из-за стены, да стонами Оливера. Один из заложников, бывший когда-то фельдшером, осмотрел его рану. Оливер был безнадежен. Фельдшер произнес с профессиональным спокойствием:

— К утру ему станет легче.

Ему никто не поверил. Все знали, что рассвет несет не выздоровление, а гибель.

Оливер, задыхаясь, просил отца прекратить его мучения, пристрелить его.

— Нет, мальчик, потерпи немного, я уверен, тебе станет лучше, — нежно говорил ему капитан.

Но наступил момент, когда этому перестали верить и отец и его раненый сын. Тогда Браун положил руку на спутанные волосы юноши и повернул к себе его тонкое, почти девическое лицо.

— Слушай меня, Оливер, — сказал он глухо, — если ты умрешь, ты умрешь славною смертью, сражаясь за свободу. Если ты должен умереть, умри, как мужчина.

И Оливер затих. Он уже не стонал и не просил, чтобы его пристрелили. Только когда за стеной раздалась частая барабанная дробь, он вдруг приподнялся, словно хотел вскочить, и тут же упал навзничь. Что-то заклокотало у него в горле, голова свесилась на грудь. Джон Браун вздрогнул, пристально посмотрел на его мертвое молодое лицо и опустил на колени.

Обстрел начался не сразу. Морская пехота еще пила кофе, еще завтракала, и к голодным бойцам доносился запах поджаренного хлеба и каши, доводивший их до ис-

ступления. Позавтракав, солдаты неторопливо разобрали ружья, откуда-то притащили бревна и соорудили из них таран, к воротам арсенала подкатили небольшую пушку.

Бойцы Брауна угрюмо следили за этими приготовлениями. Из пожарного сарая были видны дома, окружающие арсенал. Из всех окон торчали головы любопытных. Сотни зрителей висели на заборах и на деревьях — все жаждали присутствовать на заключительной сцене этого спектакля. Лишь бы не пропустить ни малейшей подробности финала! «Сыны Виргинии» криком и свистом торопили и подзадоривали моряков:

— Ну-ка, начинайте вашу охоту! Затравите нам этого старого волка — Брауна!

Время шло, а обстрел все еще не начинался. Дело было в том, что командование никак не могло решить, кому же вести атаку.

Полковник Ли, одетый в обычное штатское платье, пререкался с полковником Шрайвером, командующим мэрилендской милицией. При этом у обоих на лицах играли любезнейшие улыбки. Быть может, полковнику Шрайверу угодно взяться за это дело? Но полковник Шрайвер охотно уступит эту честь своему уважаемому коллеге, тем более, что коллеге платят за его работу.

— Лейтенант Грин, — сказал, потеряв терпение Ли, — не возьмете ли вы на себя честь выбить этих людей из их гнезда?

Грин, молодой офицер, бывший накануне парламентом, приложил руку к кепи и поблагодарил полковника за высокое доверие. Потом он отобрал наиболее рослых моряков. Тысячи глаз следили за каждым его движением. Грин чувствовал себя, как актер в ответственной роли. Он приказал раскатать таран и пробить ворота арсенала. Раздался глухой удар, похожий на выстрел из пушки. Однако ворота, хотя изрешеченные пулями, но припертые изнутри пожарными машинами, не поддавались,

Джон Браун в последний раз оглядел своих бойцов. Их оставалось пятеро.

Черное лицо «Наполеона» отливало синевой. Запачканная кровью повязка косо перерезала лоб. У остальных были хмурые, закопченные и сосредоточенные лица. В углу, как гряда тряпья, валялись скорченные от страха заложники. В эту, казалось бы, неподходящую минуту Браун вдруг вспомнил себя мальчиком. Вот он, конец Аннибаловой клятвы! Что же, он честно прошел свой путь! Но люди... такие молодые, такие восторженные храбрецы! Он сморщился от охватившей его жалости.

— Друзья, постараемся как можно дороже продать нашу жизнь, — сказал он. — Своей кровью мы содем преступления этой страны. Своей жизнью мы добудем свободу угнетенным! Мужайтесь, люди!

Страшный залп прервал его слова. Со стен посыпалась штукатурка. Густая известковая пыль смешалась с синим дымом.

— Долой рабство! — закричал в каком-то иступлении Коппок. — Стреляй, ребята!

Затрещали выстрелы. Пули пригоршнями били в стены. Дым затемнил небо. Вой, крики, гром — все смешалось.

— Да здравствует свобода! — кричали бойцы сквозь грохот залпов. — Да здравствует свободная республика!

— Смерть неграм! Долой аболиционистов! — доносились к ним из-за стены.

С визгом забила картечь. Одна стена была пробита, и в широкое отверстие летел свинец. Огонь не прекращался.

Свинцовый дождь скосил Тида, потом добил раненого Лимена. «Наполеон», стиснув зубы, сторицей оплачивал за убитых товарищей. Снова бешено забил набат. Капитан и негр стреляли, почти не целясь, но каждая их пуля

укладывала кого-нибудь из синих. Волосы Джона Брауна, как дымное облако, поднялись над лбом, борода была растрепана. «Наполеон» крепко обмотал вокруг шеи красный шарф, лицо его осунулось, глаза были воспалены. Он механически взводил курок, не чувствуя своего левого локтя и правого плеча и обжигая пальцы о раскалившийся ствол ружья.

Лицо капитана приняло величаво-торжественное выражение.

— Последняя минута близка. Спаси, господи, наши души!

Ворота затрещали — моряки били по ним кузнечными молотами. Сквозь щели уже видны были погоны офицеров и потные лица солдат.

— Сейчас конец, капитан.

Только один засов сдерживал ворота. Артиллерия работала не умолкая. Три оставшихся в живых бойца стреляли наугад. Наконец, ворота упали, и во двор хлынула синяя река мундиров. И сразу утро превратилось в ночь. Теперь уже никто не стрелял. Шла беспорядочная свалка, мелькали сабли и кулаки. Исступленно кричат и визжат заложники, они рвут из рук солдат оружие, они тоже хотят расправиться с этими проклятыми ворами негров, которые двое суток держали их в плену!

«Наполеон» заслоняет своим телом капитана. Он мечется в распахнутой рубашке, из которой выглядывает его широкая черная прудь. Прищурив один глаз, он стреляет почти в упор в офицера, но десятки рук вышибают у него револьвер, и синие мундиры повисают на нем со всех сторон. «Наполеону» удастся сбросить с себя четверых, но еще десять наваливаются на него. Синий барахтающийся клубок долго катается по земле, прежде чем солдатам удастся связать негра.

Джон Браун бросается к нему на помощь, но перед ним вырастает Вашингтон. Аристократ хочет свести сче-



ты с этим узурпатором, захватившим саблю его предка. Он зовет лейтенанта Грина:

— Сюда! Сюда! Вот он, Осоатоми! Вот он!

— На, получай, старый бродяга!

И лейтенант с размаху ударяет Брауна саблей по голове. Офицер увлекается, злоба ослепляет его, и он уже без разбору колотит и колотит по этой старой, белой голове.

— Долой рабство! — кричит Браун и падает лицом в землю.

Льюис Вашингтон наклоняется над упавшим и, стиснув зубы, вырывает из его безжизненных рук драгоценную реликвию — саблю Фридриха Второго.

### *«СЫНЫ ВИРГИНИИ»*

Очнувшись, Браун увидел над собой свинцовое октябрьское небо. Он был неприятно поражен, — разве он не мертв?

Мысли увязали в тумане, мучительно болела голова. Тотчас же над ним склонилось несколько чужих лиц — холодно любопытных или злорадных.

— Мистер Браун, отвечайте на вопросы: кто послал вас сюда?

Губернатор Уайз, седой и шуплый, вытянул шею, чтобы лучше слышать ответ. Убитых и раненых брауновцев сложили на земле у наружной стены арсенала. Моряки, взявшись за руки, с трудом сдерживали напор толпы. Любопытные старались прорваться, чтобы увидеть вблизи этого легендарного Брауна. Сквозь плечи и спины моряков им видны были только спутанные свинцовые волосы и кровь, запекаясь на белой бороде лежавшего. Перед зрелищем распостертых тел передние ряды замолкли. Между тем задние продолжали напирать, и хриплые голоса «сынов Виргинии» озверело ревели;

— Линчевать их! Линчевать!

Внутри цепи стояла кучка «властей»: губернатор Уайз, стряпчий штата, Эндрю Хэнтер, сенатор Мэйсон, Вашингтон и множество журналистов, почуявших сенсацию. Все нетерпеливо ждали, чтобы к Брауну вернулось сознание.

Но вот капитан остановил вполне осмысленный взгляд на губернаторе, и все тотчас же подались вперед. В руках журналистов появились блокноты.

— Никто не посылал меня сюда, — сказал Браун тихо, но явственно произнося каждое слово, — я сам организовал все это дело...

Тут он добавил, что будет рад, если все ясно поймут его побуждения.

— Вы все, джентльмены, виновны перед человечеством, поэтому я считал своим долгом освободить тех, кого вы держите в утнетении.

Карандаши замелькали по бумаге. Старый Браун, известный молчальник, заговорил. Надо было пользоваться минутой, и журналисты старались изо всех сил. Корреспондент «Трибуны» уселся на корточках перед капитаном. Джон Браун тяжело перевел дух.

— Я хочу, чтоб вы поняли одну вещь, джентльмены. всю жизнь я уважал последних цветных бедняков больше, чем самых богатых и могущественных белых. Только эта идея руководила мной. Я хочу сказать еще, чтоб все вы на Юге готовились. Чем скорее вы приготовитесь, тем лучше для вас. Я говорю об оплате негритянского счета. Это еще не конец. У меня много сторонников на Севере...

Голос капитана постепенно слабел. Ему было трудно говорить, голова горела, как в огне. Никто не догадывался дать ему воды. Слова его перешли в невнятный шопот, и корреспондент «Трибуны» напрасно тормозил раненого — Джон Браун снова потерял сознание.

Губернатор Уайз и его свита собрались в гостинице.

Президенту была послана успокоительная телеграмма, но «сыны Виргинии» были явно напуганы. Что хотел сказать старый бунтовщик, предупреждая их о том, что они готовились? Что ожидает Юг в ближайшее время? Уж не подготавливается ли новое восстание? Браун говорил о сторонниках на Севере. А вдруг янки уж поднялись?!

Объединение белых с неграми — это была грозная опасность, которая заставляла трепетать всех рабовладельцев. Джон Браун был первый белый, руководивший восстанием в пользу негров. Но за ним, быть может, стоят еще сотни и тысячи белых, которые подымут всех черных рабов против их угнетателей?

Послали в Кеннеди-Фарм — сделать обыск и захватить все бумаги, какие найдутся в доме.

Между тем смеркалось. Вышли вечерние газеты с описанием гражданской войны в Харперс-Ферри. На улице бушевали пьяные «ричмондские серые», страсти расходились, слышались выстрелы, кто-то пел национальный гимн, из боковой улочки доносились крики и звон разбитого стекла: там храбрые патриоты громили лавчонку свободного негра. Губернатор счел необходимым сказать речь, дабы успокоить взволнованные умы. Он вышел на веранду гостиницы. Однако крикуны там, на улице, никак не хотели успокоиться, и губернатор трижды взывал к ним: — Славные сыны Виргинии!..

Он поздравил виргинцев с победой над внутренним врагом и заверил их, что впредь никто не посягнет на законы Соединенных штатов. В глубине души губернатор был далеко не уверен в этом.

Из Кеннеди-Фарм привезли ковровый чемодан, полный писем и документов. При свете оплывающих свечей губернатор и стряпчий Эндрью Хэнтер просмотрели часть бумаг. Тут были карты штатов с обозначением числа черного и белого населения, текст конституции Временного

правительства и письма многих лично известных присутствующим, почтенных людей. Сомнения быть не могло: позади Брауна стояла большая, сплоченная конспиративная организация.

Утром 19 октября Джона Брауна, находившегося все еще в беспамятстве, повезли под усиленной охраной моряков на станцию. Рядом с ним на телеге лежал тяжело раненый Стевенс. Связанные «Наполеон», Грин и Коппок шагали позади, в цепи солдат. Угрюмая, молчаливая толпа провожала арестованных до поезда. Их везли в чарльстоунскую тюрьму, где через неделю оставшиеся в живых брауновцы должны были предстать перед судом Соединенных штатов.

Раны Джона Брауна еще не успели затянуться, когда начался суд над «бунтовщиками из Харперс-Ферри». Столь лихорадочная спешка была понятна.

Властям Виргинии, всему Югу, да, наконец, самому президенту Бьюкенену было необходимо как можно скорее покончить с этим опаснейшим «безумцем» Брауном, вытравить из памяти людей всякое воспоминание о нем и о событиях в Харперс-Ферри, стереть с лица земли всех последователей Брауна.

Америка — и на Севере и на Юге — была охвачена сильнейшим волнением. Впервые белый выступил с оружием в руках на защиту негров. Он взял с собой сыновей, и два из них погибли в борьбе за свободу черных. Имя Брауна склонялось на все лады. Одни видели в нем пророка, чуть ли не Мессию, посланного освободить негров, другие утверждали, что он честолюбец, преследующий свои личные цели. В сенате и палате представителей при имени Брауна республиканцы и демократы лезли друг на друга с кулаками.

Общественные страсти подогревались газетами. Жур-

налисты Юга вопили о попустительстве аболиционистам, напоминали о восстании Ната Тернера и предрекали новые кровавые мятежи. Джона Брауна они рассматривали, как представителя мощной организации, готовящейся ниспровергнуть существующий строй. Газеты северян были склонны отдавать должное личной храбрости капитана Брауна, но расценивали выступление в Харперс-Ферри, как безумную и никчемную затею. Между тем, ходили угрожающие слухи о брожении среди негров. За несколько дней в Чарльстоуне и других местах штата произошло несколько пожаров. Один раз сгорела рига богатого плантатора, в другой—склады табака и сахара, принадлежавшие крупному торговцу. Жители были настроены панически и убеждены, что негры жестоко отомстят за своего вождя.

Все это заставляло правительство Соединенных штатов торопиться с судом. Кроме того, через несколько дней заканчивалась судебная сессия, и до следующей сессии пришлось бы ждать шесть месяцев. А держать Брауна полгода в тюрьме — это значило бы держать динамит, который каждую минуту мог взорваться. Ни один из «сынов Виргинии» не хотел рисковать этим.

Судья штата, Ричард Паркер, получил секретное предписание вести следствие и суд в ускоренном порядке. 25 октября Джон Браун и его бойцы предстали перед следственным судом Чарльстоуна.

Весь путь от тюрьмы до здания суда был оцеплен войсками.

Несколько пушек были направлены на толпу, запрудившую улицы. Все эти предосторожности принимались якобы для того, чтобы не допустить расправы народа с арестованными; на самом же деле власти штата боялись нового выступления и того, что друзья захотят силой освободить Брауна из тюрьмы.

С лязгом отворяются железные двери тюрьмы, толпа

подается вперед, неясный гул пробегает по рядам. На пороге появляются двое: высокий, весь обвязанный бинтами белый и молодой негр, заботливо поддерживающий его за плечи. Так, вместе они спускаются по ступенькам на улицу, и белый громко стонет от боли. За ними следует еще один негр, стройный и подтянутый, и позади всех, об руку с бледным юношей, идет тот, на кого устремлены взоры всей толпы: старый человек с окровавленной белой повязкой на лбу.

Зал суда тонул в сизом дыму бесчисленных трубок и сигар. В невымытые окна виднелись куски серого неба и такого же серого двора. В этом суде обычно разбирались мелкие земельные тяжбы фермеров, долговые дела, пьяные драки... Впервые стены суда увидели такое собрание государственных чиновников, представителей печати и адвокатуры.

Казалось бы, зачем вести следствие, назначать судебное разбирательство, если все дело и без того ясно и конец Брауна заранее известен последнему мальчишке в стране? Но Америка хотела утвердить за собой славу самой демократической и либеральной страны в мире. Здесь каждый человек имел право быть судимым судом Союза и казнимым главным палачом штата.

Капитана и его бойцов встретили гробовым молчанием; только изредка слышались громкие плевки: это жующие табак упражнялись в своем искусстве.

Клерк зачитал имена подсудимых: Джон Браун, Аарон Стевенс, Эдвин Коппок — белые... Шильдс Грин, Джон Копленд — негры...

Здесь не было еще Кука, которого искали по всем ближним штатам, так как полагали, что он не мог убежать далеко. Власти считали его одним из главных заговорщиков. Через несколько дней Кука нашли в Пенсильвании и привезли в ту же чарльстоунскую тюрьму.

Поднялся секретарь суда.



Могилы Джона Брауна.

*(Позднейшая фотография.)*

— Имеют ли подсудимые защитников, или хотят, чтобы защиту назначил суд?

Все подсудимые устремили глаза на своего капитана. Браун встал, крепко держась за спинку скамейки. Но он сказал не то, чего от него хотели.

— Виргинцы, — сказал он, — я не просил пощады, когда меня взяли, я не просил вас тогда пощадить мою жизнь. Но губернатор штата Виргинии заверил меня, что надо мной будет честный суд. Если вы жаждете моей крови, вы можете в любой момент получить ее без этого издевательства, именуемого судом. У меня нет адвоката, я не в силах с кем-либо советоваться, я ничего не знаю о состоянии моих арестованных товарищей и не могу заботиться о своей собственной защите. Память изменяет мне, здоровье мое еще не восстановилось. Существуют обстоятельства, говорящие в нашу пользу. Я привел бы их, если бы нас судил честный суд, но если все сводится к простой форме — суд для казни, — вы можете избавить себя от хлопот. Я готов к моей судьбе. Я не требую суда. Я прошу даже, чтобы не было ни этой карикатуры на суд, ни оскорблений — ничего подлого и бессовестного. Я настаиваю, чтобы меня избавили от судебного издеательства.

Я не знаю, для чего ведется это следствие и какую пользу извлечет из него страна. Хуже этого издеательства ничего нельзя было выдумать. Только трусливые варвары так оскорбляют тех, кто попал им в руки...

Браун, тяжело дыша, опустился на скамейку. Полное молчание встретило его слова. Он говорил перед глухой, враждебной стеной. Капитан обвел глазами публику. Синие фраки, военные мундиры, золотые цепочки на жилетах, модные клетчатые панталоны — он был во власти правящего класса Юга, и его речь — горячая, возмущенная, живая — оставила этих людей равнодушными, как будто он говорил на мертвом языке.



Судья бесстрастным голосом предложил назначить двух защитников от суда — мистера Ботса и мистера Томаса Грина. Оба были виргинцы, добросовестные и лишенные всякого таланта. Во всяком случае их прежде всего интересовали те доллары, которые они получат за свое выступление в суде.

Четверо подсудимых без возражений согласились передать им свою защиту. Они просили лишь о том, чтобы каждого из них судили порознь. Один Джон Браун остался безучастным; он сидел, низко опустив голову в белой повязке, и, казалось, дремал.

К вечеру следственный суд представил свои заключения главному судье. Паркер подтвердил все три главных пункта обвинения: измена государству, заговор и подстрекательство рабов к восстанию и убийство мирных граждан. Даже одного из этих обвинений было достаточно, чтобы послать подсудимого на виселицу. Не могло быть и тени сомнения в той судьбе, которая ожидала Джона Брауна.

Пушки, направленные на чарльстоунскую тюрьму в день суда над Брауном, были отнюдь не лишней предосторожностью. Едва весть об аресте Брауна достигла Бостона, аболиционисты — и белые и негры — пришли в сильнейшее волнение. Все понимали, что капитана ждет виселица и что вместе с ним погибнут все мечты об освобождении негров, все лучшие надежды и упования.

Нет, друзья свободы не могут допустить смерти Брауна!

Канзасские негры зывали к своим братьям на Севере: нужно любой ценой спасти капитана!

Через день после начала суда к судье Паркеру явился очень молодой человек и представился: Джордж Хойт, адвокат из Массачузетса, прибывший для защиты обви-

няемого. «Я подозреваю, что это — шпион», написал прокурор Хэнтер одному из друзей в Вашингтон. Он потребовал от Паркера, чтобы юноша представил документы, удостоверяющие его юридическое звание, но судья огрызнулся:

— И так уже весь Север кричит о нашем пристрастии, — и ввел Хойта в состав суда.

Между тем, прокурора не обманул его тонкий нюх. Юный Хойт был действительно послан бостонскими аболиционистами с тайным поручением разведать все обстоятельства дела и переговорить с Брауном о побеге. В качестве официального защитника молодой аболиционист мог свободно посещать тюрьму и общаться с арестованными.

Спустя несколько дней бостонские друзья Брауна получили от Хойта обескураживающее письмо:

«...Он категорически отказывается от нашего плана. Ничто из того, что я говорил, не могло поколебать его в его решении. Он говорит, что не ушел бы из тюрьмы, даже если бы дверь была открыта. Иногда я не совсем его понимаю, но знаю только, что он меня глубоко трогает. Этот человек, один среди лагеря врагов, под угрозой смерти, держится так достойно и умно, что рядом с ним все прочие кажутся ничтожными.

Вы не можете себе представить здешнего волнения: весь округ наводнен вооруженными патрулями, и большие отряды войск постоянно находятся под ружьем. Один он спокоен. Люди здесь жаждут его смерти, но даже и они не могут не признать его исключительного мужества и величия...»

Итак, главной помехой в задуманном аболиционистами плане побега был сам Браун. Капитан категорически отказался от насильственного освобождения.

— Весь Юг, вся страна скажут, что я — трус и боялся ответить за мои поступки, — сказал он Хойту, когда тот пробовал настаивать.

Юрист передал эти слова бостонцам, но аболиционисты возмутились. Он не думает о нас, о том, что он нужен нам и нашему движению. Пусть он противится, мы все-таки спасем его, вопреки его желанию!

Хиггинсон, Барнс, Хинтон и другие пишут друзьям в Канзас. Надо торопиться, дорог каждый день, каждый час! Перебирают десятки способов, строят самые фантастические планы побега. Наконец, негр Спунер из Бостона предлагает план, который принимается с воодушевлением.

Надо похитить губернатора Виргинии Уайза, вывезти его на быстроходном судне в море и держать там в качестве заложника, предложив властям штата освободить Брауна в обмен на губернатора. Аболиционисты нашли верного человека — капитана быстроходного парохода, который в случае погони брался обогнуть даже ричмондскую канонерку<sup>1</sup>.

На все это предприятие требовалось свыше десяти тысяч долларов. Собрать такую сумму в немногие остающиеся дни было очень трудно, и от этого плана пришлось отказаться. К тому же разнесся слух, что под командой Джона Брауна-младшего в Огайо вооружается несколько отрядов. Говорилось, что эти отряды намереваются в день казни ворваться в город, захватить арестованных и, посадив их на лошадей, увезти в свободные штаты, к друзьям.

Однако этот слух оказался ложным: никто и нигде не вооружался для спасения Брауна, и аболиционисты с отчаянием видели, как приближается день расправы над их вождем.

Впрочем, думать о спасении капитана и предаваться

---

<sup>1</sup> Пусть не удивляется читатель этой, на первый взгляд, детской затее. В 1859 году в Америке еще живы были пиратские традиции первых поселенцев Новой Англии. Впрочем, и в наше время мы знаем случаи похищения людей в Европе и Соединенных штатах.

горю могли только рядовые члены организации, оставшиеся неизвестными властям: рабочие, негры, мелкие фермеры, ремесленники.

Такие крупные фигуры, как Фредрик Дуглас, Сэнборн, Джерри Смит и другие, принуждены были в первую очередь думать о своем собственном спасении.

В ковровом чемодане в Кеннеди-Фарм нашлось немало писем, доказывавших участие всех этих лиц в подготовке брауновского восстания.

Дуглас первый спасся бегством. В день выхода газет с компрометирующим его материалом он был уже на дороге в Канаду. Там его не могла достать рука правосудия Соединенных штатов. За ним последовали Сэнборн и Хоу, цинично говоривший, что «мертвый Браун принесет больше пользы движению, чем живой».

Так называемые «почтенные» янки, которые чувствовали, что они могут быть хотя бы косвенно заподозрены в связи с Брауном, спешили публично и в печати отмежеваться от него, назвать его «конокрадом», «убийцей», «старым безумцем». Паника охватила тех, которые жертвовали деньги в пользу негров.

Джерри Смит, неуравновешенный, нервный и слабый, узнав о провале восстания и о том, что над участниками будет суд, заболел от страха манией преследования, и его вынуждены были отправить в лечебницу для душевно больных.

Так бесславно кончилась деятельность богатых благодетелей, участвовавших в аболиционистском движении.

## СУД

- Введите подсудимого Джона Брауна.
- Простите, сэр, арестант лежит и утверждает, что не может встать.
- Так внесите обвиняемого на носилках.

Стевенс уже лежал на матраце в углу залы заседания. Четыре тюремщика внесли носилки. Под серым тюремным одеялом только угадывалась человеческая фигура. Подсудимых вызвали для того, чтобы они прослушали обвинительное заключение и ответили на вопросы сторон.

Тюремщик отдернул одеяло. Показалось лицо Брауна — бледное, с закрытыми глазами и плотно сомкнутым ртом. Клерк гнусаво читал постановление суда о вызове свидетелей, причем свидетелей в пользу Брауна в списке не было. Внезапно Браун сел на своих носилках и резко обратился к суду. Он не в таком состоянии, чтобы выдержать это бесконечное судоговорение. У него глубокая рана в спине, несколько сабельных ран на голове, и он плохо слышит, потому что кровь шумит у него в ушах. Пусть суд поторопится и ускорит ход дела.

Паркер не обратил никакого внимания на его слова и начал читать обвинительное заключение: измена, тайный заговор, убийство.

Признают ли подсудимые себя виновными? Нет, не признают. Один за другим поднимаются обвиняемые. Нет. Нет. Нет.

Прокурор Хэнтер предъявил суду бумаги, найденные в коздроме чемодане Брауна: карты, текст конституции, письма. Затем начался допрос свидетелей.

Перед судом прошли плантаторы, которых Браун держал заложниками в арсенале, кондуктор балтиморского поезда и полковник Льюис Вашингтон, Олстэд. Все это были свидетели обвинения, охотно докладывающие суду о том, где, когда и при каких обстоятельствах посягнул на них подсудимый. Свидетели в пользу Брауна, знавшие о его благородных побуждениях, не были вызваны, хотя капитан просил об этом. Наконец, перед судом предстал сын прокурора Хенри Хэнтер, убивший беззащитного Томпсона. Молодой южанин не без удали рассказал об этом «подвиге».

Браун поднялся на своем ложе и вскричал, что это неслыханно! Отец этого молодого убийцы здесь, в зале, и занимает должность прокурора. Больше того — судьба его, Брауна, зависит от отца убийцы!

Это был глас вопиющего в пустыне. Ни судья, ни публика, ни сам прокурор Эндрю Хэнтер не обратили ни малейшего внимания на его слова. Судоговорение продолжалось обычным порядком. Защитники, беспомощные перед таким количеством обвиняющих фактов, были смущены и растеряны. Кроме того, виргинцы по рождению, они были не слишком заинтересованы в сохранении жизни своему клиенту.

Они могли бы потребовать перенесения судебных заседаний в дальний округ, где страсти были менее возбуждены и где настроению толпы не влияло бы на решение суда. Но они не сделали даже и этого.

Однако в руки защитников попал важный козырь в пользу их клиента — телеграмма, полученная утром из Экрона, Огайо. Они огласили ее текст:

«Вторник, октября 27-го 1859 года. Экрон. Огайо. Лоусону Ботс. Джон Браун, вождь восстания в Харперс-Ферри, и некоторые члены его семьи много лет жили в здешнем округе. В этой семье — наследственные душевные болезни. Сестра его матери умерла сумасшедшей, а дочь ее провела два года в лечебнице для умалишенных. Эти факты могут быть подтверждены свидетельскими показаниями, если пожелает суд».

В зале поднялся насмешливый гул. Так, значит, он просто сумасшедший, этот величественный герой?! Значит, его высокие идеи — просто навязчивые идеи маньяка?! О, как злорадствовали «сыны Виргинии»! Угроза смерти не сломила старика, так теперь его проймет издевка! Он захочет спасти свою жизнь и для этого предпочтет прослыть сумасшедшим!

Но капитан недолго позволил им торжествовать. Он

с бешенством откинул одеяло и, негодующий, обратился к своим судьям:

— Ваша честь, я категорически протестую против того, чтобы этим документом пользовались для моей защиты. Я публично заявляю, что телеграмма написана с целью опорочить меня перед моими сторонниками. Все время я действовал в здравом уме и твердой памяти и несу полную ответственность за мои поступки!

Среди присутствующих пронесся шопот — никто не ожидал от Брауна такой выходки. Доказанное сумасшествие — ведь это был его единственный шанс избежать казни!

Окончательно обескураженные защитники начали упираться на благородство побуждений Брауна и на его гуманное обращение с заложниками, которых он мог бы уничтожить, если бы хотел мстить за смерть двух своих сыновей.

На заседание суда явились новые адвокаты, только что прибывшие с Севера: Гризуольд из Кливленда и Чилтон из Вашингтона, посланные аболиционистами защищать капитана Брауна. Оба юриста считали, что важнее всего выиграть время, оттянуть суд до следующей сессии. Тогда страсти поулягутся, возбуждение, вызванное делом, спадет и легче будет добиться для Брауна более мягкого приговора.

Капитан окончательно ослабел за время суда, и два новоприбывших адвоката настаивали на болезненном состоянии своего клиента.

— Он может лежать, стало быть, лежа присутствовать на суде, — отвечал Паркер.

В понедельник, 1 ноября суд заслушал выступления сторон. Чилтон и Гризуольд говорили об идейных мотивах, руководивших подсудимым, напоминали присутствующим о суровой школе жизни, пройденной Брауном, об его честных помыслах и потере трех сыновей. Но

что значили эти лирические подробности для людей, которые сидели здесь и смотрели на Брауна глазами собак, готовых вцепиться в наконец-то затравленного зверя?!

Поднялся Эндрю Хэнтер, тучный мужчина в тугом, накрахмаленном галстуке.

Он даже не трудился полемизировать со своими противниками, он просто изложил факты. Браун захватил город Харперс-Ферри, который был ему нужен, как основной пункт для сбора всех восставших. Здесь он хотел сосредоточить вооруженные силы и выступить против Союза. Его «Временное правительство» — вполне реальная вещь, стало быть, Джон Браун виновен в государственной измене.

Кроме того, совет может быть подан не только словами, но и действием. Если вы вкладываете в руки раба пику и арестовываете его хозяина, — это есть призыв к восстанию, караемый смертью.

— Вынесите свое суждение соответственно вашим законам, — сказал Хэнтер, обращаясь к присяжным. — Оправдайте подсудимого, если найдете возможным. Но если правосудие требует от вас смертного приговора, не дрогните. Если он виновен, пусть карающая рука правосудия отправит его к творцу, который раз и навсегда решит этот вопрос.

И прокурор, отдуваясь, отер платком вспотевшее толстое лицо.

Присяжные заняли свои места. Было сумрачное утро 2 ноября. Присутствующие сосредоточенно жевали табак. К услугам желающих были плевательницы, но люди предпочитали плевать, куда вздумается, поэтому пол, стены и даже скамьи были густо усеяны плевками, скорлупой каштанов, окурками.

— Виновен или невинновен подсудимый Джон Браун? — громко спрашивает судья.



— Виновен, — отвечает старшина присяжных, плантатор Бойс, — виновен в измене Союзу, в заговоре и подстрекательстве рабов к восстанию и в убийстве.

Джон Браун чуть приподнял одеяло и снова опустил голову на носилки. Казалось, это не о нем говорили присяжные и не его жизнь висела сейчас на весах американской Фемиды.

Клерк гнусавым голосом спросил, что имеет сказать суду до произнесения приговора подсудимый.

Браун с трудом приподнялся, пристально поглядел на хмурого судью, на прокурора, заготовлявшего перочинным ножом табачную жвачку. Никто не ответил на его взгляд, все угрюмо смотрели в пол, словно он был обвинителем, а они — подсудимыми.

— Я скажу немного, — начал Браун. — Если нужно заплатить моей жизнью за то, чтобы скорей воцарилась справедливость, если нужно смешать мою кровь с кровью моих детей и миллионов других в этой стране рабов, права которых попираются так несправедливо и жестоко, я говорю: да будет так.

Челюсти на минуту перестали жевать. Старый человек с окровавленной повязкой на лбу сказал свое последнее слово — твердое слово мужественного, неподкупного борца за справедливость. Судья Паркер заторопился читать приговор.

Джон Браун, пятидесяти девяти лет отроду, фермер из Северной Эльбы, белый, приговаривался к повешению за шею ровно через месяц от сего дня, то-есть 2 декабря 1859 года.

«Дорогая жена и дети, я думаю, вы уже узнали из газет, что две недели тому назад мы сражались в Харперс-Ферри, что во время сражения Оливер был смертельно ранен, Ватсон убит, В. Томпсон убит и Дофин убит. Что на следующий день я был ранен саблей в го-

лову и получил штыковую рану в спину. Оливер умер от ран на второй день. С тех пор меня судили и признали виновным в измене и убийстве.

Я не чувствую себя виновным в этих преступлениях; даже то, что меня заключили в тюрьму и заковали в железеза, не смиряет меня. Я совершенно уверен в том, что вскоре моей семье не придется краснеть за меня. Когда и в каком бы виде ни пришла смерть — это всего только краткое мгновение. Смерть на эшафоте за вечную справедливость, пострадать за человечество — я предпочту это всякой другой смерти, говорю это без хвастовства.

Я бы охотно признал свою вину, если бы был убежден в ней. Я был заключен в тюрьму и имел возможность посмотреть фактам «в лицо», как я обычно делаю: теперь я доволен, что удостоился так пострадать за правду.

Итак, мои дорогие, утешьтесь. Я надеюсь, что смогу написать вам еще. Мои раны затягиваются. Перепиши это, Руфь, и пошли твоим опечаленным братьям — Джону и Джемону, дабы их утешить. Передай моим бедным мальчикам, чтобы они ни одной минуты не горевали обо мне. И если они доживут до того времени, когда им не придется стыдиться своего родства со старым Джоном Брауном, пусть они не удивляются. Напишите мне несколько слов о том, как вы все поживаете. Ваш любящий муж и отец Джон Браун.

P. S. Вчера, ноября 2-го, я был приговорен к повешению 2 декабря след. мес. Не горюйте обо мне. Я по-прежнему совершенно бодр. Бог да благословит вас всех. Дж. Браун».

Тяжелые железные кандалы загремели на ногах узника, когда он встал, чтобы позвать тюремщика.

— Я должен просматривать все ваши письма.

— Просмотрите. Я не пишу ничего такого, чего не мог бы прочесть каждый.

И белобородый № 18 вернулся к столу, на котором оплывала и коптила свеча. Соломенный матрац в углу, грубый табурет и цепи на ногах—все это было как бы вне его сознания. Для Джона Брауна не существовало этой убогой и уродливой действительности. Другое занимало его мысли в эти немногие остающиеся дни. Сейчас или никогда он должен быть услышан и понят, сейчас или никогда он должен сказать людям единственную правду. Его слова, слова смертника, слова обреченного, дойдут до сознания людей и привлекут тысячи сторонников к его делу.

Браун стал внезапно расчетлив и предусмотрителен. То, чего ему нехватало когда-то, в дни торговли шерстью, вдруг выплыло теперь, в камере № 18.

Он до мелочей учитывал, какую пользу принесет его смерть и какой это будет благодарный материал для революционного движения, какое агитационное значение могут иметь его письма перед казнью, сколько денег для помощи неграм может он собрать, написав тому-то и тому-то из северян...

Капитан писал редакторам крупных газет, известным проповедникам, парламентским деятелям, журналистам, иностранцам... Поздно ночью тюремщик, заглядывая в «глазок», видел все ту же согнутую над столом фигуру и огромную, колеблющуюся тень на стене.

В месяц, следовавший за приговором, узник чарльстоунской тюрьмы был в центре внимания всей Америки. Капиталистическая печать Юга и Севера устраивала над приговоренным к смерти пляску каннибалов. Юг не мог простить Брауну того, что его двадцать два бойца привели в панику целый округ. Теперь, когда враг был обезврежен, помещики Юга издевались над его мучениями, изошрялись в придумывании самой оскорбительной смерти.

Буржуазия Севера была недовольна: она все еще ве-

рила в чудо конституции, в мирные договоры, а Джон Браун так некстати раздражил южан, подбавив масла в огонь. Зато в передовой интеллигенции, среди рабочих и фермеров выступление Брауна рассматривалось как подвиг, о нем говорили с восхищением.

В Нью-Йорке и Бостоне состоялись многочисленные митинги, с трудом разгоняемые полицией.

Брауна провозгласили новым святым, который прославит эшафот, как распятие. Гораций Грили, редактор газеты «Нью-Йоркская трибуна», оценивал положение более трезво:

«Восстание в Ферри ускоряет назревающий конфликт, и я думаю, что конец рабства в Союзе теперь на десять лет ближе, чем это казалось несколько недель тому назад».

Камеру № 18 осаждали посетители. Тут были юристы, военные, квакеры, священники. Одни глазели на Брауна, как на диковинного и опасного зверя в клетке, другие хотели научиться от него мужеству, третьи ждали от него поучений, четвертые сами хотели поучать и обращать этого старого грешника. Люди специально приезжали из других штатов; некоторые, верные американской страсти, просили у знаменитого человека автографы и совали ему сквозь тюремную решетку свои альбомы.

Браун все сносил терпеливо. Он считал, что и это может принести пользу движению. И только однажды, когда к нему явился священник-южанин и начал его увещавать, Браун вдруг вспылил и чуть не выгнал почтенного пастыря.

«Я не могу считать священнослужителями людей, которые имеют рабов и защищают рабство,— писал он в тот же вечер Хиггинсону,— я не хочу преклонять мои колени с теми, чьи руки обгарены кровью негров».

На имя Джона Брауна приходили со всех концов

страны многочисленные письма. Восхваления и проклятия, издевательства и восторженные похвалы его мужеству.

В течение месяца, когда Джон Браун томился в тюрьме в ожидании казни, весь штат напоминал пороховой погреб.

Губернатор Уайз был в бешенстве. Его канцелярия была завалена письмами и телеграммами. Советы, жалобы, прямые угрозы. Одни требовали немедленной казни Брауна, другие грозили расправиться с самим губернатором, если он не добьется помилования капитана.

Страна была в неслыханном волнении. Отовсюду прибывали сообщения о готовящихся восстаниях и набегах для спасения осужденных.

Губернатор отправил срочное донесение президенту Соединенных штатов Бьюкенену:

«Я располагаю достоверной информацией. Мне сообщают, что будет сделана попытка освободить арестованных. Несколько округов Мэриленда, Огайо и Пенсильвании поминаются как место сбора головорезов. Мы непрерывно опасаемся пожаров и грабежей, могущих вспыхнуть на наших границах».

Два дня спустя полковник Роберт Ли, победитель Джона Брауна, прибыл в Чарльстоун с тремя сотнями артиллеристов из форта Монро. Тысяча солдат милиции из соседних городков расположилась лагерем возле Чарльстоуна.

Чарльстоун сделался похожим на осажденный город. В церквях и школах были расквартированы войска. На всех улицах виднелись ружья, составленные в козлы. Вооруженные патрули рыскали по всему штату. Часовые были расставлены за много миль от города. Почти каждую ночь вспыхивали таинственные пожары. При невыясненных обстоятельствах сгорели амбары трех чарль-

стоунских помещиков, которые были присяжными в деле Брауна и участвовали в составлении смертного приговора.

Весь ноябрь продолжались пожары, и на зимнем небе то и дело появлялись розовые отблески огня. Несколько выстрелов было сделано по окнам наиболее богатых жителей. Мэр Чарльстоуна приказал всем приезжим, под страхом ареста, покинуть город.

Маленький городок, казалось, съежился в ожидании каких-то страшных событий. Малейшего пустяка, случайного выкрика, ребячьего плача было достаточно для того, чтобы вспыхнула тревога. По тихим ночным улочкам стучали тяжелые сапоги солдат, и с криком пронесилась на своих лошадях кавалерия.

Войска, пушки, чрезвычайные предосторожности — весь этот пышный реквизит государственной власти был вызван паническим страхом перед пятидесятидевятилетним человеком с белой ниспадающей бородой. И страх был не напрасен, ибо за этим человеком стояла сама Справедливость.

Несмотря на то, что Виргиния была наводнена войсками, аболиционисты все же не теряли надежды на спасение капитана. Бостонские друзья во главе с Хиггинсоном собрали небольшой хорошо вооруженный отряд молодежи и намеревались напасть на тюремную стражу в тот момент, когда арестованного повезут к месту казни. Однако Браун не соглашался на это, и Хойт сообщил в Бостон, что, по его мнению, единственный человек, который может подействовать на Брауна, уговорить его, — это его жена Мэри Дэй Браун.

Хиггинсон тотчас же отправился в Северную Эльбу. Он нашел всю семью в большом и темном бревенчатом доме. Сэлмон Браун был здесь единственным мужчиной — дом населяли женщины семейства Браун. Хиг-

гинсон отметил про себя общую для всех Браунов суровую сдержанность, почти величие.

Здесь не рыдали и не причитали от горя. Энни, приехавшая недавно из Кеннеди-Фарм, качала ребенка только что овдовевшей Бэлл. Некогда беспечная и насмешливая Руфь низко склонила над шитьем золотоволосую голову: Руфь была вдовой застреленного Вила Томпсона.

Но вот вошла слегка сутуловатая женщина, и все в комнате словно подтянулись, словно перед лицом ее великого горя захотели забыть о своих собственных горестях. Мэри Дэй, жена капитана, только что потеряла двух сыновей и теперь готовилась потерять мужа.

Хиггинсон осторожно приступил к цели своего приезда. Миссис Браун должна поехать вместе с ним в Чарльстоун и уговорить капитана бежать. На нее — вся надежда.

— Если отец не соглашается бежать, не нужно настаивать. Это бесполезно, — вмешалась вдруг Энни. Хиггинсон поглядел на нее, и ему внезапно почудилось за ее чертами другое лицо, старое и мужественное.

— Джон не зовет меня к себе, значит он не хочет, чтоб я приезжала к нему, — сказала жена капитана.

Но тут выступил Сэлмон. Он подошел к матери и погладил ее по гладко зачесанной голове.

— Ты должна поехать, ма, — сказал он твердо. — Мы должны испробовать все, чтобы спасти отца.

В эту ночь Мэри Дэй позже обычного сидела за шитьем. Она чинила шерстяные носки мужа, чтобы взять их с собой в чарльстоунскую тюрьму.

Каким-то образом слух о готовящемся приезде жены достиг узника № 18. Мэри Дэй, прибывшей с Хиггинсоном в Бостон, передали его телеграмму:

«Ради бога, не допускайте приезда м-с Браун сюда».

Вслед за телеграммой пришло письмо, адресованное Хиггинсону:

«Дорогой друг, если моя жена приедет сейчас сюда, это только расстроит ее, прибавит мне горя и никак не может подействовать на меня хорошо. Убедите ее остаться дома, хотя бы до тех пор, пока я не дам ей знать о себе. Дома она найдет в тысячу раз больше утешения, чем где бы то ни было еще. Ее присутствие здесь только увеличило бы мои страдания. Я прошу ее быть спокойной и послушной и не поступать опрометчиво в отношении меня. Я ни в чем не нуждаюсь и чувствовал себя вполне бодрым, пока не услышал, что она собирается сюда. Я прошу ее сдерживаться, оставаться на месте до последних дней этого месяца, не поддаваясь чувству жалости. В этом деле я — лучший судья, чем кто бы то ни было. Пожалуйста, перешлите это письмо при первой же возможности моей жене. Ваш друг Джон Браун».

— Все погибло,— сказал Хиггинсон, передавая письмо Мэри Дэй.

Сутулая женщина молча прочла то, что написал ее непреклонный муж. Рот ее вздрагивал, и тяжелая, не женская морщина перерезала лоб.

— Видите, я лучше всех знаю Джона,— сказала она почти неслышно,— он не хочет, чтобы его что-нибудь отвлекло в последние минуты. Но он еще позовет меня, я уверена в этом.

И Мэри Дэй поехала в Филадельфию, чтобы оказаться поблизости, когда муж позовет ее к себе.

Этот день наступил. Она получила письмо, помеченное чарльстоунской тюрьмой, со следами пальцев тюремщика.

«Мэри, если ты готова перенести свидание со мной перед моим концом и приехать сюда, чтобы собрать останки наших дорогих сыновей и твоего мужа (виргинцы позволяют тебе это), прошу тебя, приезжай».

Что-то сдавило ей горло, когда она набрасывала прошение на имя губернатора Уайза: «Прошу о выдаче мне



смертных останков моего мужа и сыновей для приличествующего погребения их среди их родственников. Мэри Браун».

Утром 1 декабря будущая вдова капитана приближалась уже к Чарльстоуну. Рядом с ней в карете сидел капитан милиции, по бокам и сзади скакали десять кавалеристов. Так приказал губернатор. Даже одинокая женщина, погруженная в свое горе, казалась ему опасной.

В конторе тюрьмы ее обыскали. Руки тюремщиков скользили по ее платью, по волосам. Она покорно поворачивалась, безучастная ко всему, кроме одного—мысли о нем. Наконец длинный серый коридор. Тюремщик останавливается перед дверью № 18. Поворачивается ключ, в Мэри Дэй видит своего мужа.

На нем незнакомая ей куртка, и борода его стала еще длиннее. Он делает два шага ей навстречу, звенят кандалы, он неловко подхватывает их рукой.

— О, Джон!

— Мэри!

Они держатся за руки, едкие слезы мешают им глядеть друг на друга. Сердце женщины готово остановиться под непосильным бременем. Но мужчина замечает это, он бережно усаживает ее на табурет, он говорит ей, что он совсем спокоен.

— Я прожил долгую жизнь, Мэри. Все, что случилось, — к лучшему...

Голос мужа доносится до нее, словно сквозь глубокую воду.

— Я привезла тебе теплые носки, — говорит она машинально.

Браун радуется этому проявлению жизни в ней. Он спрашивает ее о доме, о детях. Оставили они под паром восточное поле? А изгородь исправлена? Когда пойдет в школу Нэл? Он хотел бы, чтобы все его дети получили хорошее образование.

Мэри Дэй трогает рукой его кандалы.

— Это будет завтра, Джон?

Он уклоняется от ответа.

— Скажи, Мэри, ты проклинаешь меня за ту жизнь, которую я тебе создал?

Жена качает головой. Нет, она с самого начала знала, что свобода потребует от нее многих жертв...

— Это будет завтра, Джон? — настойчиво повторяет она.

Он не успевает ответить. За дверью раздаются шаги.

— Свидание окончено. Карета ждет вас, миссис Браун.

— Подождите,—возбужденно говорит капитан,—разве жена не останется со мной всю эту последнюю ночь?!

— Нет, губернатор не разрешил этого, — отвечает за дверью равнодушный голос, — есть распоряжение губернатора отправить миссис в Ферри.

Внезапное бешенство овладевает Брауном.

— Распоряжение! Распоряжение на эту ночь!!—кричит он в исступлении. — Какой дьявол хочет разлучить меня с женой!.. Я не позволю этого!..

Он кричит и бьет кулаками в железную дверь. Кандалы впиваются ему в ноги, кулаки разбиты, но он ничего не чувствует, он слепо бьет и бьет по железу, одна из ран на голове вдруг открывается, и кровь заливает ему глаза.

— Джон, — Мэри Дэй кладет ему руку на плечо. Этого достаточно. Так же внезапно, как пришло бешенство, приходит спокойствие.

Он целует жену.

— Иди, Мэри. Все хорошо. Прощай.

— О. Джон... прощай.

— Зачем ты едешь в Ферри?

Мэри Браун бледнеет. Капитан зорко смотрит на нее.

— Зачем ты едешь туда?

— Там... я буду ждать... тело, — выговаривает женщина, и Джон Браун понимает, что «тело» — это он.

## КАЗНЬ

Прижавшись к решеткам камер, пять заключенных слушали шаги своего капитана. Около каждой из дверей шаги на секунду замедлялись и ясный голос говорил:

— До свидания, друзья.

Через две недели все пятеро — Стевенс, Грин, Копленд, Копток и Кук — должны были последовать за капитаном, но сегодня он первый переступал порог небытия.

Давно уже не было такого солнечного утра. Горы сияли, чуть окутанные голубой дымкой. Слегка морозило, и солдаты топали ногами, чтобы согреться. Их было много в этот день в Чарльстоуне, так много, будто предстояла не казнь одного старого человека, а большое сражение.

Майор Талиаферро, командующий виргинскими волонтерами, получил накануне письменный приказ губернатора:

«2 декабря с. г. выставьте часовых по всей линии границы от Мартинсбурга до Харперс-Ферри. Предупредите жителей, чтобы они вооружились и были наготове этот день и за несколько дней перед этим. Не разрешайте приезжим и особенно группам приезжих ехать в Чарльстоун 2 декабря.

Железнодорожной охране в Ферри прикажите контролировать пассажиров в поездах с Востока и Запада. Будьте готовы, если потребуют обстоятельства, разобрать рельсы. Пошлите верховых охранять заставы. Нужны два отряда для того, чтобы сдерживать толпу на месте казни. Сформируйте два замкнутых каре вокруг эшафота. Пошлите особенно крепкую охрану в тюрьму и для сопровождения к месту казни. Не допускайте тол-

чу так приближаться к арестованному, чтобы слышать речь, если он вознамерится такую сказать».

Майор Талиаферро в точности выполнил приказ. Полгоры тысячи войск были выстроены на пути от тюрьмы до площади, где стоял эшафот.

Выйдя из тюрьмы, Джон Браун удивленно повел глазами:

— Я не ожидал, что губернатор Уайз обставит мою казнь так торжественно,— сказал он сопровождавшему его шерифу.

Руки капитана были связаны за спиной. Четыре часовых следовали за ним вплотную.

Осужденного посадили на телегу. Рядом с ним на той же телеге поместили сосновый гроб. Джон Браун с наслаждением вдохнул свежий воздух, потом поглядел на горы.

— Какой прекрасный день сегодня,— заметил он, обращаясь к шерифу.

— Вы храбрый человек, капитан,— сказал шериф.

— Таким воспитала меня мать,— спокойно отозвался Браун.

— Вы гораздо храбрее меня, капитан,— снова сказал шериф.

— Все-таки жаль расставаться с друзьями,— отвечал Браун.

Они подъехали к главной площади. Их встретили барабанным боем. Вся площадь была оцеплена солдатами.

Полк чарльстоунской милиции стоял в полной боевой готовности. Белые лошади кавалерии, красные и серые мундиры военных выглядели так празднично, что черный силуэт эшафота казался нелепостью в этот солнечный день.

Однако настроение людей на площади было далеко не праздничное. Всех — от майора Талиаферро до последнего жителя Чарльстоуна — мучил неопределенный

страх. А что, если вот сейчас, вот сию минуту последует что-то ужасное, какой-нибудь взрыв, внезапный бунт негров, налет вооруженных аболиционистов?! Даже крупнейшие плантаторы штата, съехавшиеся поглядеть на казнь своего злейшего врага, испытывали сейчас не радость, а тревогу. Тут были Вашингтон, Бирн, Олстэд и другие. Им отвели лучшие места, откуда виселица была видна, как на ладони. Позади, теснимые солдатами, стояли менее именитые виргинцы. В стороне жалась кучка негров с хмурыми, настороженными лицами.

Капитана ввели на помост и завязали ему глаза.

— Погодите минутку, — попросил он.

Он повернул голову к народу на площади и отчетливо сказал:

— Я, Джон Браун, теперь совершенно уверен, что только кровь может смыть великое преступление этой греховной страны. Я думаю теперь, что напрасно тешил себя мыслью — будто достигнуть этого можно без большого кровопролития...

Он хотел еще что-то сказать, но «каменный» Джексон, главный палач штата, поторопился накинуть ему на шею петлю.

Джон Браун неловко шагнул вперед, но не попал на люк. Шериф закричал ему:

— Вы не туда ступаете, капитан. Сделайте еще шаг вперед!

Тогда из-под повязки раздался спокойный голос капитана.

— Я ничего не вижу, джентльмены. Подведите меня сами к моей смерти.

Джексон сзади подтолкнул его.

— Долой рабство! — крикнул Джон Браун. — Долой угнетателей! — И чьи-то голоса из толпы отзывались восторженно и громко:

— Долой рабство... Слава Брауну!

Поднялась суматоха. Солдаты бросились на голоса. Они продирались сквозь толпу и каждого спрашивали:

— Кто кричал? Где кричали?

Но никто не знал. Каждому казалось, что кричали где-то на другом конце площади. Пользуясь суматохой, палач закончил свое страшное дело.

«День второго декабря 1859 года станет великим днем нашей истории, датой новой революции, столь же необходимой, сколь была прежняя. Когда я пишу это, в Виргинии, за попытку освободить рабов, ведут на казнь старого Джона Брауна. Это значит сеять ветер, чтобы пожать ураган, который вскоре налетит».

Так писал в своем дневнике Лонгфелло, предвидевший судьбы Америки и глубоко потрясенный казнью Брауна.

Весь мир с негодованием следил за ходом процесса, за холодным и лицемерным американским «правосудием».

Не осталось почти ни одного выдающегося, передового человека в Старом и Новом свете, который не высказал бы в печати или публично своего возмущения.

«Взоры всей Европы устремлены на Америку, — писал Виктор Гюго. — Повешение Джона Брауна обнаружит скрытую трещину, которая приведет к окончательному расколу Союза. Стараясь скрыть ваш позор, вы убиваете вашу славу».

После смерти Джон Браун сделался народным героем, о нем слагали песни. Весь мир облетела песня, с которой солдаты северян шли в бой против Юга:

«Спит Джон Браун в могиле сырой,  
Но память о нем ведет нас в бой».

11 января 1860 года, т. е. спустя полтора месяца после казни Брауна, Карл Маркс писал Фридриху Энгельсу: «Величайшее, по моему мнению, из происходящего сейчас в мире — это, с одной стороны, американское движение рабов, начавшееся смертью Джона Брауна, с другой стороны — движение крепостных в России».

---







### **БИБЛИОГРАФИЯ**

- 1) Congressional debate: I st session doc. № 278 «John Brown's raid on Harper's Ferry 1857—1859». Washington.
- 2) Pate, Henry. John Brown as Viewed by H. Clay Pate, N. Y. 1859.
- 3) Redpath, James. The public life of Captain John Brown. Boston, 1860.
- 4) Webb, Richard D. Life and letters of Captain John Brown. London, 1861.
- 5) Sanford, F. B. Memoires of John Brown. Concord. 1878.
- 6) Brown, G. W. Reminiscences of old John Brown. Rockford. Ill. 1880.
- 7) Sanborn, F. B. The life and letters of John Brown. Boston, 1885.
- 8) Von Holst, H. John Brown. Boston, 1889.
- 9) Williams, Edward. The Views and Meditations of John Brown. Washington, 1893.
- 10) Hinton, Richard. John Brown and his Men. N. Y. 1894.
- 11) Chamberlin, J. E. John Brown. Boston, 1899.
- 12) Connelley, W. E. John Brown. Topeka. Kansas. 1900.

- 13) Newton, J. Captain John Brown of Harper's Ferry. London, 1902.
- 14) Avey, E. The Capture and Execution of John Brown. Elgin, Ill. 1905.
- 15) Winkley, J. W. John Brown the Hero. Boston, 1905.
- 16) Du Bois W. E. John Brown 1800—1859. Philadelphia, 1909.
- 17) Villard, O. G. John Brown 1800—1859. A Biography Fifty years After. Boston and New York, 1910.
- 18) Wilson, H. P. John Brown: Soldier of Fortune. Lawrence, Kansas, 1913.
- 19) Ehrlich, L. God's Angry Man. N. Y. 1934.
- 20) Майкл Голд и Майкл Блэнкфорт, Джон Браун. М. Гослитиздат. 1937.
- 21) Robert Penn Warren, John Brown. The making of a Martyr. New-York, 1929.
- 22) Brandt, J. History of John Brown. 1895.
- 23) Brewerton, G. D. The War in Kansas. N. Y. 1856.
- 24) Burges, J. W. Civil War and the Constitution 1859—1865. N. Y. 1901.
- 25) Holloway, N. History of Kansas. 1868.
- 26) Hovenden, Thomas. Last Moments of John Brown. Philadelphia, 1884.
- 27) Leech, S. V. The Raid of John Brown at Harper's Ferry as I saw it. Washington, 1909.
- 28) Redpath, J. Echoes of Harper's Ferry. Boston, 1860.
- 29) Rhodes, J. F. History of the United States. N. Y. 1904.
- 30) Siebert, W. The Underground Railroad. N. Y. 1898.
- 31) Williams, G. History of the Negro Race in America from 1680—1880. N. Y. 1883.
- 32) Smith, T. C. Patties and Slavery 1850—59. 1906.
- 33) Dickens, Ch. American Notes. London.
- 34) Hart, A. B. Slavery and Abolition 1831—1841. N. Y. and Ld.
- 35) Д. О. Заславский, Очерки истории Северо-Американских С. Ш. XVIII и XIX вв. М. 1931.
- 36) В. Лан, Классы и партии в США. М. 1936.

37) Ратнер-Штернберг, С. А. Черные и белые в США. М.—Л. 1936.

38) Harlow, R. V. The growth of the United States. London 1926.

39) А. Е ф и м о в, История капитализма в США. ОГИЗ, Соцэкгиз. 1934.

40) Ф о л ь к н е р, История народного хозяйства США. Соцэкгиз. 1932.

41) Ulrich, B. Phillips, American Negro slavery. 1918.

42) Ch. Beard. History of American Civilization.

---



## СОДЕРЖАНИЕ

Заокеанская республика . . . . .	5
Север и Юг . . . . .	17
«Голубые законы Коннектикута» . . . . .	29
Черные и белые . . . . .	48
Скитания . . . . .	57
Аболиционизм и противоневольничество . . . . .	66
«Миссурийский компромисс» . . . . .	83
Канзас . . . . .	92
Фермер-боец . . . . .	102
Школа вождей . . . . .	116
Конституция временного правительства . . . . .	128
«Мать штатов» . . . . .	146
Последний вечер . . . . .	158
Ночь на 17 октября 1859 года . . . . .	168
Арсенал Харперс-Ферри . . . . .	176
Помощь не приходит . . . . .	194
«Сыны Виргинии» . . . . .	203
Суд . . . . .	214
Казнь . . . . .	229
Библиография . . . . .	235

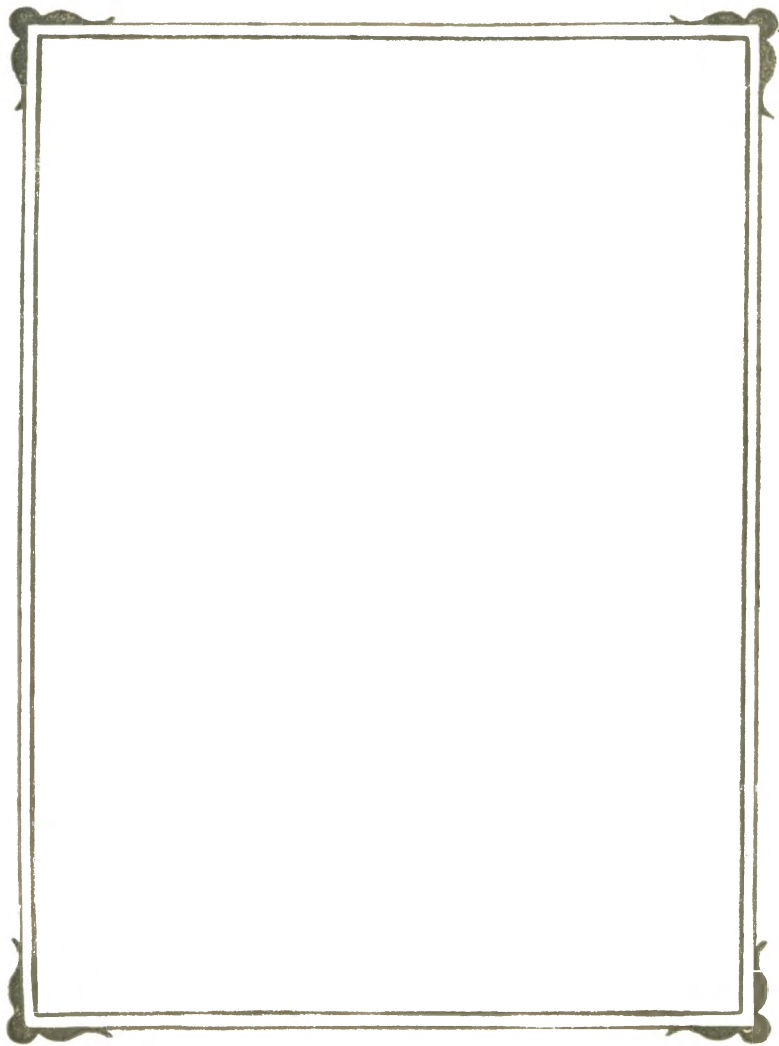
Редактор *Н. Н. Козюра*

Подписано к печати 21<sup>II</sup> 1941 г.  
7½ п. л.+5 вклеек. 10,5 уч.-изд. л.  
(58 200 тип. зн. в п. л.) А35154.  
Тираж 50 000. Зак. № 1070.

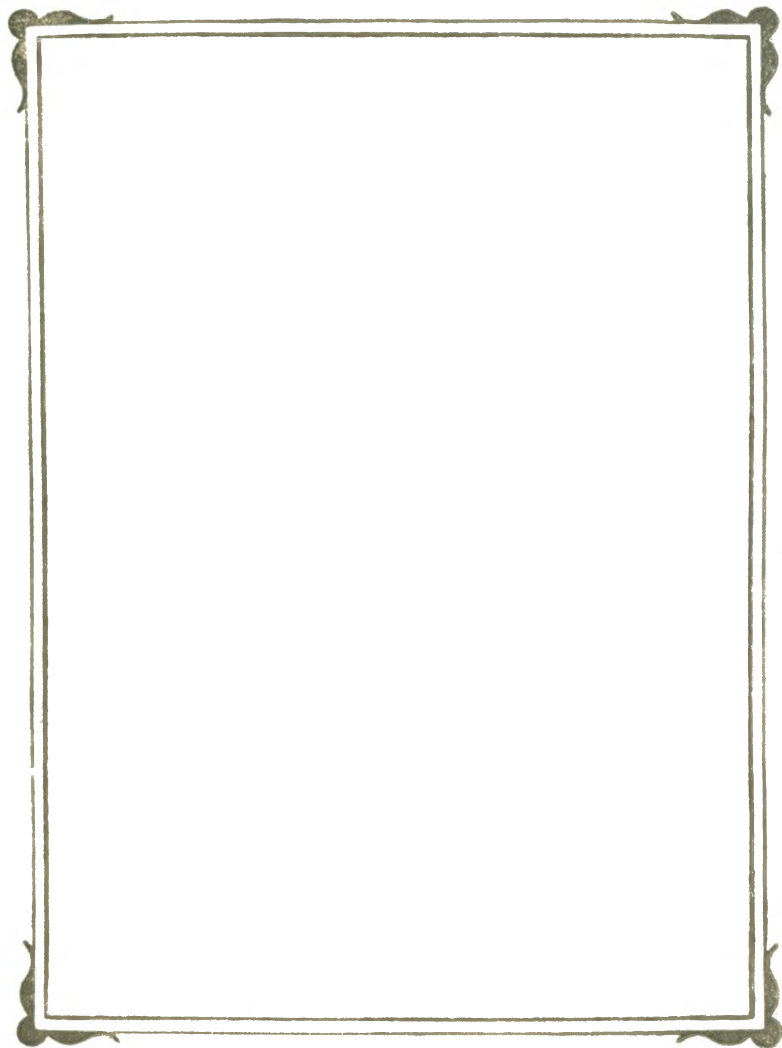
Фабрика юношеской книги изд-ва  
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»  
Москва, ул. Фридриха Энгельса, 46

Цена 3 руб.  
Переплет 1 руб.









4 руб.